

A young man and woman are shown in a close embrace. The man, on the left, has a tattoo on his neck and is wearing a blue shirt and a dark vest. The woman, on the right, has long blonde hair and is wearing a light-colored top with a pattern of small dark spots. They are standing in front of a building with classical architectural features like columns and a balcony.

ВОЗВРАЩЕНИЕ К ЛЮБВИ

Иногда двоим влюбленным
надо разлучиться, чтобы понять,
что им никак нельзя обойтись
друг без друга...

КОЛИН ГУВЕР

СТО ОТТЕНКОВ ЛЮБВИ

Колин Гувер
Возвращение к любви

Эта книга посвящается всем, кто прочитал «Ключи от твоего сердца» и вдохновил меня на создание продолжения истории Лейкен и Уилла

Colleen Hoover

POINT OF RETREAT

Copyright © 2012 by Colleen Hoover

All rights reserved

Atria Books, a Division of SIMON & Schuster Inc.

© Н. Пресс, перевод, 2014

© ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2014

Издательство АЗБУКА®

К сведению читателей

«Возвращение к любви» – второй роман дилогии. Если вы хотите узнать больше о первом романе, «Ключи от твоего сердца», посетите веб-сайт автора: www.colleenhoover.com

Пролог

31 декабря

«Новогодние обещания»

Уверен, этот год станет нашим: моим и Лейк!

Последние несколько лет однозначно не прошли для нас под счастливой звездой: три года назад внезапно погибли мои родители, оставив меня с младшим братом на руках, да еще и Воэн, с которой я встречался два года, решила уйти от меня практически сразу после их смерти... Ну и в довершение всего мне пришлось бросить учебу. Я отчислился из университета, переехал обратно в Инсиланти и стал официальным опекуном Колдера – это решение далось мне очень и очень нелегко... Но это самое верное решение из всех, что я принял за свою жизнь!

Весь следующий год каждый день я старался привыкнуть к новой жизни: к разбитому сердцу, к тому, что у меня теперь нет родителей, к тому, что я сам стал отцом и единственным кормильцем в нашей маленькой семье. Оглядываясь назад, думаю, что все это у меня получилось только благодаря Колдеру: если бы не он, у меня уже давно опустились бы руки.

Первую половину прошлого года я вообще помню смутно. В действительности тот год начался для меня 22 сентября – в день, когда я познакомился с Лейк. Конечно же, он оказался не легче предыдущих, но в совершенно ином смысле. Оказавшись рядом с ней, я впервые почувствовал себя поистине живым! Однако обстоятельства сложились так, что мы не могли быть вместе, поэтому живым я чувствовал себя не так уж долго.

Этот год в каком-то смысле прошел лучше: много любви, много горя и вновь попытки привыкнуть к тому, как все изменилось... В сентябре умерла Джулия. Не ожидал, что ее смерть так потрясет меня: я будто во второй раз потерял родную маму.

Я скучаю по маме. Скучаю по Джулии. Слава богу, у меня есть Лейк!

Как и я, мой отец любил писать. Он часто повторял, что привычка записывать мысли каждый день – бальзам для души. Возможно, последние три года дались мне с таким трудом из-за того, что я не послушался его совета – мне казалось, что нескольких выступлений на слэме в год вполне

достаточно для «терапии». Наверное, я ошибался. Мне хочется, чтобы наступающий год стал именно таким, каким я хочу: идеальным! Итак, сказав все это (точнее, написав), я торжественно обещаю писать: пусть всего одно слово в день, но я буду писать... чтобы не держать все в себе.

Часть первая

Глава 1

Четверг, 5 января

Сегодня записался на курсы в университете. По расписанию получают не те дни, которые хотел, но осталось всего два семестра, так что тут уже не покапризничаешь. Думаю, стоит поискать работу в местных школах на следующий семестр. Надеюсь, через год уже снова буду преподавать, а пока что живу на кредит на обучение. К счастью, бабушка с дедушкой решили помочь нам, пока я пишу диплом. Без них я бы не справился, это точно!

Вечером к нам на ужин придут Гевин и Эдди. Наверное, сделаю чизбургеры. Чизбургеры – это дело... Даже и не знаю, что еще написать...

– Лейкен тут или там? – спрашивает Эдди, заглядывая в дом.

– Там! – кричу я из кухни.

У меня что, на дверях висит табличка, приглашающая входить без стука? Лейк, понятное дело, уже давно не стучится, прежде чем войти, а теперь, судя по всему, эта привилегия распространяется и на Эдди. Она пересекает улицу к дому Лейк, а ко мне заходит Гевин, на ходу слегка постучав костяшками пальцев в дверь. Это, конечно, не официальный вопрос, можно ли войти, но Гевин хотя бы делает вид...

– Что у нас на ужин? – спрашивает он, снимая ботинки и проходя в кухню.

– Бургеры, – отвечаю я, отдаю ему лопатку, киваю на плиту и прошу перевернуть мясо, пока я достаю из духовки картошку фри.

– Уилл, слушай, а ты замечал, что почему-то готовим всегда мы с тобой?!

– Ну, это, может, и неплохо, – откликаюсь я, перекладывая картошку со сковородки на блюдо. – Вспомни, как Эдди пыталась приготовить куриный Альфредо.

– Ты, как всегда, прав, – усмехается Гевин.

Я зову на кухню Кела и Колдера – в их обязанности входит накрывать на стол. Последний год, с тех пор как мы с Лейк стали встречаться, Гевин и Эдди ужинают у нас минимум два раза в неделю. Мне все-таки пришлось купить обеденный стол, потому что за барной стойкой мы помещаемся с трудом.

– Привет, Гевин! – здоровается Кел, входя на кухню и доставая из

буфета чашки.

– Привет! Ну что, придумал, где будем справлять твой день рождения?

– Не знаю, – пожимает плечами Кел. – Может, в боулинге? Или просто здесь что-нибудь устроим...

В кухню входит Колдер и начинает накрывать на стол. Я оборачиваюсь и тут же замечаю, что он ставит на одну тарелку больше, чем обычно.

– Мы ждем кого-то в гости? – спрашиваю я.

– Кел пригласил Кирстен, – ухмыляясь, сообщает Колдер.

Кирстен переехала на нашу улицу с месяц назад, и, похоже, Кел в нее по уши влюбился, хотя, конечно, ни за что в жизни не признается в этом. Ему вот-вот исполнится одиннадцать, и мы с Лейк подозревали, что нечто подобное скоро случится. Кирстен на несколько месяцев старше его и намного выше. У девочек половое созревание наступает раньше, чем у мальчиков, но, возможно, он ее все-таки догонит.

– Парни, в следующий раз будьте добры ставить меня в известность, если приглашаете кого-то еще! Мне теперь придется еще один бургер делать! – ворчу я, доставая из холодильника дополнительный бифштекс.

– Кирстен не ест мяса, она вегетарианка, – просвещает меня Кел.

– Соевого мяса у меня нет! – раздраженно кидаю я через плечо, убирая бифштекс обратно. – И что она в таком случае будет делать? Булочки жевать?!

– Булочки вполне подойдут, – заявляет Кирстен, входя в дом – естественно, не постучавшись. – Обожаю булочки! И картошку фри тоже! Просто я не ем продукты, полученные в результате безжалостного убийства животных.

Она подходит к столу и, аккуратно отрывая от рулона бумажные полотенца, начинает раскладывать их рядом с тарелками. Надо же, Кирстен ведет себя здесь так же уверенно, как Эдди.

– А это кто? – спрашивает Гевин, наблюдая за тем, как Кирстен хозяйничает в моей кухне. – И не скажешь, что она тут в первый раз.

– Это моя одиннадцатилетняя соседка. Я тебе о ней рассказывал. Правда, мне кажется, что она просто успешно маскируется. Судя по ее разговорам, на самом деле она уже взрослая, только ростом не вышла и поэтому притворяется маленькой рыжей девочкой.

– А, так это та, в которую Кел втюрился? – улыбается Гевин, и по огоньку в его глазах я понимаю, что он уже придумывает, как бы подразнить Кела за ужином. Да-а, вечер обещает быть интересным...

За последний год мы с Гевиним очень сблизились. Думаю, это неплохо, учитывая, что Эдди и Лейк – лучшие подруги. Тем более они очень

нравятся Келу и Колдеру. Это хорошо. Да и мне нравится, как все устроилось. Надеюсь, так будет и дальше.

Приходят Эдди и Лейк, и мы наконец садимся за стол. Лейк собрала мокрые после душа волосы в узел на макушке. На ней домашние туфли, спортивные брюки и футболка. Мне нравится, что она чувствует себя здесь вполне комфортно. Сев рядом со мной, она целует меня в щеку.

– Спасибо, милый! Прости, что я задержалась. Долго пыталась зарегистрироваться на курс по статистике через сайт университета, но там уже мест нет. Видимо, завтра утром придется идти в деканат и уговаривать их все-таки взять меня.

– А зачем тебе статистика? – удивляется Гевин, наливая в тарелку кетчуп.

– Я выбрала «Алгебру-два» на зимний мини-семестр – хочу разобраться с математикой в первый год, я ж ее терпеть не могу! – объясняет Лейк, забирая у Гевина кетчуп и выдавливая немного сначала на мою тарелку, а потом на свою.

– А зачем так торопиться? У тебя уже и так больше баллов, чем у нас с Эдди, вместе взятых.

Эдди согласно кивает, не отрываясь от бургера, а Лейк выразительно смотрит на Кела с Колдером.

– А еще у меня уже больше детей, чем у вас с Эдди, вместе взятых. Вот зачем так торопиться.

– А какая у тебя специальность? – спрашивает Кирстен.

– А ты вообще кто? – Эдди будто только теперь заметила, что нас за столом на одного человека больше.

– Я Кирстен, – улыбается в ответ девочка. – Живу наискосок от Уилла и Колдера, рядом с Лейкен и Келом. Мы переехали сюда из Детройта перед Рождеством. Мама сказала, что пора выбираться из города, пока город не избавился от нас... Не знаю, что конкретно она имела в виду. Мне одиннадцать лет. Одиннадцать мне исполнилось одиннадцатого ноября две тысячи одиннадцатого года. Не думаю, что много кому так повезло: чтобы одиннадцать лет исполнилось одиннадцатого-одиннадцатого-одиннадцатого. Жаль только, что я родилась в три часа дня. Вот если бы я еще и родилась в одиннадцать часов одиннадцать минут, меня бы наверняка показали в новостях, ну или еще что-нибудь в этом роде. Можно было бы записать фрагмент телепередачи на видео – когда-нибудь пригодилось бы для портфолио. Хочу стать актрисой, когда вырасту.

Эдди, как, впрочем, и все мы, в шоке смотрит на Кирстен и молчит. Кирстен поворачивается к Лейкен и, совершенно не обращая внимания на

наше замешательство, повторяет свой вопрос:

– Так какая у тебя специализация, Лейкен?

– Я еще не решила, – неуверенно отвечает Лейкен, откашливаясь и откладывая бургер. Я-то знаю, как она ненавидит, когда ее спрашивают об этом.

– Ясно, – с сочувствием смотрит на нее Кирстен. – Все та же пресловутая неопределенность. Мой старший брат уже три года учится на втором курсе в колледже, у него баллов хватит на пять специализаций! Думаю, он не хочет принимать решение, потому что предпочитает спать каждый день до полудня, потом пару-тройку часов сидеть в аудитории и каждый вечер развлекаться. Кому охота заканчивать учебу и устраиваться на настоящую работу? Мама говорит, что я не права, считает, что он пытается понять, «в чем его истинное предназначение», занимаясь всем, что ему интересно. А по-моему, это полная хрень.

Я не могу удержаться от смеха и одновременно кашляю, потому что все, что я только что проглотил, пытается вырваться обратно.

– Ты сказала «хрень», – замечает Кел.

– Кел, не смей говорить «хрень»! – одергивает его Лейк.

– Но она первая сказала «хрень»! – встает на защиту друга Колдер.

– Колдер, не смей говорить «хрень»! – ору на него я.

– Прошу прощения, – обращается Кирстен к нам с Лейкен. – Мама считает, что Федеральная комиссия по связи объявила некоторые слова ругательными просто для того, чтобы средствам массовой информации было легче шокировать аудиторию. Она говорит, что если все будут их произносить часто, они перестанут восприниматься как ругательства и никого не оскорбят.

Да, девчонка-то не промах!

– Твоя мама разрешает тебе ругаться? – удивляется Гевин.

– Да, – кивает Кирстен. – Но лично я смотрю на это несколько иначе. Скорее, она разрешает нам последовательно разрушать систему злоупотребления словами, которым хотят придать вредный смысл, хотя на самом деле они, как и любые другие слова, всего лишь набор букв и ничего больше. Ну вот возьмем, например, слово «бабочка». Что, если кто-нибудь однажды решит, что «бабочка» – грубое ругательство? Тогда люди рано или поздно начнут использовать слово «бабочка» в оскорбительном смысле, а также чтобы негативно оценить те или иные события. Само слово на самом деле не означает ровным счетом ничего – оно становится ругательным из-за негативных ассоциаций, которые возникают у людей, когда они его слышат. Поэтому, если мы все договоримся часто

произносить «бабочка», люди перестанут обращать на него особое внимание. Слово перестанет их шокировать и станет самым обычным. То же самое касается всех так называемых плохих слов: если мы начнем постоянно употреблять их, то они перестанут быть плохими. Так, по крайней мере, мама говорит, – с улыбкой заканчивает свой монолог Кирстен, макая в кетчуп картошку фри.

Я сижу и думаю: как же Кирстен выросла такой, какая она есть? С ее мамой я еще не знаком, но, судя по всему, она личность явно незаурядная. Кирстен намного умнее большинства сверстников, хотя, конечно, и кажется немного странной. Стоит ей открыть рот, и мне начинает казаться, что Кел и Колдер – вполне себе нормальные дети.

– Кирстен, хочешь быть моей новой лучшей подругой? – спрашивает Эдди.

– Что за хрень! – Лейкен швыряет в сторону Эдди ломтик картошки фри и попадает ей прямо в лицо.

– О, бабочка тебя задери! – кричит Эдди, отвечая Лейкен тем же.

Я хватаю блюдо с картошкой фри, надеясь избежать еще одной вечеринки с бросанием едой. Они устроили такую на прошлой неделе, и у меня до сих пор по всему дому брокколи валяется!

– А ну-ка перестаньте! Только посмейте устроить еще одну пищевую битву – клянусь, я вам бабочки надеру!

Лейк понимает, что я говорю серьезно, и чуть сжимает под столом мое колено.

– Ну что, а теперь «отстой-отпад»? – меняет она тему.

– «Отстой-отпад»? – растерянно переспрашивает Кирстен.

– Надо рассказать, что у тебя было за день самого отстойного и самого отпадного, ну, то есть самого хорошего и самого плохого, – объясняет ей Кел. – Плюсы и минусы. Мы всегда так делаем за ужином. Поняла?

– Ага, – кивает Кирстен.

– Давайте я начну, – предлагает Эдди. – Сегодняшний отстой – регистрация на курсы. Мне пришлось записаться на понедельник, среду и пятницу, потому что на вторник и четверг все уже занято.

Конечно занято: все хотят учиться по вторникам и четвергам. В эти дни занятия идут дольше, но это равноценный обмен, потому что приезжаешь в колледж два раза в неделю, а не три.

– А мой отпад сегодня – знакомство с Кирстен, моей новой лучшей подругой! – продолжает Эдди, хитро поглядывая на Лейк.

Лейк снова кидает в нее картошкой, но Эдди быстро наклоняется, и снаряд пролетает над ее головой. Я забираю у Лейк тарелку и ставлю по

другую руку от себя, чтобы она не достала.

– Ну, тогда извини, – пожав плечами, улыбается Лейк и начинает есть картошку с моей тарелки.

– Ваша очередь, мистер Купер, – оборачивается ко мне Эдди.

Она до сих пор называет меня «мистер Купер», если ей кажется, что я веду себя как зануда.

– Ну, мой отстой сегодня – тоже регистрация. Достались только понедельник, среды, пятницы...

– Да ты что?! – расстроено восклицает Лейк. – А я думала, будем вместе ходить по вторникам и четвергам.

– Я старался, малыш, но в эти дни нет занятий для моего уровня. Я же тебе написал.

– Да, и правда отстой... – надув губы, тянет Лейк. – А эсэмэску я не получила. Опять не могу найти телефон.

Она постоянно теряет телефон.

– Ладно, а какой у вас сегодня отпад? – спрашивает меня Эдди.

– Ну, это проще простого. Вот мой отпад! – улыбаюсь я, целуя Лейк в лоб.

– Уилл, у тебя каждый вечер одинаковый отпад! – раздраженно стонет Колдер, и Кел вторит ему в унисон.

– Так, моя очередь! – прерывает их Лейк. – На самом деле мой отпад на сегодня – регистрация. Со статистикой я еще не разобралась, но зато попала на остальные четыре курса – именно на те, куда хотела. А самое отстойное, – продолжает она, в упор глядя на Эдди, – то, что моя лучшая подруга променяла меня на одиннадцатилетнюю девчонку!

Эдди смеется.

– Я тоже хочу! – заявляет Кирстен и, поскольку возражений не поступает, признается: – Самое отстойное сегодня – булочки от гамбургеров на ужин.

Смелая девчонка, думаю я и кладу ей на тарелку еще одну булочку.

– Возможно, когда ты в следующий раз соберешься прийти на ужин к мяседам, да еще и без приглашения, то захватишь с собой соевое мясо.

– А самое отпадное было сегодня в три часа! – продолжает она, ничуть не смутившись.

– А что произошло в три часа? – спрашивает Гевин.

– Уроки закончились, – пожимает плечами Кирстен. – Я бабочки как ненавижу школу!

Она переглядывается с мальчиками, как будто между ними существует какой-то тайный сговор. Я мысленно ставлю галочку: надо поговорить об

этом с Колдером. Лейк толкает меня в бок и вопросительно смотрит, явно думая о том же самом.

– Твоя очередь. Как тебя, кстати, зовут? – спрашивает Кирстен у Гевина.

– Гевин. Отстой в том, что у какой-то одиннадцатилетней девчонки словарный запас больше, чем у меня, – с улыбкой глядя на Кирстен, говорит он. – А вот отпад... Ну, это сюрприз! – Он поворачивается к Эдди.

– Что еще? – спрашивает она.

– Да, в чем дело? – поддерживает ее Лейк.

Мне тоже становится любопытно, но Гевин просто разваливается поудобнее на стуле и, улыбаясь во весь рот, ждет, пока мы угадаем.

– Ладно, давай уже рассказывай! – толкает его Эдди.

– Работу нашел! – хлопая ладонями по столу, со счастливым видом провозглашает Гевин. – Устроился разносчиком пиццы в «Гетти»!

– Это и есть твой отпад?! Ты теперь разносчик пиццы?! – переспрашивает Эдди. – Вообще-то, больше похоже на отстой!

– Я ведь искал работу? Искал. А какая у нас с вами любимая пицца? Конечно «Гетти»!

– Что ж, тогда поздравляю, – закатив глаза, бурчит Эдди, явно не уверенная в том, что новость достойна поздравлений.

– А мы теперь будем есть пиццу бесплатно? – спрашивает Кел.

– Нет, но зато со скидкой! – гордо отвечает Гевин, радуясь, что хоть кто-то заинтересовался его карьерным ростом.

– Значит, это и есть мой отпад! Дешевая пицца! А вот самое отстойное сегодня – директор Брилл! – сообщает Кел.

– Боже, в чем же она провинилась? – спрашивает Лейк. – Хотя нет: сначала рассказывай, что ты натворил.

– Не только я... – смущается Кел, а Колдер тут же ставит локоть на стол, пытаясь закрыться от моего взгляда.

– Колдер, что ты натворил? – спрашиваю я.

Он опускает руку и смотрит на Гевина, который поспешно ставит локоть на стол, пряча от меня лицо, и продолжает есть, не обращая внимания на мой возмущенный взгляд.

– Гевин?! Что за бред ты рассказал им на этот раз?!

– Все, с меня хватит! – Гевин бросается картошкой в Кела и Колдера. – Больше никаких историй! Из-за вас у меня одни проблемы!

Кел и Колдер смеются и отвечают ему тем же.

– Я могу рассказать за них, мне несложно, – вмешивается Кирстен. – Они влипли на обеде. Миссис Брилл сидела в другом конце столовой, и

они решили придумать, как бы заставить ее пробежаться. Все знают, что она переваливается, как утка, когда бегают, вот мы и решили посмотреть. Кел притворился, что подавился, а Колдер устроил настоящий спектакль: вскочил, стал бить его по спине и делать вид, что пытается помочь ему по методу Хаймлиха. Миссис Брилл чуть с ума не сошла! Подлетела к нашему столу, но Кел сказал, что ему уже лучше и что Колдер спас ему жизнь. Все бы ничего, но только она уже попросила кого-то позвонить в службу 911. Через пару минут к школе подъехали две «скорые» и пожарные. А один из мальчишек с соседнего стола наябедничал миссис Брилл, что они все это подстроили, поэтому Кела вызвали к ней в кабинет...

– Пожалуйста, скажи мне, что это шутка! – разъяренно глядя на брата, требует Лейк.

– Ну да, мы просто хотели пошутить, – с невинным видом отвечает Кел. – Кто же мог подумать, что они станут звонить 911! А теперь я целую неделю должен оставаться после уроков.

– А почему миссис Брилл мне не позвонила?

– Да звонила она, точно звонила. Но ты же не знаешь, где твой телефон.

– Значит, так. Если она еще раз на тебя пожалуется, пеняй на себя. Будешь сидеть под домашним арестом.

– Колдер, а ты что скажешь? – поворачиваюсь я к брату, который старательно прячет глаза. – Почему миссис Брилл не позвонила мне?

– Кел меня выгородил, – озорно улыбаясь, сообщает он. – Сказал ей, что я и правда решил, что он подавился, и пытался спасти ему жизнь. Вот это и есть мой отпад: меня наградили за героическое поведение! Я могу два урока заниматься самостоятельно в читальном зале!

Да, такое может произойти только с Колдером! Вместо наказания его еще и наградили!

– Так, мальчики, немедленно заканчивайте с такими выходками, ясно? Гевин, и никаких больше историй про чудесные школьные годы, понял?

– Да, мистер Купер, – язвительно отвечает Гевин и поворачивается к двум проказникам: – Только скажите, парни, она правда похожа на утку, когда бегают?

– Да не то слово! – смеется Кирстен. – Утка чистой воды! А какой у тебя был сегодня отстой, Колдер?

– Мой лучший друг сегодня подавился, – внезапно посерьезнев, отвечает тот, – и чуть было не задохнулся. Он мог умереть!

Все дружно смеются. Мы с Лейк изо всех сил пытаемся быть ответственными родителями, но иногда очень сложно учить их уму-разуму и при этом не думать о том, что они наши младшие братья. Мы вместе

стараясь решать, когда нужно вести себя с ними поосторожнее, – Лейк считает, что так нужно поступать не слишком часто. Украдкой взглянув на нее, я вижу, что она смеется, и решаю, что это явно не тот случай.

– Можно, я все-таки доем? – спрашивает она, показывая на тарелку, до которой по-прежнему не может дотянуться, и я тут же переставляю ее обратно. – Благодарю вас, мистер Купер!

Я пихаю ее коленкой под столом: Лейк прекрасно знает, что я ненавижу, когда она меня так называет! Не знаю, почему меня это ужасно бесит... Наверное, потому, что, когда я и правда был ее учителем, жизнь превратилась в сплошное мучение. На первом же свидании я понял, что влюбился. Никогда в жизни мне не было так хорошо просто оттого, что я нахожусь рядом с девушкой. Все выходные я думал только о Лейк, а в понедельник, увидев ее в коридоре школы перед моей аудиторией, почувствовал, как будто мне сердце из груди вырвали... Я мгновенно понял, что происходит, а вот Лейк догадалась не сразу. А когда поняла, что я учитель, то посмотрела на меня таким взглядом, что я готов был сквозь землю провалиться. Я причинил ей боль. Разбил сердце. Но то же самое испытал тогда и я. Не дай мне бог еще раз увидеть в ее глазах такое выражение.

– Мне пора. – Кирстен встает и кладет свою тарелку в раковину. – Спасибо за булочки, Уилл, – ехидно благодарит она. – Они просто потрясающие!

Кел вскакивает с места и идет за ней к двери:

– Мне тоже пора. Давай я тебя провожу.

Я смотрю на Лейк, но та лишь закатывает глаза и вздыхает. Конечно, она волнуется – у Кела первая любовь! Лейк старается не думать о том, что мы будем делать, когда у наших братьев всерьез разыграются гормоны.

Колдер тоже встает:

– Пойду к себе, посмотрю телик. Увидимся, Кел! Пока, Кирстен!

Они машут ему на прощание и уходят.

– Она мне ужасно понравилась! – восклицает Эдди, как только дверь за Кирстен закрывается. – Надеюсь, Кел попросит ее быть его девушкой! А когда они вырастут, то поженятся и нарожают кучу необыкновенных детишек. И тогда мы все будем одной семьей!

– Перестань, Эдди! Ему же всего десять лет! – возмущается Лейк. – Какие девушки?!

– Ну вообще-то, через восемь дней ему исполнится одиннадцать! – перебивает ее Гевин. – Одиннадцать – самое время, чтобы завести первую подружку!

Лейк кидает целую пригоршню картошки фри в лицо Гевину.

Я обреченно вздыхаю: ну что с ней поделаешь...

– Ты сегодня прибираешься после ужина, – говорю я. – И ты, Эдди, тоже. А мы, Гевин, как настоящие мужчины, пойдем смотреть футбол, пока женщины будут заниматься своим делом.

– А ну-ка плесни мне еще, женщина! – распоряжается Гевин, ставя перед Эдди пустой стакан. – А я пока пойду футбол посмотрю.

Эдди и Лейк прибираются в кухне, а я пользуюсь моментом, чтобы попросить Гевина об услуге. Мы с Лейк уже несколько недель не оставались наедине, потому что мальчики все время с нами. А мне так хочется хоть немного побыть с ней вдвоем.

– Слушай, а вы с Эдди не могли бы сводить Кела и Колдера в кино завтра вечером?

Гевин молчит, и я начинаю чувствовать себя виноватым, что вообще завел этот разговор: у них, наверное, уже есть свои планы.

Кевин делает вид, что размышляет.

– Возможно, – наконец отвечает он. – А Кирстен тоже надо с собой взять?

– Ну, это твоей девушке решать, – с облегчением смеюсь я. – Это же ее новая лучшая подружка.

– Не вопрос. Мы все равно собирались в кино. Во сколько их забрать? И как долго не привозить обратно?

– Не важно. Мы никуда не пойдем. Просто я хочу провести с Лейк наедине хотя бы пару часов – мне нужно кое-что ей подарить.

– А-а-а... ясно... Ну ты тогда напиши мне, когда ты ей уже все «подаришь», и мы привезем мальчиков домой!

Я смеюсь. Гевин мне нравится. А вот что мне совсем не нравится, так это что мы все друг про друга знаем – что бы ни происходило между мной и Лейк, между Эдди и Гевинком. Это очевидный минус дружбы с парнем лучшей подруги своей девушки: какие уж тут могут быть секреты...

– Пойдем! – Эдди тянет Гевина за руку. – Уилл, спасибо за ужин! Джоел приглашает вас в следующие выходные – обещает сделать тамалес^[1].

– Обязательно придем! – соглашаюсь я. Кто же откажется от тамалес?!

Гевин и Эдди уходят. Лейк с ногами забирается на диван рядом со мной. Я обнимаю ее и крепко прижимаю к себе.

– Я расстроена... – вздыхает она. – Надеялась, что у нас хотя бы расписание будет совпадать... Нам с тобой вообще не побыть вдвоем из-за этих бабочкиных мальчишек!

Можно подумать, что раз мы живем через дорогу, то кучу времени проводим вместе, но это совсем не так. В прошлом семестре она училась по понедельникам, средам и пятницам, а я вообще пять дней в неделю. По выходным мы делали домашние задания и возили Кела и Колдера на тренировки. В сентябре умерла Джулия, и Лейк пришлось совсем тяжело. Ей, мягко говоря, ко многому пришлось приспособиться. Единственное, чего нам не хватает, это свободного времени, чтобы побыть вдвоем. Если мальчики дома у кого-то из нас, как-то неловко уходить в другой дом, чтобы побыть одним. Братья в буквальном смысле ходят за нами по пятам.

– Мы с этим справимся, все получится, – успокаиваю ее я. – У нас с тобой всегда все получается.

Лейк обнимает меня за шею, притягивает к себе и целует. Уже год с лишним я целую ее каждый день, и почему-то с каждым разом мне это нравится все больше и больше.

– Я, наверное, пойду, – наконец говорит она. – Завтра рано вставать: надо до конца разобраться с регистрацией. А еще придется проследить, чтобы Кел не обнимался с Кирстен где-нибудь за углом.

Сейчас нам обоим смешно, но через пару-тройку лет все изменится. Нам еще и двадцати пяти не исполнится, а придется воспитывать двух подростков. Жуть берет от одной только мысли об этом.

– Подожди. Еще один вопрос: какие у тебя планы на завтрашний вечер?

– Ну что ты спрашиваешь! – возмущается она. – Все мои планы – это ты, и других у меня не бывает!

– Отлично! Эдди и Гевин возьмут мальчиков в кино. Встретимся в семь?

– Ты меня на свидание зовешь, что ли? Прямо по-настоящему? – улыбается Лейк.

Я киваю.

– Ну, в таком случае должна сказать, у тебя хреново получается, – смеется она. – Вообще-то, девушек надо просить, а не говорить им, что они должны сделать.

Она пытается изображать из себя недотрогу, но это бесполезно – она у меня на крючке! Однако я все-таки подыгрываю ей: встаю на колени, проникновенно смотрю ей в глаза и торжественно произношу:

– Лейк, позволь пригласить тебя на свидание завтра вечером!

– Не знаю... Вообще-то, я занята, – кокетливо отводя глаза, бормочет она. – Загляну в ежедневник и скажу, найдется ли для тебя минутка.

Она пытается выглядеть смущенной, но не выдерживает, улыбается и обнимает меня за шею. Я теряю равновесие, и мы оказываемся на полу. Я

перекатываю ее на спину, она смотрит на меня снизу вверх и смеется:

– Ладно, уговорил! Заезжай за мной в семь.

– Я люблю тебя, Лейк, – шепчу я, убираю челку с ее глаз и провожу рукой по щеке.

– Скажи это еще раз.

– Я люблю тебя, Лейк, – повторяю я, целуя ее в лоб.

– Еще!

– Я... люблю... тебя... – медленно произношу я, через каждое слово целуя ее в губы.

– Я тебя тоже!

Осторожно накрывая ее своим телом, я беру Лейк за руки, завожу их ей за голову и прижимаю к полу, а потом наклоняюсь, как будто собираюсь поцеловать, но не спешу делать это. Мне нравится дразнить ее, когда она находится в таком положении. Мои губы слегка касаются ее, она прикрывает глаза, а я медленно отстраняюсь. Она открывает глаза, я улыбаюсь и снова наклоняюсь к ней. Как только она снова закрывает глаза в ожидании поцелуя, я снова отстраняюсь.

– Твою мать, Уилл! Немедленно поцелуй меня, бабочка тебя подери! – возмущается она, прижимаясь губами к моему рту.

Мы целуемся до тех пор, пока не достигаем «точки возврата» – это выражение придумала Лейк. Она выкарабкивается из-под меня, садится на пятки, а я переворачиваюсь на спину и неподвижно лежу на полу. Мы стараемся не слишком увлекаться, если дома не одни. Но это нелегко. Поэтому, когда мы понимаем, что заигрались, один из нас всегда объявляет точку возврата.

До того как Джулия умерла, мы однажды совершили ошибку: слишком быстро зашли слишком далеко... Это была непростительная ошибка с моей стороны... Прошло всего две недели с тех пор, как мы стали встречаться официально, и однажды Колдер остался ночевать у Кела. Мы с Лейк вернулись из кино и пошли ко мне. Началось все на диване, и очень скоро нам обоим совершенно расхотелось останавливаться. До секса дело не дошло – точнее, не успело дойти, потому что в самый неподходящий момент на пороге появилась Джулия. Она была в ярости. А мы до смерти испугались. Лейк на две недели посадили под домашний арест, и мне запретили с ней видеться. За эти две недели я извинился перед Джулией миллион раз, не меньше...

Джулия усадила нас перед собой и заставила поклясться, что мы подождем хотя бы год. Она купила Лейк противозачаточные таблетки, а меня заставила дать ей слово, глядя в глаза. Ее волновало не то, что ее

восемнадцатилетняя дочь чуть было не потеряла девственность, – Джулия была разумным человеком и прекрасно понимала, что рано или поздно это произойдет. Ее задело, что я собрался переспать с Лейк всего через две недели. Я чувствовал себя жутко виноватым и готов был пообещать Джулии все, что угодно. Еще она хотела, чтобы мы подавали только хороший пример Келу и Колдеру, и попросила нас не ночевать друг у друга дома в течение этого года. После смерти Джулии мы сдержали слово – скорее из уважения к ее памяти, чем из каких-либо других соображений. Видит Бог, иногда это тяжело... Всегда тяжело.

Мы об этом не говорили в открытую, но на прошлой неделе исполнился ровно год с тех пор, как мы дали слово Джулии. Я не хочу торопить Лейк: она должна сама решить, когда придет время, поэтому я этот разговор не заводил. Она тоже. Ну и к тому же у нас практически не было возможности остаться наедине.

– Точка возврата! – Лейк произносит заветные слова и встает. – Увидимся завтра вечером. В семь. Не опаздывай.

– Найди телефон и напиши мне «спокойной ночи», – отзываюсь я.

Она открывает дверь, оборачивается и, медленно пятясь назад, шепчет:

– Еще раз...

– Я люблю тебя, Лейк!

Глава 2

Пятница, 6 января

Совсем скоро я вручу Лейк ее подарок. Я и сам не знаю, что это, ведь выбирал не я. Больше писать сейчас не могу: руки дрожат. Ну почему я всегда так нервничаю перед свиданиями? Что за чувствительность?

– Мальчики, и никаких наоборотошных игр сегодня! Вы же знаете, что Гевин не понимает, когда вы говорите задом наперед! – кричу я, машу рукой им на прощание и закрываю дверь.

Уже почти семь. Иду в ванную, чищу зубы, потом забираю ключи и куртку и сажусь в машину. Лейк стоит у окна и подглядывает за мной. Вряд ли она догадывается, но мне прекрасно видно, когда она наблюдает за мной из окна. Я заметил это еще в первые месяцы нашего знакомства, когда мы не встречались официально. Каждый день я приезжал домой и видел ее тень в окне. Вот что давало мне повод надеяться, что когда-нибудь мы все-таки будем вместе: ведь она не забывает меня! Но после нашей стычки в кладовке она перестала подходить к окну, и тогда я решил, что все пропало и мне ее уже не вернуть...

Задним ходом выехав из своего двора, я подъезжаю к ее дому, выхожу из машины, не выключая двигатель, обхожу ее и открываю пассажирскую дверь. Сев обратно за руль, я чувствую, как в машине запахло ее духами: запах ванили, мой любимый!

– А куда мы едем? – спрашивает она.

– Увидишь. Это сюрприз, – трогаясь с места, отвечаю я.

Вместо того чтобы свернуть на улицу, я заезжаю обратно в свой двор, выключаю двигатель, выскакиваю из машины и открываю пассажирскую дверь.

– Уилл, ты что делаешь?!

– Мы на месте, – коротко сообщаю я и за руку тяну ее из машины, с восторгом наблюдая отражающееся на ее лице замешательство.

– Значит, ты пригласил меня на свидание к себе домой? Уилл, я же полночи думала, что надеть! Нет уж, давай куда-нибудь пойдём, – скулит она.

– А вот и нет, – смеюсь я, беру ее за руку и веду в дом. – Свидание – это твоя идея! Я тебе ничего не обещал и не предлагал, просто спросил, какие у тебя планы на выходные.

Я приготовил пасту заранее, поэтому сразу иду в кухню за тарелками. Накрываю не в столовой, а на журнальном столике в гостиной. Лейк с разочарованным видом снимает куртку. Я хочу помучить ее еще немножко: медленно делаю нам по коктейлю и сажусь на пол.

– Не хочу показаться неблагодарной, – ворчит она, жуя пасту, – но мы с тобой вообще никуда не ходим. Я так надеялась на что-нибудь интересное.

– Малыш, я тебя прекрасно понимаю, – соглашаюсь я, вытирая рот салфеткой, и кладу ей на тарелку еще одну хлебную палочку. – Но сегодня особенный вечер, к тому же давно запланированный.

– Что значит «давно запланированный»? Что-то я не понимаю...

Я молчу и продолжаю есть.

– Уилл! Объясни наконец, что происходит! Хватит темнить, я волнуюсь!

– А ты не волнуйся, – улыбаюсь я и поднимаю бокал. – Я просто выполняю указания.

Она видит, что я наслаждаюсь происходящим, прекращает попытки вытянуть из меня хоть что-то и сосредоточивается на содержимом тарелки.

– Ну хоть паста вкусная получилась...

– Так и было задумано.

Лейк улыбается и подмигивает мне, не отрываясь от еды.

Сегодня она пришла с распущенными волосами. Обожаю, когда у нее распущены волосы! Обожаю, когда они собраны в хвост! Вообще-то, мне нравится любая ее прическа. Лейк потрясающе красива, особенно когда ничего особенного для этого не делает. Очнувшись, я вдруг понимаю, что задумался и забыл обо всем, любуясь Лейк. Я еще и половины не съел, а у нее уже почти пустая тарелка.

– Уилл? Это как-то связано с моей мамой? – спрашивает она, вытирая рот салфеткой. – Ну, ты понимаешь... с тем, что мы ей пообещали?

Я догадываюсь, о чем она, и чувствую себя жутко виноватым: ведь мне и в голову не пришло, что она может неправильно истолковать мои намерения. Не хочу, чтобы она чувствовала себя обязанной.

– Нет-нет, малыш, сегодня речь не об этом. – Я беру ее за руку. – Прости, я не подумал... А что до нашего обещания... Только когда ты сама этого захочешь.

– Ну я бы в любом случае не стала возражать, – улыбается она.

Ее реакция застает меня врасплох. За этот год я привык к тому, что рано или поздно наступает точка возврата. У меня и в мыслях не было, что сегодня вечером все может сложиться иначе.

Лейк смущенно смотрит в тарелку. Потом отламывает кусок лепешки и

макает его в соус. Медленно жует, запивает, а потом смотрит на меня и неуверенно шепчет:

– Я спросила, имеет ли все это какое-то отношение к моей маме, и ты сказал «речь не об этом». Что ты имеешь в виду? Сегодняшний вечер связан с ней как-то по-другому?

Встав с пола, я киваю, помогаю Лейк подняться и обнимаю ее. Она прижимается ко мне и кладет голову мне на грудь.

– Да, сегодняшний вечер имеет к ней отношение, – подтверждаю я, глядя Лейк в глаза. – Она оставила мне кое-что еще, кроме тех писем...

Джулия взяла с меня слово, что я не расскажу Лейк о письмах и подарке, пока не придет время. Письма Лейк и Кел уже получили, а подарок предназначается нам с Лейк. Вообще-то, мы должны были вместе открыть его в Рождество, но нам только сейчас удалось остаться наедине.

– Пойдем в спальню. – Я беру ее за руку и веду в свою комнату.

Там на кровати лежит коробка, которую оставила мне Джулия. Лейк подходит ближе и проводит рукой по оберточной бумаге, тербит красный бархатный бант и, вздохнув, тихонько спрашивает:

– Это правда от нее?

Я сажусь и делаю Лейк знак присесть рядом. Мы забираемся на кровать с ногами так, что подарок оказывается между нами. Сверху к коробке привязан конверт с нашими именами и указанием прочесть письмо только после того, как вскроем упаковку.

– Уилл, ты почему мне не сказал, что мама оставила что-то еще? Это последний подарок? – спрашивает Лейк, глядя на меня полными слез глазами.

Не знаю, почему она так не любит плакать и всегда старается сдерживать слезы... Я провожу пальцем по ее щеке, смахивая одинокую капельку:

– Последний, честное слово! Она хотела, чтобы мы вместе открыли...

Лейк выпрямляет спину и отчаянно пытается взять себя в руки:

– Возьмешь на себя эту почетную обязанность или лучше мне?

– Глупый вопрос.

– Кому, как не вам, мистер Купер, знать, что глупых вопросов не бывает!

Лейк целует меня и начинает снимать обертку с подарка. Вскоре перед нами оказывается перемотанная скотчем картонная коробка.

– О господи, здесь слоев шесть, наверное! Примерно столько же, сколько парни тогда тебе на машину намотали, – лукаво улыбается Лейк.

– Очень смешно! – притворно возмущаюсь я и глажу ее по коленке, наблюдая за тем, как она снимает один слой скотча за другим.

– Спасибо, что ты делаешь все это в память о ней, – внезапно замерев, говорит Лейк, глядя на последний слой скотча. – За то, что столько времени хранил подарок. – Она не сводит взгляда с коробки, но не решается открыть ее. – А ты знаешь, что там?

– Без понятия. Надеюсь, что не щенок. Коробка-то у меня под кроватью четыре месяца пролежала.

Лейк смеется, но тут же снова становится серьезной:

– Я волнуюсь. Не хочу снова плакать.

Собравшись с духом, она наконец отгибает клапаны, снимает крышку и вытаскивает содержимое. Я откладываю коробку в сторону. Лейк разворачивает ткань и достает прозрачную стеклянную вазу, доверху наполненную разноцветными звездочками. Это похоже на оригами: сотни трехмерных бумажных звездочек величиной с ноготь.

– Что это? – спрашиваю я.

– Не знаю... – Лейк пожимает плечами. – Красота какая...

Мы в недоумении смотрим на подарок, пытаюсь понять его смысл. Лейк долго смотрит на конверт и в конце концов протягивает его мне:

– Я не смогу, Уилл... Прочитай лучше ты.

Я достаю письмо и читаю вслух.

Уилл и Лейк!

Любовь – самое прекрасное чувство на свете! К сожалению, именно любовь так сложно сохранить и так легко потерять.

У вас обоих теперь нет родителей, которые могли бы добрым советом помочь вам наладить отношения. У вас обоих нет надежного плеча, в которое можно уткнуться и поплакать, когда будет тяжело.

А такой момент наверняка настанет. Вам обоим не с кем поделиться радостями и горестями. Так что положение ваше весьма незавидно. У вас нет никого, кроме вас самих, поэтому вам придется изрядно потрудиться, чтобы заложить прочный фундамент совместного будущего. Вы не просто любите друг друга – вам больше некому довериться в этом мире.

На полосках бумаги я написала некоторые фразы, а потом сложила из них звездочки. Там вы найдете вдохновляющие цитаты из книг и песен, а иногда просто добрый родительский совет. Пожалуйста, открывайте мои звездочки только тогда, когда они вам действительно понадобятся. Они предназначены для тех моментов, когда у вас выдастся совсем неудачный день, когда вы поссоритесь или вам просто понадобится моральная поддержка. Можете открывать их вместе или поодиночке. Я просто хочу, чтобы вам было куда обратиться за помощью, если она вам

понадобится.

Уилл... Огромное тебе спасибо! Спасибо за то, что появился в нашей жизни. Мысль о том, что ты любишь мою дочь, невероятно облегчала боль и страдания, которые мне пришлось вынести...

Я пораженно останавливаюсь, и Лейк берет меня за руку. Не ожидал, что Джулия будет обращаться лично ко мне. Лейк смахивает очередную слезинку, я и сам с трудом сдерживаюсь, чтобы не заплакать. Сделав глубокий вдох и откашлявшись, я продолжаю читать.

Ты замечательный человек, а для меня ты стал прекрасным другом. От всего сердца благодарю тебя за любовь к моей дочери: ты уважаешь и вдохновляешь ее и делаешь это совершенно искренне, от души. Ты даже не представляешь, как я тебе признательна и насколько тебе удалось успокоить мою душу!

Лейк, чувствуешь, как я толкаю тебя в плечо, давая благословение? Лучшего мужчины я не могла бы и желать, даже если бы мне пришлось самой выбирать для тебя спутника жизни. Огромное тебе спасибо за то, что ты настояла на сохранении нашей семьи.

Ты права: Келу действительно следует оставаться с тобой. Спасибо, что ты помогла мне понять это. И помни: когда ему придется нелегко, пожалуйста, научи его, как перестать вырезать тыквы.

Я люблю вас обоих и желаю вам счастливо прожить вместе всю жизнь!

Джулия

И ты танцуешь среди моих воспоминаний...

«Братья Эйвитт»

Я убираю письмо обратно в конверт. Лейк проводит пальцами по краю вазы и крутит ее в руках, рассматривая со всех сторон.

– Я видела однажды, как она складывает их... Захожу к ней в комнату, а она складывает какие-то полоски бумаги... Но она тут же спрятала их и заговорила со мной о чем-то... А я и забыла об этом! Господи, сколько же она времени на это потратила!..

Лейк смотрит на звездочки, а я на нее. Она отворачивается, чтобы скрыть слезы. Для такой ситуации она держится молодцом.

– Хочу прочитать все сразу, а с другой стороны, надеюсь, что нам вообще никогда не придется их читать...

– Ты такая же потрясающая, как твоя мама, – Я целую ее и ставлю вазу

на комод.

Лейк собирает и запихивает оберточную бумагу в коробку, ставит ее на пол, кладет письмо на стол, а потом ложится на кровать и смотрит в потолок. Я ложусь рядом и обнимаю ее за талию. Не могу понять, грустно ей или нет, поэтому спрашиваю:

– Ты в порядке?

– Я боялась, что будет больно снова услышать ее слова... – Лейк смотрит на меня с улыбкой. – А на самом деле они доставили мне радость.

– Мне тоже, – поддерживаю ее я. – Я и правда опасался, что там окажется щенок.

Она смеется и кладет голову мне на плечо. Мы долго лежим без движения и смотрим друг другу в глаза. Я провожу кончиками пальцев по ее плечу, по лицу и шее – люблю смотреть, как она думает о чем-то своем.

Лейк приподнимает голову, изящным движением перекачивается на бок, садится на меня сверху, обнимает за шею, наклоняется и медленно целует меня. Вкус ее губ, ощущение теплых рук на моем теле поглощают меня целиком. Я обнимаю ее, глажу по голове и отвечаю на поцелуй. Мы так давно не оставались вдвоем без опасения, что наше уединение в любой момент могут нарушить! С одной стороны, эта ситуация меня бесит, а с другой – возбуждает. Ее нежная кожа, идеальные губы... Останавливаться с каждым разом становится все труднее и труднее.

Ее руки проникают мне под рубашку, она покрывает мою шею дразнящими поцелуями – прекрасно знает, что этим сводит меня с ума, и, видимо, поэтому делает это в последнее время все чаще и чаще. Думаю, ей нравится расширять свои границы. Один из нас должен сказать «стоп», но я не уверен, что смогу заставить себя сделать это... Лейк, по-видимому, тоже сомневается в собственном благоразумии...

– А сколько у нас есть времени? – шепчет она, расстегивая мою рубашку и целуя грудь.

– Времени? – едва слышно переспрашиваю я.

– Ну, пока мальчики не вернутся домой, – уточняет она, скользя губами вверх по моей шее. – Сколько у нас времени до их прихода?

Она смотрит мне в глаза, словно говоря, что на этот раз она не собирается объявлять точку возврата и останавливаться. Я прикрываю рукой глаза и пытаюсь уговорить себя, что хочу по-другому, хочу, чтобы для нее все произошло в совсем иной обстановке: «Ну же, Уилл, давай! Подумай о чем-нибудь другом: о колледже, домашнем задании, щенках в коробках... да о чем угодно!»

– Уилл, год уже прошел... Я правда хочу! – Лейк отводит в сторону

мою руку и пристально смотрит на меня.

Я переворачиваю ее на спину, приподнимаюсь на локте и глажу ее по щеке свободной рукой:

– Поверь мне, Лейк, я тоже! Но не здесь и не сейчас. Через час вернутся мальчики, и тебе придется идти домой. Я этого не вынесу! – уговариваю ее я, целуя в лоб. – Через две недели будут длинные выходные, и мы с тобой уедем дня на три... Только ты и я. Я попрошу бабушку с дедушкой присмотреть за мальчиками, и мы проведем все выходное вдвоем.

– Не хочу ждать целых две недели! – Лейк возмущенно колотит ногами по постели. – Мы и так уже ждем пятьдесят семь недель!

– Если уж я могу подождать, то ты точно сможешь! – заверяю ее я и целую в щеку. Смешно, она ведет себя как маленький ребенок.

– Боже, ты такой зануда! – произносит она, закатывая глаза в притворном ужасе.

– Я?! Зануда?! Доиграешься, поставлю тебя снова под душ! Не хочешь освежиться?! Ты лишь скажи, мне раз плюнуть!

– Только если пообещаешь принять душ вместе со мной! – парирует она, а потом вдруг прижимает меня к постели и, глядя на меня широко открытыми глазами, начинает возбужденно тараторить, как будто только что осознала смысл моих слов: – Уилл! Значит, мы с тобой вдвоем поедем?! И сможем там душ вместе принимать?! Целые выходные?!

– А ты не волнуешься? – удивляюсь я. Впрочем, Лейк удивляет меня постоянно.

– Нет, ни капельки! – Она с улыбкой прижимается ко мне всем телом. – Я знаю, что буду в надежных руках.

– Не то слово, – отзываюсь я и собираюсь поцеловать ее, но тут начинает вибрировать мой мобильный.

– Это Гевин, – сообщает Лейк, доставая из моего кармана и протягивая мне телефон.

– Отлично, – удрученно произношу я, читая эсэмэску. – Кела стошнило. Они решили, что он подцепил желудочную инфекцию, так что уже везут мальчиков домой.

– Фу! Ненавижу убирать рвоту! – Лейк со стоном сползает с кровати. – Кстати, Колдер тоже вполне мог подцепить эту заразу – у них же практически все общее.

– Я напишу ему, чтобы они завезли Кела сразу к тебе. Иди домой и жди их, а я пока сбегаю за лекарством.

Я быстро натягиваю рубашку и забираю вазу Джулии, чтобы поставить ее на стеллаж в гостиной. Из спальни мы выходим уже в «родительском

режиме».

– Захвати еще суп на завтра. И спайт, – просит Лейк.

Едва я ставлю вазу на почетное место в гостиной, Лейк тут же запускает туда руку, достает звездочку и, заметив мой вопросительный взгляд, подмигивает:

– Вдруг там есть дельный совет, как избавиться от рвоты?

– У нас впереди целая жизнь, Лейк, так что не трать их зря.

Мы выходим из дома, я обнимаю и целую ее, желая доброй ночи, а потом с улыбкой спрашиваю:

– Подвезти тебя до дома?

– Спасибо за свидание, – смеется в ответ она. – Все было чудесно.

– Погоди, то ли еще будет, – обещаю я, намекая на наше скорое романтическое путешествие.

– Ловлю на слове!

Лейк пятится несколько шагов, разворачивается и идет в сторону дома.

Я открываю дверцу машины и уже с противоположной стороны улицы снова слышу ее голос:

– Уилл! Еще раз!

– Я люблю тебя, Лейк!

Глава 3

7 января

Ненавижу чизбургеры, бабочка их задери!

Ад! Суший ад! Нет других слов, чтобы описать последние сутки! Когда Гевин и Эдди привезли мальчиков домой, стало ясно, что у Кела все-таки не просто расстройство желудка. Гевин, не постучавшись, ворвался в дом и тут же кинулся в ванную. Вскоре его примеру последовал Колдер, а потом Лейк и Эдди. Последним все прелести отравления прочувствовал на себе я. С прошлой полуночи мы с Колдером лежим пластом и только время от времени по очереди ходим в туалет.

Вот тут-то я и позавидовал Кирстен: надо было тоже есть только булочки. Не успеваю я об этом подумать, как раздается стук в дверь, но я даже не пытаюсь встать. Да что там встать – я даже голоса не подаю. Никто из моих знакомых не воспитан настолько хорошо, чтобы стучаться ко мне в дом, поэтому я понятия не имею, кто бы это мог быть. Наверное, так и не узнаю, ибо не в силах двинуться с места.

Я лежу спиной к двери, но слышу, как она медленно открывается, и чувствую дуновение холодного воздуха... Незнакомый женский голос окликает меня по имени.

Мне все равно, кто она такая. В этот момент я хочу только одного: чтобы кто-нибудь положил конец моим страданиям. Из последних сил я поднимаю руку, чтобы дать знать этой даме, кем бы она ни была, о своем присутствии.

– Бедный мальчик... – С этими словами женщина закрывает за собой дверь, подходит к дивану и внимательно смотрит на меня сверху вниз.

Я с трудом открываю глаза. Кто эта незнакомка? Ей слегка за сорок, изящная, невысокого роста – пониже Лейк, в коротких черных волосах серебрится седина. Пытаюсь изобразить улыбку, но, кажется, у меня не особенно получается. Она хмурится и бросает взгляд на Колдера, который провалился в забытье на соседнем диване. Когда незнакомка проходит мимо меня в кухню, я замечаю, что у нее в руках какая-то бутылка. До меня доносится звук хлопающих ящиков. Вскоре женщина возвращается с ложкой в руках, наполняет ее жидкостью из бутылки и склоняется ко мне:

– Это поможет. Лейкен сказала мне, что вы, ребята, тоже слегли.

Я безропотно подчиняюсь, ибо сейчас готов выпить все, что угодно.

Микстура обжигает горло, я кашляю, беру стакан воды и делаю маленький глоток. Последние несколько часов организм даже воду удержать не в состоянии, поэтому пить много опасно.

– Что это за гадость? – спрашиваю я.

Моя реакция обескураживает даму.

– Мой собственный рецепт, – явно расстроившись, отвечает она. – Я сама делаю лекарства. Поможет, вот увидишь!

Она подходит к Колдеру, будит его, и он, как и я, не задавая лишних вопросов, послушно открывает рот, глотает микстуру и снова закрывает глаза.

– Кстати, меня зовут Шерри – я мама Кирстен. Она сказала, что вы все отравились каким-то жутким мясом, – говорит она и морщится, произнося слово «мясо».

Мне не хочется думать об этом, поэтому я закрываю глаза и пытаюсь отвлечься. Кажется, Шерри замечает выражение отвращения на моем лице, потому что быстро произносит:

– Жаль, что так вышло. Вот поэтому мы и стали вегетарианцами...

– Спасибо, Шерри! – благодарю я, надеясь, что наша беседа подходит к концу. Но нет...

– Я там у Лейкен стиральную машину запустила. Если хотите, могу и ваши вещи в стирку кинуть, – предлагает Шерри.

Не дожидаясь ответа, она идет по коридору, собирает грязную одежду и направляется к кладовке, где стоит стиральная машина. Слышится привычное гудение, потом какой-то шум из кухни – она моет посуду. Какая-то совершенно незнакомая женщина моет посуду в моей кухне... Но я не в силах запретить ей делать это, равно как и от души ее поблагодарить.

– Уилл? – окликает меня Шерри, возвращаясь в гостиную, но я даже глаза толком открыть не могу. – Я вернусь через час и повешу белье в сушильный шкаф. Захватчу вам кастрюльку минестроне.

Я молча киваю. Или мне только кажется, что киваю.

* * *

И часа не проходит, как от снадобья Шерри мне становится легче. Колдер доползает до своей комнаты и ложится в постель. Я с трудом дохожу до кухни, наливаю себе стакан спрайта, и тут на пороге появляется Лейк. Она выглядит не лучше моего и все же по-прежнему прекрасна. На ней пижама и домашние тапочки – не с Дартом Вейдером, но смотрятся очень сексуально! Она медленно подходит ко мне, обнимает и шепчет:

– Привет, милый! Как Колдер?

– Кажется, получше. Волшебное зелье Шерри, похоже, работает.

– Да, это факт! – подтверждает Лейк, кладет голову мне на грудь и тяжело вздыхает: – Жаль, у нас нет четырех диванов в одном доме, а то могли бы болеть все вместе...

Мы уже не раз обсуждали вопрос совместного проживания: с финансовой точки зрения это очень разумно, мы бы платили по счетам в два раза меньше. Но Лейк всего девятнадцать, и пока она предпочитает жить самостоятельно. Столь серьезный шаг все еще несколько пугает нас обоих, поэтому мы решили подождать, чтобы быть точно уверенными в своих желаниях.

– Да, я бы тоже не против, – соглашаюсь я и наклоняюсь, чтобы ее поцеловать.

– Ни-ни-ни, в ближайшие двадцать четыре часа – никаких поцелуев! – качает головой Лейк.

Я смеюсь и чмокаю ее в макушку. Лейк в ответ целует меня в плечо.

– Ладно, я, пожалуй, пойду, просто хотела проверить, как вы тут.

– Вы оба такие милые! – раздается вдруг из столовой голос Шерри.

Она заходит в кухню, ставит в холодильник контейнер с супом и направляется в кладовку. Я даже не услышал, как она вошла в дом, а ей даже не пришло в голову постучаться...

– Спасибо за лекарство, Шерри. Нам уже гораздо лучше, – благодарит ее Лейк.

– Не за что. Этот отвар быстренько выведет из вас всю заразу. Скажите, если еще понадобится!

– Ладно, Уилл, увидимся, – делая большие глаза, говорит Лейк. – Я тебя люблю.

– И я тебя тоже. Сообщи, когда Келу станет получше, и мы к вам зайдем.

Лейк уходит. Я сажусь за стол и медленно, маленькими глотками пью лимонад – на еду пока еще смотреть не могу. Шерри садится напротив меня:

– И что у вас за история?

Я не совсем уверен, что она имеет в виду, поэтому вопросительно смотрю на нее, делаю еще один глоток и жду пояснений.

– Что у вас двоих за история? Да еще Кел и Колдер... С материнской точки зрения, ситуация довольно странноватая. Моя одиннадцатилетняя дочь от всех вас в восторге, поэтому моя святая обязанность как матери узнать вашу историю. Вы же сами еще почти дети, но при этом воспитываете детей.

Да, Шерри не из тех, кто ходит вокруг да около.... Однако все, что она говорит, почему-то звучит вполне уместно и естественно. Она сразу же вызывает симпатию. Теперь мне ясно, почему Кирстен такая, какая есть.

Я ставлю стакан на стол и, сосредоточенно вытирая с него конденсат и стараясь не смотреть Шерри в глаза, рассказываю:

– Мои родители умерли три года назад. Чуть больше года назад у Лейк умер отец, а в сентябре – мать. Ну вот, собственно, и все. Теперь мы растим наших младших братьев.

– Вот же проклятье! – восклицает Шерри, откидываясь на спинку стула и скрещивая руки на груди.

Я киваю и грустно улыбаюсь. По крайней мере, она не стала говорить о том, как ей жаль нас обоих, – ненавижу, когда меня жалеют.

– И сколько вы уже встречаетесь?

– Официально? С восемнадцатого декабря, то есть чуть больше года.

– А неофициально?

Я неловко ерзаю на стуле. И дернуло же меня уточнить – официально... неофициально...

– С восемнадцатого декабря, то есть чуть больше года, – с улыбкой повторяю я, не собираясь вдаваться в подробности. – А что вы можете рассказать о себе, Шерри?

– Уилл, разве тебя в детстве не учили, что нельзя совать нос не в свое дело? – Она со смехом встает и идет к двери. – Скажи, если вам что-то понадобится. Адрес знаешь.

* * *

В воскресенье мы вчетвером смотрим кино и болеем. Всех еще немного подташнивает, поэтому с чипсами и попкорном мы решаем повременить. В понедельник мы возвращаемся в реальность: я отвожу Кела и Колдера в школу и еду в колледж. Три занятия из четырех в одном здании – хоть какие-то плюсы в магистратуре! Как только учебный план утвержден, расписание уже не меняется и, как правило, занятия идут в одном месте. Только первая лекция проходит в аудитории на другом конце кампуса – это магистерский курс по выбору под названием «Смерть и умирание». Я подумал, что это может быть интересно – опыта по данной теме у меня предостаточно. Да и выбора особого не было: других курсов в восемь утра нет, поэтому пришлось взять этот, если я хочу, чтобы мне зачли все баллы.

Я вхожу в аудиторию и вижу, что поднимающиеся амфитеатром ряды двухместных столов почти пусты – студентов пока еще мало. Взбегаю по ступенькам и занимаю место в одном из задних рядов, чувствуя себя при

этом несколько не в своей тарелке: одно дело – быть в роли преподавателя и совсем другое – в качестве студента. Я уже привык находиться за учительским столом – что ж, придется отвыкать...

Вскоре все двадцать столов заполняются, остается всего одно свободное место – рядом со мной. Скорее всего, это первый и последний раз, когда все пришли рано – все-таки первое занятие в семестре. Обычно так и бывает: через пару дней ощущение новизны пропадет и преподаватель вряд ли снова увидит курс в полном составе.

В кармане вибрирует телефон: я достаю его и обнаруживаю сообщение от Лейк: «Наконец-то нашла телефон. Надеюсь, тебе понравятся занятия. Люблю, до вечера!»

Профессор начинает отмечать присутствующих. Я отправляю Лейк короткий ответ: «Спс. Тебя тоже» – и убираю телефон.

– Уилл Купер? – произносит профессор, я поднимаю руку, он смотрит на меня, кивает и ставит пометку в журнале.

Я оглядываюсь по сторонам в поисках знакомых лиц. В прошлом семестре на одном курсе со мной была парочка знакомых из школы, но это скорее исключение, чем правило. Большинство моих одноклассников закончили колледж в мае и далеко не все из них решили идти в магистратуру.

И тут какая-то блондинка на первом ряду оборачивается и смотрит прямо на меня. Сердце тяжело ухает в груди. Убедившись, что я узнал ее, она улыбается и машет мне рукой, а потом встает и направляется в мою сторону.

О нет! Она идет ко мне! Собирается сесть за мою парту!

– Уилл?! С ума сойти, какое совпадение! Мы же сто лет не виделись!

– Привет, Воэн! – натужно улыбаюсь я, пытаюсь понять, что чувствую: то ли гнев, то ли вину.

– Как ты? – шепчет она, радостно обнимая меня. – Как Колдер?

– Все хорошо. Растет. Через два месяца будет уже одиннадцать.

– Одиннадцать?! Обалдеть! – потрясенно качает она головой.

Мы не виделись почти три года, причем расстались, мягко говоря, не по-дружески, однако сейчас она, похоже, искренне рада меня видеть... К сожалению, не могу ответить ей взаимностью.

– Как дела у Итана? – интересуюсь я.

Когда мы с Воэн встречались, я близко сошелся и с Итаном – ее старшим братом, но с тех пор, как мы ней расстались, ни разу его не видел.

– У него все хорошо, даже замечательно. Женился, скоро станет папой.

– Рад за него, так ему и передай.

– Хорошо.

– Воэн Гибсон? – вызывает ее профессор.

– Здесь! – Она поднимает руку и снова поворачивается ко мне: – А ты как? Женился?

– Нет.

– Я тоже не замужем, – улыбается она.

Ох не нравится мне, как Воэн на меня смотрит. Мы встречались больше двух лет, и я успел неплохо ее узнать, так что ее намерения меня совершенно не радуют.

– Я не женат, но у меня есть девушка, – уточняю я.

Воэн слегка меняется в лице, хоть и пытается широко улыбаться.

– Рада за тебя. Все серьезно?

Она явно горит желанием узнать побольше о моей личной жизни. Ну что ж, придется удовлетворить ее любопытство:

– Серьезнее некуда.

Профессор начинает объяснять экзаменационные требования и рассказывать о программе курса, поэтому мы отворачиваемся друг от друга и больше не разговариваем – разве что Воэн иногда бросает короткие реплики относительно кого-нибудь из наших одноклассников. Как только лекция заканчивается, я быстро встаю.

– Очень рада нашей встрече, Уилл, – говорит Воэн. – Теперь я с удовольствием буду ходить на эти лекции. Нам с тобой столько всего нужно рассказать друг другу!

Я вежливо улыбаюсь, но не спешу кивать в знак согласия. Воэн порывисто обнимает меня и уходит, а я собираю вещи и по пути в другую аудиторию, где должна состояться следующая лекция, мучительно соображаю, как сообщить эту новость Лейк.

Лейк никогда не спрашивала меня о моих бывших девушках: она считает, что обсуждать это бессмысленно. Не уверен, что она вообще что-то слышала о Воэн. Она знает, что у меня были с кем-то серьезные отношения в старших классах и что я уже занимался сексом. Об этом мы с ней говорили. Понятия не имею, как она воспримет новость. Не люблю ее расстраивать, хотя и скрывать что-либо от нее тоже не хочется...

С другой стороны, а что мне скрывать? Я же не обязан рассказывать ей обо всех, с кем я попал в одну группу в университете. Мы никогда не касались этих вопросов, так зачем начинать? Если я расскажу ей, она только станет зря волноваться. А если не расскажу – что в этом такого? Лейк со мной не учится, мы даже в университете бываем по разным дням. Воэн я сказал, что у меня есть девушка... Что от меня еще требуется?

К концу последней лекции мне удается убедить себя в том, что Лейк совсем не обязательно знать о нашей встрече с Возн.

* * *

Подъехав к зданию начальной школы, я сразу вижу Кела и Колдера – они сидят на скамейке, поодаль от одноклассников, а рядом стоит миссис Брилл. Отлично! Я наслушался про нее жутких историй, но лично знаком не был. Сейчас она явно выжидающе смотрит на меня, поэтому глушу двигатель и выхожу из машины.

– Вы, наверное, Уилл? – протягивает мне руку она. – По-моему, мы с вами еще не встречались.

– Рад знакомству, – отвечаю я и смотрю на мальчиков, но те отводят глаза.

Миссис Брилл отзывает меня в сторону, давая понять, что им не стоит слышать наш разговор.

– На прошлой неделе у нас с Келом произошел инцидент в столовой, – начинает миссис Брилл, уводя меня подальше от мальчиков. – Не знаю, кем он вам приходится, но с его сестрой мне связаться не удалось.

– Да, мы в курсе случившегося. Лейкен не могла найти телефон. Я могу попросить ее перезвонить вам.

– Нет-нет, сегодня речь пойдет о другом. Просто для начала я хотела убедиться, что вы в курсе того происшествия и приняли надлежащие меры.

– Разумеется, – отвечаю я, лихорадочно пытаюсь сообразить, что означают «надлежащие меры»: вряд ли под наказанием понимается наш громкий смех за ужином... Что ж, послушаю, что она скажет на этот раз.

– Я хотела поговорить с вами вот о чем: у нас есть новая ученица, и, похоже, она подружилась с Келом и Колдером. Ее зовут Кирстен. Вы в курсе? – Я согласно киваю, и миссис Брилл продолжает: – Сегодня произошел неприятный случай с участием ее и еще нескольких учеников.

Я резко останавливаюсь и поворачиваюсь к ней: разговор становится интересным. Если это как-то связано с тем, как мальчики вели себя вчера за ужином, то я должен об этом знать.

– Другие дети ее дразнят. Кое-кому она пришлась не по нраву. Кел и Колдер узнали, что старшие мальчики наговорили ей гадостей, и решили взять дело в свои руки...

Миссис Брилл умолкает и косится на Кела с Колдером, которые сидят на скамейке без движения, словно истуканы.

– Что они сделали? – нервно спрашиваю я.

– Ну, сделать-то не сделали, а вот что написали...

Она достает из кармана и передает мне листок бумаги.

Я разворачиваю его и, едва взглянув, ахаю от ужаса... На бумажке нарисован окровавленный нож, а над ним написано: «Ты умрешь, засранец!»

– Это точно Кел и Колдер написали? – растерянно спрашиваю я.

– Да, – кивает директриса, – они уже признались. Вы сами преподаватель, поэтому должны понимать, что такими угрозами в школе не бросаются. Мы не имеем права закрывать глаза на подобные поступки. Надеюсь, Уилл, вы меня понимаете. Они отстранены от занятий до конца недели.

– Отстранены?! На целую неделю?! Но они же вступились за девочку, над которой издеваются другие!

– Да, отчасти вы правы. Те мальчики тоже наказаны. Но я не намерена оправдывать плохое поведение еще более плохим поведением.

Я понимаю, о чем она, и со вздохом снова смотрю на записку:

– Я поставлю Лейк в известность. Значит, мальчики могут вернуться на занятия в понедельник? Это все?

Она кивает, я благодарю ее, прощаюсь и сажусь в машину. Мальчики залезают на заднее сиденье, и всю дорогу до дома мы молчим. Я слишком сильно на них злюсь, чтобы хоть что-то сказать. По крайней мере, думаю, что злюсь. Я ведь должен злиться на них, правда?

* * *

Мы заходим к Лейк. Она сидит за барной стойкой. Я строго приказываю мальчикам сесть рядом. Лейк смотрит на меня удивленно, но я молча следую через гостиную и делаю ей знак пройти в ее комнату. Плотнo закрыв за нами дверь, я объясняю ей, что произошло, и показываю записку.

Лейк ошеломленно разглядывает ее, а потом прикрывает рот рукой, чтобы не рассмеяться. Слава богу, ей это кажется забавным. Какое облегчение! Чем больше по дороге домой я думал о том, что случилось, тем забавнее казалась вся эта ситуация. Мы смотрим друг на друга и не можем удержаться от смеха.

– Лейк, я все понимаю, – наконец говорю я. – Как брату и сестре, нам с тобой, конечно, смешно. Но как бы повели себя наши родители?

– Не знаю... Вообще-то, я горжусь, что они вступились за Кирстен. Бедная девочка! – Лейк откладывает записку в сторону и садится на кровать.

– Что ж, придется сделать вид, что мы рассердились, – предлагаю я,

саясь рядом. – Нельзя же позволять им так себя вести!

– Согласна. И как мы их накажем?

– Не знаю... Их отстранили от занятий на неделю, но, мне кажется, для любого ребенка это не наказание, а внеплановые каникулы... Да об этом все только мечтают!

– Я придумала! Можем запретить им играть в видеоигры, пока они сидят дома.

– Тогда они сведут нас с ума за эту неделю... – возражаю я, и Лейк стонет от одной мысли об этом. – Есть другое предложение, – продолжаю я, вспомнив, как наказывали в детстве меня самого. – Можем заставить их написать тысячу раз фразу «Я больше не буду писать записки с угрозами».

– Кел обожает писать, – качает головой Лейк. – Он воспримет это как дополнительный подарок к освобождению от занятий.

Еще какое-то время мы отчаянно пытаемся что-нибудь придумать, но ничего подходящего в голову не приходит.

– Ну вот, нашелся хоть какой-то плюс в том, что мы с тобой в этом семестре не совпадаем по расписанию. Если их будут отстранять от занятий, кто-нибудь из нас двоих всегда будет дома.

Я улыбаюсь, искренне надеюсь, что такое больше не повторится: хотелось бы, чтобы это произошло в первый и последний раз! Лейк об этом особо не задумывается, но, с тех пор как мы познакомились, мне стало гораздо проще управляться с Колдером. Раньше каждый раз, когда мне нужно было что-то решить по поводу Колдера, я проходил через адские мучения, а теперь мы обсуждаем проблемы вместе. Я стараюсь не быть слишком суровым. Мы с Лейк обычно сходимся во мнениях по поводу того, как стоит воспитывать мальчиков. Ее материнский инстинкт часто приходится очень кстати. В такие моменты, как сейчас, когда мы принимаем совместные решения, мне невыносима сама мысль о том, что я не должен форсировать наши отношения: если отключить голову и прислушаться к тому, что подсказывает сердце, я бы женился на ней хоть сегодня.

Толкнув Лейк на кровать, я ложусь рядом и целую ее. Из-за этого адского отравления я не целовал ее аж с пятницы! Мне так этого не хватало! Она страстно отвечает на поцелуй – судя по всему, тоже скучала!

– А ты поговорил с бабушкой и дедушкой насчет следующих выходных? – спрашивает она.

– Позвоню им вечером, – шепчу я, скользя губами по ее щеке, медленно приближаясь к уху.

– Придумал, куда поедем?

– Я готов с удовольствием и дома остаться, – отвечаю я, целуя ее в шею, которая немедленно покрывается мурашками. – Главное, что я наконец-то проведу целых три дня с тобой наедине. Наконец-то мы проведем вместе ночь... во всяком случае, в одной постели...

Я изо всех сил стараюсь сдерживать свое нетерпение, но в последнее время не могу думать ни о чем, кроме следующих выходных. Лейк совсем не обязательно знать, что я уже давно веду обратный отсчет: осталось десять дней и двадцать один час.

– Можем так и сделать, – предлагаю я. – Давай останемся дома, а Кел с Колдером поедут в Детройт. Соврем Эдди и Гевину, что уезжаем, закроем жалюзи и ляжем в этой кровати на три дня. Ну разве что в душ будем иногда ходить.

– Звучит восхитительно! – восклицает Лейк.

Она любит придумывать новые слова, и это сочетание «восхитительно» и «потрясно» звучит так мило.

– Вернемся к нашим баранам. Как бы поступили наши родители в такой ситуации? – возвращает меня на землю Лейк.

Понятия не имею. Если бы знал, это здорово помогло бы мне решать житейские проблемы, да и растить детей было бы куда проще...

– О, придумал! Давай напугаем их до самых бабочек!

– Это как? – удивленно смотрит на меня Лейк.

– Притворись, что пытаешься меня успокоить, как будто я реально разозлился. А они пусть сидят там и умирают от страха.

– Фу, противный! – смеется Лейк, встает и подходит к двери. – Уилл! Прошу тебя, успокойся! – кричит она.

– Ни за что! – ору я, ударяя в дверь кулаком. – Ни за что! Они меня достали!

– Прекрати! – Лейк падает на кровать и прикрывает лицо подушкой, чтобы не рассмеяться в голос. – Перестань! Не ходи к ним! Тебе надо успокоиться, Уилл! Ты же убьешь их!

– Убью?! – тихо шепчу я, рассерженно глядя на нее. – Шутишь, что ли?! Лейк, актриса из тебя никакая! – заявляю я, прыгая на кровать рядом с ней.

– О нет, Уилл! Только не ремнем! – визжит она.

– Заткнись! – смеясь, кричу я и зажимаю ей рот.

Пару минут мы приходим в себя, собираемся с духом и с серьезным видом выходим из спальни. Я стараюсь выглядеть устрашающе. Мальчики с ужасом смотрят на нас, а мы спокойно садимся за стойку напротив них.

– Говорить буду я, – серьезно начинает Лейк. – Уилл слишком

расстроен вашим поведением и не хочет с вами разговаривать.

Я молча смотрю на них, стараясь всем своим видом изображать предельную степень ярости. Интересно, а настоящие родители тоже так себя ведут? Притворяются, что они взрослые люди, хорошо знающие, что такое ответственность?

– Итак, для начала, – произносит Лейк неподражаемым материнским тоном, – мы хотим поблагодарить вас за то, что вы встали на защиту подруги. Однако вы все сделали неправильно: надо было сначала поговорить с кем-то из старших. Никогда не отвечайте насилием на насилие.

Какая молодец! Я бы не смог так умно сказать, даже если бы попытался пересказать соответствующую главу из книги «Как стать хорошими родителями».

– Поэтому, – продолжает Лейк, – вы оба сидите дома ближайšie две недели. И не думайте, что будете бездельничать и наслаждаться тем, что вам не надо ходить в школу! Каждый день вы будете получать от нас список заданий и будете их выполнять. Включая субботу и воскресенье!

Я толкаю ее коленкой под столом в знак того, что вот это последнее дополнение было очень кстати.

– Хотите что-нибудь сказать или спросить? – интересуется она.

– А что будет с моим днем рождения в пятницу? – поднимает руку Кел.

Лейк поворачивается ко мне, но я лишь пожимаю плечами, оставляя решение за ней.

– В день рождения все меры отменяются, этот день ты отработаешь позже. Еще вопросы есть? – спрашивает она, но мальчики молчат. – Прекрасно. Кел, марш в свою комнату. В ближайшие две недели ты не ходишь гулять с Колдером и Кирстен. Колдер, тебя это тоже касается. Иди к себе.

Мальчики молча слезают со стульев и расходятся по своим комнатам. Когда Кел исчезает в конце коридора, а Колдер выходит за дверь, я поднимаю руку и показываю Лейк «пять».

– Отличная актерская работа! Ты меня практически убедила!

– Ты тоже. Выглядел как будто и правда готов их отшлепать. – Она идет в гостиную и начинает складывать постиранное белье в стопки. – Как прошел день в университете?

– Хорошо, – отвечаю я, не вдаваясь в подробности. – Правда, задали много, так что надо бы садиться за уроки. Мы сегодня вместе ужинаем?

– Нет, я пообещала Эдди, что сегодня у нас с ней будет девичник: Гевин приступил к работе в «Гетти». Но завтра я вся твоя.

– Что ж, хорошо вам провести время, девочки! – Я целую ее в макушку. – Напиши мне перед сном. Ты же помнишь, куда телефон положила?

– Ага, – кивает она, доставая из кармана телефон и показывая его мне. – Я тебя люблю!

– А я тебя!

Закрыв за собой дверь, я решаю, что ушел чересчур поспешно, и возвращаюсь. Лейк стоит ко мне спиной и складывает полотенца. Я разворачиваю ее к себе, забираю у нее из рук полотенце, обнимаю и целую. На этот раз по-настоящему.

– Люблю тебя! – повторяю я.

– Как же дожить до следующих выходных?! – вздыхает она и прижимается ко мне. – Хоть бы они скорее наступили!

– Да не то слово!

Глава 4

Вторник, 10 января

*Если бы я был плотником, то прорубил бы для тебя окно в мою душу.
Но оставил бы его закрытым и запер на щеколду,
чтобы каждый раз, заглядывая в него, ты видела лишь свое
отражение.*

*Тогда ты бы поняла, что моя душа —
лишь отражение тебя...*

Проснувшись, я обнаруживаю, что Лейк уже уехала в колледж. На диване спит Кел. Наверное, она отправила его к нам перед отъездом. Сегодня приедут за мусором, поэтому я надеваю ботинки и выхожу во двор, чтобы выставить бак на улицу. Заваленная снегом крышка поддается с трудом. Лейк про мусор забыла, поэтому я захожу к ней во двор и вытаскиваю ее бак.

– Привет, Уилл! – машет мне рукой Шерри, проходя мимо вместе с Кирстен.

– Доброе утро, – здороваюсь я.

– Как там Кел и Колдер? Их сильно наказали? – спрашивает Кирстен.

– Отстранили от занятий до понедельника.

– За что? – удивленно спрашивает Шерри. Похоже, Кирстен ничего ей не сказала.

– Они пригрозили тем парням, – отвечает за меня Кирстен. – Ну, насчет которых тебе звонили из школы. Кел и Колдер написали им записку, что, мол, если не прекратят, им не жить. Назвали их засранцами, – как ни в чем не бывало сообщает она маме.

– О-о-о, какие они молодцы, что решили тебя защитить! – Шерри открывает дверцу машины и поворачивается ко мне: – Уилл, передай им от меня спасибо. Так мило с их стороны заступиться за мою малышку!

Рассмеявшись, я качаю головой. Они уезжают, а я возвращаюсь к себе. Кел и Колдер сидят на диване и смотрят телевизор.

– Доброе утро!

– А нам хоть телевизор-то можно смотреть? – спрашивает Колдер.

– Да на здоровье, – пожимаю плечами я. – Делайте что хотите, только не угрожайте убийством кому-нибудь еще.

Возможно, мне стоит быть с ними построже, но в такую рань сил на это

нет.

– Уилл, они правда сильно ее достают, – серьезно говорит Кел. – С тех самых пор, как она сюда переехала. А ведь она им ничего не сделала.

– Не все умеют вести себя хорошо, Кел, – говорю я, снимая ботинки и присаживаясь к ним на диван. – В мире, к сожалению, полно плохих людей. А что конкретно они ей сделали?

– Примерно через неделю после того, как Кирстен сюда переехала, один парень из шестого класса предложил ей встречаться, – отвечает за него Колдер. – Но она отказалась. Этот парень хулиган. Кирстен сказала, что она вегетарианка и не может встречаться с мясоедом. Тогда он ужасно разозлился и стал говорить про нее всякие гадости. Его все боятся, потому что он сволочь, и теперь остальные тоже все время задирают ее.

– Колдер, не смей говорить «сволочь»! Чтоб я этого больше не слышал! Мальчики, вы правильно сделали, что вступились за нее. Мы с Лейк на вас за это не сердимся. Наоборот, мы гордимся вами, но хотим, чтобы вы думали головой, прежде чем что-то сделать. Вы уже вторую неделю творите черт знает что в школе, и теперь вас отстранили от занятий. У нас и так достаточно забот, а тут еще это.

– Нам жаль, что так вышло, – вздыхает Кел.

– Да, прости нас, Уилл, – добавляет Колдер.

– А что до Кирстен – продолжайте защищать ее. Она хорошая девочка и не заслуживает такого отношения. У нее есть еще друзья, кроме вас? Неужели больше никого?

– У нее есть Эбби, – отвечает Колдер.

– Ну, Эбби есть не только у нее, – ухмыляется Кел.

– Заткнись, Кел! – толкает его в плечо Колдер.

– Та-а-ак, а это еще кто?! Кто такая Эбби? Колдер, у тебя появилась подружка? – дразню его я.

– Она мне не подружка! – огрызается Колдер.

– Только потому, что ты стесняешься признаться, что она тебе нравится, – возражает Кел.

– Кто бы говорил, – поворачиваюсь к нему я. – Да ты же втюрился в Кирстен, как только она здесь появилась. Возьми да попроси ее стать твоей подружкой.

– А я уже попросил, – отчаянно покраснев и неловко улыбаясь, признается Кел – ну просто копия Лейкен! – И она сказала, что я ей тоже нравлюсь!

Я впечатлен. Этот парень смелее, чем я думал.

– Только Лейкен не говори, – просит меня он. – Она будет надо мной

смеяться.

– Не скажу, – обещаю я. – Но если мне не изменяет память, у кого-то в пятницу день рождения. Так что ты уж попроси Кирстен, чтобы она тебя не целовала на глазах у Лейкен, а то она сразу догадается.

– Отвали, Уилл! Мы с ней не целовались! – с неприкрытым отвращением на лице возмущается Кел.

– Колдер, так ты пригласи эту Эбби к Келу на день рождения! – предлагаю я и вижу, как брат краснеет и отводит глаза.

– А он уже пригласил, – отвечает за него Кел, и Колдер снова пихает его в плечо.

Я встаю с дивана – мои советы им явно не нужны, они и так прекрасно справляются.

– Значит, у вас обоих все на мази... И зачем я вам нужен?

– Ну кто-то же должен платить за пиццу, – быстро реагирует Колдер.

Я иду к двери, снимаю с вешалки их куртки и бросаю им на коленки.

– Час расплаты пробил! – объявляю я. – Вы оба сегодня разгребаете снег на выездах из дворов.

– Из дворов? – стонут они в один голос. – Даже не из одного, а из нескольких?!

– Именно, – отвечаю я. – Сначала здесь, потом у Лейк, а когда закончите, идите к Шерри и после нее к Бобу с Мелиндой.

Мальчики не двигаются с места.

– А ну быстро!

* * *

В среду мне как-то не по себе с самого утра – совершенно не хочется видеть Воэн. Я пытаюсь прийти пораньше, чтобы сесть с кем-нибудь за одну парту, но, к сожалению, прихожу в аудиторию первым. Сажусь на дальний ряд в надежде, что ей не захочется подниматься на самый верх.

Не тут-то было: она появляется почти сразу после меня, улыбается, взбегает вверх по ступенькам и бросает сумку на соседний стул.

– Доброе утро! А я тебе кофе принесла: две ложки сахара, без сливок – все как ты любишь, – заявляет она и ставит передо мной стаканчик.

– Спасибо, – односложно благодарю я.

Воэн убрала волосы наверх, и я прекрасно знаю почему: как-то раз я сказал ей, что обожаю, когда она делает такую прическу. Вряд ли сегодня это простое совпадение.

– Знаешь, я подумала, что нам надо снова начать общаться. Может, я в гости зайду? Я соскучилась по Колдеру, так хочется его увидеть!

«Ни в коем случае! Только не это!» – думаю я, но вслух спокойно отвечаю:

– Не уверен, что это хорошая идея.

– Ясно, – кивает она. – Что ж, ладно...

– Слушай, – начинаю я извиняющимся тоном, – я не хотел тебя обидеть... Просто у нас с тобой столько всего было... Не хочу вести себя нечестно по отношению к Лейк.

– Лейк? Твою девушку зовут Лейк?! – удивленно переспрашивает она.

– Вообще-то, ее зовут Лейкен, но я называю ее Лейк, – объясняю я, хотя мне очень не нравится ее тон.

– Уилл, я не хочу проблем. – Возн берет меня за руку. – Если Лейкен ревнивая, так и скажи. Делов-то.

Она гладит меня по руке, и я заворуженно наблюдаю за ее движениями. Она ничуть не изменилась: всегда умела с невинным видом говорить гадости. Отвратительно! Я убираю руку и отворачиваюсь:

– Возн, перестань! Я понимаю, чего ты хочешь, но этому не бывать.

Она фыркает и демонстративно отворачивается, глядя на доску. Обиделась. Вот и хорошо. Может, все-таки до нее дошел мой не самый тонкий намек.

Честное слово, не понимаю, что вдруг на нее нашло. Я вообще не думал, что мы с ней когда-нибудь встретимся, и уж тем более не предполагал, что придется ее практически отшить... Странно: когда-то я отчаянно любил ее, а сейчас вообще ничего не чувствую. Хотя я ни о чем не жалею: у нас были неплохие отношения, и, положив руку на сердце, думаю, я бы на ней женился, если бы родители не погибли. Но исключительно потому, что был очень наивен и ничего не знал о настоящей любви.

Мы познакомились в девятом классе, но встречаться начали только в десятом, на вечеринке, куда я пришел с моим лучшим другом Рисом. После мы с Возн несколько раз сходили на свидание, а потом решили, что подходим друг другу. Примерно через полгода мы впервые занялись сексом. И она, и я жили с родителями, так что произошло это на заднем сиденье ее машины. Мягко говоря, странное ощущение: тесно, холодно – в общем, менее романтическую атмосферу сложно даже представить. Конечно, за следующие полтора года многое изменилось в лучшую сторону, но я всегда жалел, что первый раз оказался именно таким. Может быть, именно поэтому я так хочу, чтобы у нас с Лейк в первый раз все было идеально, а не «давай-давай, скорее, а то вдруг не успеем», как это произошло у меня и Возн.

После расставания с Воэн я долго мучился и испытывал целую гамму противоречивых чувств. С Колдером на руках и двойной нагрузкой в колледже свободного времени у меня почти не оставалось. После Воэн у меня никого не было, пока я не познакомился с Лейк и с первого же свидания не понял, что между нами существует куда более глубокая связь, чем это было с Воэн. Если честно, я даже не знал, что так бывает.

Когда Воэн меня бросила, я решил, что она совершила огромную ошибку, сказав, что не готова стать матерью для Колдера. Она честно призналась, что не готова взять на себя такую ответственность. Я был возмущен и обижен. Обида давно прошла. К тому же, не сделай Воэн тогда такой выбор, все могло бы пойти совсем иначе, так что я буду вечно благодарен ей за то, что она меня бросила.

* * *

Пятница проходит намного удачнее: Воэн на занятие не является, так что весь оставшийся день я провожу в хорошем настроении. После окончания занятий я заезжаю в магазин купить Келу подарок на день рождения, а потом еду домой готовиться к празднику. Кел и Колдер пригласили всего двоих: Кирстен и Эбби. Шерри и Кирстен поехали за Эбби, Эдди и Лейк должны забрать торт. Гевин подъехал к дому одновременно со мной и привез пиццу. У него сегодня выходной, но я попросил его заехать в «Гетти», раз уж у него там теперь скидка.

– Волнуешься? – спрашиваю я у Колдера, выставляя коробки с пиццей на стойку. Ему, конечно, еще и одиннадцать не исполнилось, но ведь первая любовь штука такая...

– Перестань, Уилл! А то из-за тебя будет не праздник, а отстой!

– Понял, молчу. Но сначала несколько правил: до одиннадцати с половиной лет за руки не держаться. До тринадцати не целоваться. Взрос не целоваться до четырнадцати. Нет, до пятнадцати! Доживем до этого момента, и тогда пересмотрим правила, а пока хватит и этого.

Колдер закатывает глаза и уходит в другую комнату. Что ж, для первого раза вроде неплохо. Мы впервые официально говорили о «сексе». Хотя, вообще-то, такой разговор, судя по всему, нужен скорее Келу – его, кажется, девочки интересуют гораздо больше, чем Колдера.

– Кто заказывал торт? – недовольно спрашивает Лейк, входя в дом с огромной коробкой в руках.

– Кел и Колдер. Пока я продукты покупал. А что? Что-то не так?

Она подходит к бару, ставит торт на стойку, снимает крышку и отходит в сторону. Я сразу понимаю, в чем дело: на белой сливочной глазури

красуется голубая надпись:

С днем, бабочка тебя задери, рождения, Кел!

– Ну это, конечно, не ругательство...

– Меня так бесит, что они такие забавные, – вздыхает Лейк. – А дальше будет хуже... Наверное, и правда пора начинать их лупить, пока не поздно.

Она ставит на место крышку и убирает торт в холодильник.

– Завтра начнем, – обещаю я, обнимая ее сзади и целуя в ухо. – Нехорошо лупить именинника.

– Ладно, – соглашается она, подставляя мне шею. – Но, чур, я первая!

– Перестаньте! – возмущается Кел. – Давайте без этой фигни! У меня сегодня день рождения, не хочу смотреть, как вы тут обнимаетесь!

Я отпускаю Лейк, хватаю Кела в охапку и перекидываю его через плечо.

– Это тебе за «бабочка тебя задери»! – кричу я, поворачиваясь спиной к Лейкен. – Давай, милая, у тебя есть все шансы качественно его отшлепать!

Лейк шлепает его по попе, отсчитывая вслух ровно одиннадцать раз, Кел извивается, пытаясь вывернуться, и, надо признать, мне уже нелегко его удержать: мальчик растет.

– Поставь меня на пол, Уилл! – верещит он, колотя меня по спине.

Я дожидаюсь, пока Лейк закончит деньрожденные шлепки, и опускаю Кела на пол. Он смеется и пытается вывернуться у меня из рук, но я непреклонен.

– Ну погоди, Уилл! Скоро я вырасту и стану выше тебя, вот тогда-то я тебе бабочку надеру! – кричит он, убегая по коридору в комнату к Колдеру.

– И что, мы разрешаем им так выражаться? – серьезно глядя ему вслед, спрашивает Лейк.

– Как – так? «Бабочку надеру»? – смеюсь я.

– Ну да, – кивает она, – по-моему, это уже звучит как ругательство.

– А ты бы предпочла, чтобы он говорил «задница»? – спрашивает Кирстен, проходя между мной и Лейк. Девчонка снова вошла не постучавшись!

– Здравствуй, Кирстен! – укоризненно произносит Лейк.

Тут мы замечаем, что вместе с Кирстен в кухню вошла еще одна девочка и с улыбкой смотрит на Лейк.

– А ты, наверное, Эбби? – спрашивает Лейк. – Меня зовут Лейкен, а это Уилл.

Эбби едва заметно машет нам рукой, но ничего не говорит.

– Эбби очень стеснительная. Подождите немного, она отгадет, – объясняет Кирстен и за руку ведет Эбби к столу.

– А Шерри придет? – интересуется Лейк.

– Нет, вряд ли. Но она просила принести ей кусочек торта.

В кухню вбегают Кел и Колдер.

– А, вот вы где! Ну наконец-то! – восклицает Кирстен. – Ну что, прогульщики, круто в школу не ходить, а?

– Эбби, пойдём, я покажу тебе мою комнату, – предлагает Колдер, и они с Эбби уходят.

Я смотрю им вслед, а потом бросаю встревоженный взгляд на Лейк, но она, заметив мою реакцию, лишь смеется:

– Уилл, расслабься! Им же всего десять лет! Он наверняка просто хочет показать ей свои игрушки!

Как бы то ни было, я иду к комнате Колдера и прижимаю ухо к двери.

– Я же у тебя в гостях, дурачок! Так что за первого игрока играю я! – доносится из комнаты голос Эбби.

Ну конечно... им же всего десять лет. Я возвращаюсь на кухню и подмигиваю Лейк.

* * *

Праздник окончен. Эдди и Гевин предлагают отвезти Эбби домой, Кел и Колдер удаляются в комнату к Колдеру играть в новые видеоигры, которые подарили имениннику. Мы с Лейк остаемся наедине в гостиной. Она лежит на диване, положив ноги мне на колени, а я массирую ей ступни, снимая скопившееся за день напряжение. Лейк весь день крутилась как белка в колесе, занимаясь приготовлениями к празднику. Она лежит с закрытыми глазами и наслаждается наконец-то представившейся возможностью расслабиться.

– Должен тебе кое в чем признаться, – говорю я, не прекращая своего занятия.

– В чем? – Лейк встревоженно приоткрывает глаза.

– Я часы считаю до следующих выходных.

– Я тоже, – с явным облегчением отвечает она. – Осталось сто шестьдесят три.

– Ура! Значит, я могу не чувствовать себя идиотом, – улыбаюсь я, откидываясь на спинку дивана.

– Нет, не можешь! Просто мы оба – идиоты. – Лейк тянет меня к себе за край рубашки. – Какие у тебя планы на ближайшие час-полтора? – шепчет

она, скользя губами по моему уху.

У меня тут же учащается сердцебиение, руки покрываются мурашками. Лейк привстает и шепчет, касаясь своей щекой моей:

– Пойдем ко мне. Ненадолго. Покажу тебе демо-версию следующих выходных...

Меня два раза просить не нужно: я быстро перепрыгиваю через спинку дивана и бросаюсь к двери:

– Мальчики, мы скоро вернемся! Никуда не уходите! Пойдем, – хватаю я за руку Лейк, поднимая ее на ноги, – у нас мало времени!

Мы идем к Лейк, и едва дверь за нами закрывается, я прижимаю к ней Лейк и начинаю целовать... Нет сил терпеть, пока мы дойдем до спальни.

– Сто шестьдесят два, – шепчу я между двумя поцелуями.

– Пойдем в мою комнату. Я запру дверь, и если мальчики придут, им придется постучаться. – Лейк поворачивается и запирает дверь.

– Отличная идея!

Мы целуемся, медленно двигаясь по коридору в сторону спальни, и к тому времени, когда добираемся до пункта назначения, Лейк уже успевает снять с меня рубашку.

– Давай еще раз сыграем в «точку возврата». Кто первый сдастся, тот проиграл, – предлагает Лейк, скидывая обувь.

– А я и сейчас могу сказать, кто проиграет. И это буду не я, – заявляю я, хотя прекрасно знаю, что все, как всегда, будет с точностью до наоборот.

– И не я, – качает головой Лейк, ложась на спину на кровать.

Я стою перед ней и наслаждаюсь этой картиной. Мне даже не верится, что эта потрясающая девушка – моя, что она действительно любит меня. Она сдувает с лица непослушный локон и заправляет его за ухо, а потом устраивается поудобнее на подушках. Я осторожно ложусь на нее, обнимаю и нежно целую в губы.

Наслаждаясь поцелуем, я двигаюсь очень медленно, пытаюсь не упустить ни единого мгновения. Нам так редко удается остаться наедине, но я не хочу торопить события.

– Я тебя очень люблю, – шепчу я.

– Уилл, побудь со мной сегодня ночью! – шепчет Лейк, крепко обхватив меня ногами за талию и прижимая к себе. – Пожалуйста... Приходи, когда мальчики заснут. Они ничего не узнают.

– Лейк, потерпи еще неделю. Осталось совсем чуть-чуть!

– Я не об этом. Конечно, я потерплю. Просто я хочу, чтобы сегодня ты спал в моей постели. Я так скучаю... Ну пожалуйста!

Не в силах ответить «нет», я решаю промолчать и продолжаю целовать

ее в шею.

– Уилл! Не заставляй меня умолять! Иногда ты весь из себя такой ответственный, что я кажусь себе совершенно безвольной и нерешительной.

Она – безвольная? Смех да и только! Не отрывая губ от ее шеи, я расстегиваю верхнюю пуговку рубашки и целую нежную впадинку между ключицами:

– А что ты наденешь, если я останусь у тебя на ночь?

– Господи! – выдыхает она. – Да все, что тебе будет угодно!

– Мне не нравится эта рубашка, – сообщаю я, расстегивая очередную пуговку и опускаясь чуть ниже. – Эту рубашку точно не надевай! Она ужасная! По-моему, тебе стоит ее снять и забросить подальше. – Я расстегиваю третью пуговку, ожидая, что Лейк сдастся первой, – на этот раз я твердо намерен выиграть.

Но Лейк настроена по-боевому и не намерена сдаваться, поэтому я продолжаю целовать ее грудь, опускаясь все ниже и ниже... четвертая пуговица... пятая... и вот наконец последняя! Лейк молчит, она проверяет меня. Я медленно скольжу вверх, к ее губам, и тут она перекачивается на меня, садится верхом, одним движением срывает с себя рубашку и швыряет ее в угол.

Я глажу ее плечи, грудь. С тех пор как мы познакомились, волосы Лейк стали намного длиннее, и, когда она наклоняется ко мне, локоны падают ей на лицо. Чтобы лучше его видеть, я заправляю волосы ей за уши. В комнате темно, но я могу различить ее улыбку и поразительные изумрудно-зеленые глаза. Медленно глядя ее плечи, я провожу пальцем вдоль краев бюстгалтера.

– Надень вот это, – говорю я, просовывая палец под бретельку. – Мне нравится.

– Значит, ты придешь? – На этот раз голос ее звучит совершенно серьезно, без тени веселья.

– Ну, если ты обещаешь мне надеть вот это, – киваю я, изо всех сил пытаюсь сохранять невозмутимость.

Она прижимается ко мне всем телом. Впервые за многие месяцы мы ощущаем соприкосновение нашей обнаженной кожи. И я уже не собираюсь сдаваться. Не могу остановиться, и все! Обычно я лучше контролирую себя, но в Лейк есть нечто такое, что заставляет меня терять голову.

– Лейк... – задыхаясь, шепчу я и чуть отстраняюсь, но она продолжает целовать меня. – Лейк, до выходных остались считанные часы. Время идет

так быстро, что на самом деле эти выходные можно считать началом следующей недели, а начало следующей недели – началом выходных. Поэтому следующие выходные как бы уже наступили и происходят... в данный момент.

– Знаешь что, Уилл? – глядя мне прямо в глаза, перебивает она. – Лучше замолчи, потому что если ты думаешь, что я сдамся первой, то ошибаешься. Не в этот раз, милый.

Да она серьезно настроена... Я ласково переворачиваю ее на спину, наклоняюсь и глажу по щеке.

– Не в этот раз? Уверена, что ты готова? Прямо сейчас?

– Уверена, – шепчет она, обнимая меня ногами за талию.

Мы отдаемся друг другу целиком, я все крепче целую ее, прижимая к себе. Все мое тело пульсирует, мы начинаем задыхаться от долгих поцелуев, как будто вдруг разучились дышать. В исступлении мы стремимся миновать тот момент, когда кто-нибудь из нас всегда сдается, пройти точку возврата – и это удается нам довольно быстро. Я нащупываю и расстегиваю застежку ее бюстгалтера, а она лихорадочно сражается с пуговицей моих джинсов. Бретели соскальзывают с плеч... И тут случается страшное: кто-то стучит в чертову дверь!

– О господи! – выдыхаю я.

Голова идет кругом, я пытаюсь как-то взять себя в руки, утыкаюсь лбом в подушку рядом с Лейк... Мы оба стараемся усмирить возбуждение.

– Уилл, я рубашку найти не могу! – в панике восклицает Лейк, выскальзывая из-под меня и вскакивая на ноги.

Я перекатываюсь на спину, выхватываю из-под себя рубашку и бросаю ей:

– Вот твоя жуткая рубашка, держи!

Мальчики колотят в дверь изо всех сил. Я вскакиваю с кровати, бегу по коридору в поисках собственной рубашки, на ходу натягиваю ее на себя и отпираю дверь.

– Ты что так долго? – влетая в дом, спрашивает Кел.

– Кино смотрели, – вру я. – Не хотели останавливать на самом интересном месте.

– Да-да, – подтверждает Лейк, выходя в коридор. – Действительно, на самом интересном месте!

– Можно Колдеру остаться у нас? – спрашивает Кел, включая в кухне свет.

– Странно, что вы, ребята, спрашиваете о таких вещах, – вздыхает Лейк.

– Спрашиваем, потому что, вообще-то, мы наказаны, если ты забыла, – объясняет Колдер, и Лейк беспомощно смотрит на меня.

– Кел, у тебя же день рождения! Наказание вступает в силу с завтрашнего вечера, – вмешиваюсь я.

Мальчики уходят в гостиную и включают телевизор.

Я беру Лейк за руку:

– Проводишь меня?

– А ты потом придешь? – спрашивает она, как только мы выходим за дверь.

– Лейк, наверное, не стоит, – говорю я, немного успокоившись и трезво посмотрев на ситуацию. В ожидании громких протестов я стараюсь быть как можно более убедительным: – Мы только что были на грани. И ты предлагаешь мне спать с тобой в одной постели после такого?!

– Ты, как всегда, прав. Было бы странно, мальчики же дома... – неожиданно соглашается Лейк. Мы доходим до моего дома, она обнимает меня и, похоже, совсем не замечает, что на улице ужасный холод. – А может, и не прав... – вдруг произносит она. – Может, тебе все-таки стоит вернуться? Скажем, через час. Я надену самую страшную пижаму, какая у меня есть, и даже зубы чистить не стану. Тебе вообще не захочется до меня дотрагиваться. Будем просто спать, и все.

– Лейк, даже если ты неделю не будешь чистить зубы или переодеваться, я все равно не смогу не прикасаться к тебе, – смеюсь я над ее наивным планом.

– Уилл, я серьезно! Приходи через час, пожалуйста. Я просто хочу побыть с тобой, вот и все. Прослежу, чтобы мальчики сидели у себя в комнате, а ты незаметно проскользнешь ко мне, прям как в школе!

– Хорошо, – быстро сдаюсь я. – Приду через час. Но мы будем просто спать – договорились? Никаких соблазнов и искушений!

– Никаких соблазнов, обещаю! – улыбается она.

– Лейк, я серьезно, – шепчу я, ласково касаясь ее подбородка. – Я хочу, чтобы в первый раз у тебя все прошло идеально, но стоит нам с тобой оказаться в одной постели, мне реально сносит голову. Осталась всего одна неделя. Я с радостью проведу с тобой ночь, но ты должна пообещать мне, что не поставишь меня в безвыходное положение в ближайшие сто шестьдесят два часа.

– Сто шестьдесят один с половиной, – серьезно поправляет меня Лейк.

– Ладно, – смеюсь я, – иди укладывай мальчиков. Скоро увидимся.

Она целует меня на прощание, и я ухожу к себе и принимаю душ. Холодный душ. Очень холодный.

Через час я снова подхожу к дому Лейк. В окнах темно. Я запираю за собой дверь и прохожу по коридору к ее спальне. Она не выключила ночник и лежит, повернувшись ко мне спиной. Я забираюсь в кровать и обнимаю ее – никакой реакции! Ну разве что слышится негромкое похрапывание... Я заправляю волосы ей за ухо, целую в затылок, натягиваю на себя одеяло и закрываю глаза.

Глава 5

Суббота, 14 января

*Мне ужасно нравится быть рядом с тобой.
Когда мы не вместе, я ужасно по тебе скучаю.
Когда-нибудь я ужасно захочу на тебе жениться,
**И это будет
Просто
Прекрасно.***

Лейк жутко расстроилась, что в субботу утром я ушел, не разбудив ее. Сказала, что так нечестно: из-за меня она проспала все самое интересное: ведь мы впервые провели вместе всю ночь!

Ситуации вроде той, в которой мы оказались в пятницу вечером в ее спальне, больше не повторялись. Думаю, нас обоих поразила сила охватившей нас страсти, поэтому мы стараемся быть осторожнее – по крайней мере, до следующих выходных. В субботу вечером мы вместе с Эдди и Гевинном ходили в гости к Джоелу, а в воскресенье вместе с Лейк делали домашнее задание. В общем, выходные как выходные.

Сейчас я сижу на «Смерти и Умирании», и с меня глаз не сводит единственная девушка, с которой у меня был секс. Странное ощущение. Возн ведет себя так, что мне начинает казаться, будто я действительно что-то скрываю от Лейк. Но если я расскажу ей правду сейчас, она поймет, что я не был до конца откровенен с ней в первую неделю семестра. В свете грядущих выходных мне совершенно не хочется расстраивать Лейк, поэтому я решаю подождать еще недельку.

– Возн, преподаватель вон там! – говорю я, показывая ей на кафедру.

– Уилл, перестань вести себя как сноб! – не сводя с меня глаз, шепчет Возн. – Почему ты со мной не разговариваешь? Если я тебя больше не интересую, то почему ты так напрягаешься?

С ума сойти! Она что, и правда думает, что я хочу начать все сначала? Да я и думать о ней забыл с того самого дня, как познакомился с Лейк.

– Ты меня больше не интересуешь, Возн! Уже три года прошло! Я тебя тоже не интересую. Просто ты всегда хочешь получить невозможное, вот и злишься. Так что я тут совершенно ни при чем.

– Думаешь, ты мне нужен?! – Скрестив руки на груди, Возн откидывается на спинку стула, сердито смотрит на меня, а потом

отворачивается и шепотом добавляет: – Тебе кто-нибудь говорил, что ты сволочь?

– Вообще-то, да, – смеюсь я. – И не раз!

* * *

Сегодня Кел и Колдер, отбыв дома положенное наказание, снова пошли в школу. Я заезжаю за ними, и они с грустными лицами молча забираются на заднее сидение. Рюкзаки набиты книгами так, что даже не закрываются. Похоже, мальчикам придется сегодня весь вечер просидеть за уроками, чтобы догнать класс.

– Ну что, ребята, теперь понимаете, что к чему? – задаю я им риторический вопрос.

Едва мы с мальчиками выходим из машины, как дверь открывается и на пороге появляется Лейк. Я спокойно отношусь к ее визитам в мое отсутствие, но все равно любопытно: что она там делала? Заметив мое недоумение, Лейк протягивает руку и показывает мне звездочку из маминой вазы.

– Не суди строго, – тихо говорит она, крутя в руках звездочку, – просто сегодня мне ее очень не хватает...

У нее такое выражение лица, что мне становится очень грустно. Я быстро обнимаю ее, но она высвобождается из моих объятий, переходит через улицу и скрывается за дверью своего дома. Думаю, ей хочется побыть одной. Что ж, не буду мешать.

– Кел, побудь немножко у нас, – предлагаю я, поворачиваясь к мальчикам. – Пойдемте, парни, помогу вам с уроками.

За пару часов нам удастся справиться со всеми заданиями, которые накопились за то время, что мальчики отсутствовали. Сегодня к нам на ужин придут Эдди и Гевин, поэтому я сразу же иду в кухню и начинаю готовить. Бургеры на сегодня отпадают. Думаю, не только на сегодня... Может, сделать базанью? Хотя нет, лень... Если честно, я вообще не очень люблю готовить. Подойдя к холодильнику, я вытаскиваю из-под магнетика меню китайского ресторана с доставкой.

Через полчаса появляются Эдди и Гевин, еще минуту спустя приходит Лейк, а за ней – рассыльный с китайской едой. Я выставляю на стол контейнеры, и мы дружно принимаемся накладывать еду на тарелки.

– Мы с Келом дошли только до середины игры. Можно, мы поедим в моей комнате? – спрашивает Колдер.

– Конечно, – отвечаю я.

– А я думал, они наказаны, – удивляется Гевин.

– Они и правда наказаны, – отзывается Лейк.

– Так они там в видеоигры рубятся! – сообщает Гевин, поглощая яичный ролл. – Какое ж это наказание?

Лейк беспомощно смотрит на меня. Не зная, что ответить, я решаю, что лучшая защита – нападение:

– Гевин, ты что, сомневаешься в наших педагогических способностях?

– Не, ну что ты! – смущенно отвечает он.

Сегодня у всех какое-то странное настроение. Эдди против обыкновения весь вечер молчит и вяло ковыряется в тарелке с едой. Мы с Гевинком пытаемся поддерживать разговор, но у нас не особенно получается, а Лейк и вовсе ушла в себя и, кажется, вообще не замечает, что происходит вокруг.

– Ну что, отстой-отпад? – предлагаю я, пытаюсь разрядить обстановку, и, поскольку все трое в один голос протестуют, интересуюсь: – А что, собственно, происходит? Почему сегодня все такие грустные?

Все молчат. Эдди и Гевин переглядываются. Эдди как будто вот-вот заплачет, поэтому Гевин целует ее в лоб. Я вопросительно смотрю на Лейк, но она не отрывает взгляда от тарелки, размазывая по ней лапшу.

– А ты, малыш? Что-то не так? – спрашиваю я у нее.

– Нет-нет, все в порядке, – совершенно неуверенно пытается заверить меня она, улыбается, берет со стола наши стаканы и идет в кухню за лимонадом.

– Прости, Уилл, – смущенно говорит Гевин, – мы с Эдди не хотим показаться невежливыми, просто у нас тут столько всего...

– Да без проблем. Могу чем-то вам помочь? – спрашиваю я, но они дружно качают головой.

– А ты пойдешь на слэм в четверг? – пытается сменить тему Гевин.

Мы не были там уже несколько недель – последний раз, кажется, еще перед Рождеством.

– Не знаю... А почему бы нет? Хочешь пойти? – спрашиваю я Лейк.

– Было бы здорово. Надо только узнать, сможет ли кто-нибудь присмотреть за Келом и Колдером.

– Ну, тогда там и увидимся, – говорит Гевин, надевая куртку, пока Эдди уносит посуду в кухню. – Спасибо за ужин. Обещаю, в следующий раз мы не будем такими отстойными.

– Да все в порядке. У всех случаются неудачные дни, – успокаиваю его я.

Они уходят, я закрываю контейнеры с остатками еды и убираю их в холодильник, а Лейк моет тарелки. Я подхожу к ней сзади и обнимаю:

– С тобой правда все в порядке?

– Все хорошо, Уилл, – отвечает она, поворачиваясь ко мне и кладя голову мне на грудь, – просто...

– Что случилось? – тихо спрашиваю я, видя, что она едва сдерживает слезы, и обнимаю ее крепче.

– Просто сегодня... – начинает она, и слезы текут у нее по щекам. – Сегодня их годовщина...

Ну почему же она всегда так злится на себя, когда расстраивается... Все ясно: сегодня день свадьбы ее родителей... Я ничего не говорю, просто крепко прижимаю ее к себе и целую в макушку.

– Я знаю, что глупо так расстраиваться. И больше всего расстраиваюсь из-за того, что расстраиваюсь.

– Совсем не глупо, Лейк! – возражаю я, глядя ее по щекам. – Иногда полезно поплакать.

– Завтра вечером мы с Эдди пойдем по магазинам, – улыбается она и целует меня в щеку. – В среду у меня вечерние занятия, так что увидимся уже в четверг. Ты найдешь няню или мне поспрашивать?

– А ты думаешь, им до сих пор нужна няня? Келу уже одиннадцать, Колдеру исполнится столько же через два месяца. По-моему, они вполне могут остаться на несколько часов одни. Что скажешь?

– Да, пожалуй... – кивает она. – Я, наверное, просто попрошу Шерри заглянуть к ним ненадолго и накормить ужином. Предложу ей немножко заплатить Как думаешь?

– Отличная идея! – поддерживаю я.

Лейк зовет Кела, надевает куртку и ботинки, а потом возвращается в кухню, обнимает меня и шепчет, целуя в шею:

– Еще девяносто три часа. Я люблю тебя!

– Послушай, Лейк, – серьезно говорю я, глядя ей в глаза. – Ты имеешь право иногда погрузиться. Перестань вырезать тыквы. Я тебя тоже очень люблю. – Я целую ее на прощание и запираю за ними дверь.

Странный сегодня вечер... Что-то явно не так. Раз уж мы собираемся на слэм, стоит записать мысли на бумагу. Сделаю Лейк сюрприз: это выступление будет посвящено ей. Может быть, тогда она чуть повеселеет.

* * *

По каким-то недоступным моему пониманию причинам в следующую среду Воэн снова садится рядом со мной. А я-то наивно надеялся, что после нашей небольшой стычки в понедельник она оставит эту безнадежную затею...

Даже не взглянув на меня, она достает тетрадку и открывает учебник на том месте, где мы остановились в прошлый раз. Она не смотрит на меня и не говорит ни слова. Меня это радует, и в то же время я испытываю легкое чувство вины за свою прежнюю грубость. Настолько легкое, что извиняться точно не собираюсь: она получила по заслугам!

Звенит звонок, мы молча собираем вещи, и тут Возн кладет листок бумаги на парту прямо передо мной и быстро уходит. Я подумываю, не выбросить ли записку сразу, не читая, но любопытство берет верх. Заняв место в аудитории, где должно пройти следующее занятие, я разворачиваю листок.

Уилл!

Возможно, ты и слышать это не захочешь, но я должна тебе сказать: прости меня! Больше всего на свете я жалею о том, что мы с тобой расстались, – это была самая большая ошибка за всю мою жизнь! Особенно если учесть, в какой ситуации я тебя бросила... Теперь я понимаю, что поступила нечестно по отношению к тебе, но я была всего лишь маленькой, испуганной девочкой...

Пожалуйста, не делай вид, что наши отношения для тебя ничего не значат. Я любила тебя и знаю, что ты тоже любил меня. По крайней мере, ты мог бы поговорить со мной. Дай мне шанс лично попросить у тебя прощения. Я не могу забыть о том, как мы с тобой расстались. Пожалуйста, разреши мне попросить у тебя прощения!

Возн

Сложив записку, я убираю ее в карман, сажусь за парту и тяжело вздыхаю. Ну почему она не может просто оставить меня в покое? Не хочу думать об этом и не буду. Подумаю об этом позже.

* * *

На следующий день все мои мысли заняты только Лейк.

Мы договорились, что я зайду за ней через час, поэтому я быстро доделываю домашнее задание и бегу в душ, проносясь мимо комнаты Колдера, где они с Келом играют в видеоигры.

– А почему нам нельзя с вами? – спрашивает Кел. – Ты же сам говорил, что там нет ограничений по возрасту.

– А вы что, парни, правда хотите с нами? – замираю я в дверях. – Вы понимаете, что это вечер поэзии?

– Я люблю поэзию, – отзывается Колдер.

– А я – нет, но мне хочется хоть раз в жизни куда-нибудь сходить! – сообщает Колдер.

– Ну ладно, подождите – пойду посоветуюсь с Лейк, – удивленно говорю я и выхожу на улицу.

Едва я переступаю порог дома Лейк, как раздается оглушительный визг:

– Уилл! Отвернись!

Я послушно отворачиваюсь, но уже поздно: я все видел. Она, видимо, только что вышла из душа и совершенно голая стоит посреди гостиной.

– Господи, я думала, что заперла дверь! А стучаться теперь не принято?

– Добро пожаловать в мой мир! – смеюсь я.

– Ладно, можешь поворачиваться, – сменяет она гнев на милость.

Лейк успела завернуться в полотенце. Я обнимаю ее за талию, подхватываю на руки и кружусь, потом с улыбкой ставлю ее на пол:

– Всего двадцать четыре часа. Волнуешься?

– Ни капельки! Я же тебе говорила, что у меня нет причин волноваться. Я в надежных руках.

Мне безумно хочется поцеловать ее, но я сдерживаюсь: она как-никак в одном полотенце. На всякий случай я все же делаю шаг назад:

– Кел и Колдер спрашивают, можно ли им пойти с нами. Им интересно, что происходит на слэме.

– Правда? Неожиданно... Я не возражаю, если ты не против.

– Хорошо. Пойду скажу им. – Я направляюсь к двери и, не удержавшись, бросаю через плечо: – Лейк! Спасибо за предпросмотр!

Она выглядит чуть смущенной, поэтому, прежде чем закрыть за собой дверь, я весело подмигиваю ей. Да, похоже, следующие двадцать четыре часа станут самыми длинными в моей жизни...

* * *

Мы садимся в самом конце зала вместе с Гвином и Эдди – за тот самый столик, где мы с Лейк сидели на нашем первом свидании. В последний момент выяснилось, что Кирстен тоже хочет поехать с нами, поэтому на диване тесновато.

Шерри, наверное, нам и правда доверяет, хотя, разумеется, не преминула подробно расспросить, куда мы собрались, прежде чем отпустить с нами Кирстен. К концу допроса с пристрастием Шерри и сама заинтересовалась слэмом. Сказала, что для Кирстен это наверняка будет полезно. А Кирстен тут же вставила, что для ее портфолио было бы неплохо выступить на слэме, поэтому она взяла с собой ручку и тетрадку,

чтобы записать то, что покажется ей важным.

– Так, кто что будет пить? – спрашиваю я перед тем, как пойти в бар.

На сцену уже вышла «жертва», значит скоро начнется первое выступление. По пути я успел объяснить детям правила – они вроде как все поняли. Но я не стал говорить им, что и сам буду выступать, – хочу сделать сюрприз. Лейк тоже не в курсе, поэтому по пути из бара я подхожу к жюри и оплачиваю участие.

– Так круто! – восклицает Кирстен, когда я подхожу к столику с подносом. – Ребята, вы самые офигенные родители на свете!

– А вот и нет! – возражает Кел. – Они не разрешают нам ругаться!

Первый выступающий подходит к микрофону, и Лейк делает детям знак замолчать. Лицо у парня знакомое, он здесь часто выступает, причем неплохо. Я обнимаю Лейк за талию, и из динамиков доносится:

– Меня зовут Эдмунд Дэвис-Куинн. Я прочитаю вам свое последнее стихотворение. Оно называется «Пишите плохо».

Пишите плохо.

Отстойно.

Пишите ужасно.

Отвратительно.

Пугающе жутко.

Как будто вам *все равно*.

Отключите внутреннего редактора.

И позвольте себе *писать*.

Пусть слова *текут*.

Пусть *совершаются ошибки*.

Сделайте что-нибудь *сумасшедшее*.

Напишите пятьдесят тысяч слов.

В ноябре.

Я так и сделал.

Это было *здорово и безумно*, я писал *тысячу шестьсот
шестьдесят семь слов в день*.

Оказалось, это *возможно*.

Но вам придется отключить внутреннего критика.

Полностью отключить его.

Просто *писать*.

Быстро.

Подчиняясь *порыву*.

С радостью.

Если не пишется, убегите ненадолго.
Вернитесь **домой**.
И **снова** пишите.
Писать невозможно научиться сразу,
как и чему-то другому.
Это ремесло, которому вы должны все время учиться.
Не видать вам Джульярдской школы^[2],
если не будете трудиться.
Хотите попасть в Карнеги-Холл? **Практика,
практика, практика...**
...Ну или дайте большую взятку кому надо.
Как и в любом другом деле,
необходимо потратить десять
тысяч часов, чтобы стать мастером,
считает Малькольм Гладуэлл.
Поэтому **пишите**.
Ошибайтесь.
Записывайте свои **мысли**.
Откладывайте **в сторону**.
Пусть хорошенько **промаринуются**.
Только потом редактируйте.
Но не редактируйте в процессе написания,
это лишь тормозит мозговую активность.
Придумайте себе ежедневную практику,
я, например, веду блог.
И мне это **нравится**.
Чем **больше** вы пишете, тем **легче** вам это дается.
Чем больше
поток ваших слов, тем меньше **беспокойства**.
Ведь вы пишете не для **школы**, не на **оценку**, а просто чтобы вынести
свои мысли **в мир**.
Вы же знаете – они так и просятся **в мир**.
Так что **не сдавайтесь**. Постоянно практикуйтесь.
Пишите **плохо**,
пишите **ужасно**, пишите до полного **опустошения**,
и, возможно,
в результате вы напишете что-то
настоящее,
по-настоящему

хорошее.

Зрители начинают аплодировать. Я кошусь на Кирстен и мальчиков: они в оцепенении смотрят на сцену.

– Твою ж мать! – потрясенно восклицает Кирстен. – Это просто обалденно! Невероятно!

– Уилл, почему ты нас раньше сюда не водил? Это так круто! – поддерживает ее Колдер.

Не ожидал, что им так понравится. Остаток вечера они тихо сидят и внимательно слушают выступающих. Кирстен что-то строчит в тетрадке. Не знаю, что именно, но она явно увлечена своим занятием. «Надо как-нибудь дать ей почитать мои старые стихи», – думаю я.

– Следующим выступит Уилл Купер! – объявляет ведущий, и все с удивлением смотрят на меня.

– Ты будешь выступать? – спрашивает Лейк.

– Ага, – с улыбкой киваю я и иду к сцене.

Раньше я всегда нервничал перед выступлением. Какая-то часть меня, наверное, до сих пор испытывает волнение, но теперь это скорее напоминает выброс адреналина. Впервые я пришел сюда с отцом. Он всегда интересовался искусством: музыкой, поэзией, живописью, литературой – всем, чем только можно. Когда мне было пятнадцать, я впервые увидел его на сцене, и с тех пор слэмы стали моей страстью. Как же все-таки обидно, что Колдер не успел узнать его с этой стороны! Я сохранил все папины рукописи, какие смог найти, и даже пару старых картин. Когда-нибудь я отдам это все Колдеру. Но только когда он станет постарше и сможет оценить такой подарок.

Запрыгнув на сцену, я подхожу к микрофону и регулирую высоту стойки. Кроме Лейк, никто из присутствующих не поймет, о чем идет речь в моем стихотворении, – оно предназначено только для нее.

– Я прочту вам стихотворение под названием «Точка возврата»... – начинаю я.

Софиты спят глаза. Я не вижу Лейк, но уверен, что она улыбается. Я не спешу. Хочется читать медленно, чтобы она хорошо расслышала каждое слово.

Двадцать два часа до *начала* нашей войны.

Схватки *конечностей*,

и *губ*,

и *ладоней*...

Точка *возврата*

перестанет *существовать*,
когда обе стороны наконец
выкинут *белый флаг*.
О, *сколько раз* я терпел *поражение*...
Или это ты столько раз *побеждала*?
Уже пятьдесят девять недель мы играем в эту игру,
и, по-моему,
пока что счет
ноль —
ноль.
Двадцать два часа до *начала* нашей войны.
Схватки *конечностей*,
и *губ*,
и *ладоней*...
Неужели можно не останавливаться
в точке возврата?
С неба *душевыми* потоками
прольется вода,
А потом *разорвутся бомбы* и раздастся *пушечный*
залп. И тогда мы с тобой *упадем* на *землю*.
До начала *битвы*, до начала *войны*...
Хочу, чтобы ты *знала*:
я мог бы ждать тебя *еще* пятьдесят девять недель.
Сколько угодно, лишь бы *дать* тебе *выиграть*.
Я готов останавливаться в точке
возврата
 снова, и снова,
и *снова*.

Я отхожу от микрофона и спускаюсь со сцены, но не успеваю дойти и до середины зала, как Лейк бросается мне на шею, целует меня и шепчет:

– Спасибо.

Мы возвращаемся за столик.

– Предупреждать надо, Уилл! – закатывает глаза Колдер. – Мы могли бы спрятаться в туалете, если что!

– А по-моему, было очень здорово! – возражает Кирстен.

Уже девять часов, скоро начнется второй раунд.

– Поехали, ребята, вам же завтра в школу, – говорю я, и они с недовольными стонами начинают собираться.

* * *

Мы возвращаемся, и дети сразу идут по домам, а мы с Лейк еще долго обнимаемся во дворе. С каждым днем мне становится все сложнее расставаться с ней по вечерам и засыпать, зная, что она всего в нескольких десятках метров от меня. Каждую ночь мне приходится прикладывать титанические усилия, чтобы не написать ей и не позвать ее к себе в постель. Мы сдержали данное Джулии слово, поэтому мне кажется, что после завтрашней ночи нас уже ничто не остановит... Ну разве что наши попытки являть собой пример для подражания Келу и Колдеру, но это вопрос решаемый...

Мои руки скользят ей под рубашку. Лейк дергается и пытается увернуться:

– Перестань! У тебя руки холодные! – смеется она.

– Знаю, – киваю я и обнимаю ее еще крепче. – Поэтому стой спокойно, чтобы я мог их немножко согреть.

Я глажу ее под рубашкой, стараясь не поддаваться грезам о завтрашней ночи. Это практически невозможно, поэтому я убираю руки и просто обнимаю ее.

– Какую новость ты хочешь услышать первой? Плохую или хорошую? – спрашиваю я.

– Куда ты хочешь, чтобы я тебе двинула: по лицу или по яйцам? – задиристо отвечает она вопросом на вопрос.

– Бабушка с дедушкой волнуются, что мальчикам у них будет скучно, – смеясь, начинаю я, на всякий случай готовясь прикрыть рукой потенциальную мишень, – поэтому просят оставить их у меня дома. А вот и хорошая новость: мы не можем остаться у тебя, поэтому я забронировал номер в отеле в Детройте на две ночи.

– Ну и где тут плохая новость? Только зря напугал!

– Просто я подумал, что тебе не очень хочется встречаться с моей бабушкой, – знаю, как ты к ней относишься...

– Перестань, Уилл! – хмурится Лейк. – Ты прекрасно понимаешь, что дело совсем не в том, как я к ней отношусь. Это она меня терпеть не может!

– Вот и неправда! Просто она за меня волнуется, – заверяю ее я и целую за ухом.

– Кстати, это ты виноват, что я ей не нравлюсь.

Я пораженно отстраняюсь:

– Это чем же?

– Помнишь твой выпускной? Помнишь, что ты сказал, когда мы с ней познакомились?

Если честно, не помню. Вообще понятия не имею, о чем она. Ни малейшего.

– Уилл, мы же оторваться друг от друга не могли. Когда после вручения дипломов мы пошли в ресторан, ты и слова за весь вечер не произнес, потому что мы все время целовались. Твоей бабушке это совершенно не понравилось! А когда она спросила, как давно мы с тобой встречаемся, ты ответил: восемнадцать часов! И как ты думаешь, кем она должна меня считать после этого?

Да-да, припоминаю... Ужин тогда удался на славу. Я так радовался, что больше не надо скрывать наши отношения, что и правда не отпускал от себя Лейк ни на секунду...

– Но это же правда... Официально мы с тобой встречались ровно восемнадцать часов.

– Она считает меня потаскушкой, Уилл! – отталкивает меня Лейк. – Я не знаю, куда деться от стыда!

– Ну, пока у нее никаких оснований так думать, – дразню я ее, снова целуя за ухом.

– Все, никаких больше глупостей в ближайшие двадцать четыре часа! – ударив себя кулаком в грудь, со смехом клянется она и уходит в сторону своего дома.

– В ближайшие двадцать один час! – кричу я ей вслед.

Лейк заходит в дом и закрывает за собой дверь, даже не поцеловав меня на ночь. Ну уж нет, не позволю, чтобы последнее слово осталось за ней! Бегу к двери, влетаю в дом, вытаскиваю Лейк на крыльцо, прижимаю к стене и, глядя ей в глаза, прикиваю к ней всем телом. Она пытается делать вид, что злится, но в уголках губ играет улыбка. Наши пальцы переплетаются, я поднимаю руки вверх и тоже прижимаю их к стене.

– Слушай меня внимательно, – шепчу я, не сводя с нее глаз. Она слушает. Ей нравится, когда я так себя веду. – Не смей брать с собой никаких вещей! – продолжаю я. – Оденься точно так же, как в прошлую пятницу. Надеюсь, ты еще не выкинула ту жуткую рубашку?

Лейк улыбается и кивает. Не думаю, что сейчас она смогла бы что-нибудь произнести вслух, даже если бы захотела.

– Отлично. Тебе не разрешается брать с собой никаких вещей, кроме тех, что будут на тебе: никакой одежды, никакой пижамы – ничего! Встретимся у меня дома в семь вечера. Поняла?

Она снова кивает. Я чувствую, как бешено колотится ее сердце, и по

взгляду понимаю, что она ждет поцелуя. Продолжая удерживать ее руки наверху, я касаюсь ее губами, но в последний момент отказываюсь от своего намерения, медленно отпускаю ее руки, отворачиваюсь и иду к своему дому. Прежде чем войти, я оглядываюсь: Лейк все еще стоит, прислонившись к стене, и не шевелится. Прекрасно! На этот раз последнее слово за мной!

Глава 6

Пятница, 20 января

Лейк никогда не прочтет мой дневник, поэтому я могу честно написать, о чем думаю. Если она все-таки прочтет эти строки, то разве что после моей смерти, когда будет разбирать мои вещи. Но тогда это уже будет не важно, потому что меня не будет в живых.

В общем, Лейк... если ты читаешь эти слова... прости, что я умер!

Но в данный момент, сию секунду я жив! Даже более чем жив! Долгожданный вечер наконец настал! Игра стоила свеч! Все пятьдесят девять недель ожидания! Точнее, семьдесят, если считать с момента нашего первого свидания.

Поэтому я просто скажу, о чем думаю, – ладно?

О сексе!

Секс, секс, секс! Сегодня вечером я буду заниматься сексом! Заниматься любовью! Бабочка меня задерит! Как бы это ни называлось, мы будем этим заниматься!

И у меня уже просто сил нет ждать!

Я хочу, чтобы сегодня все было идеально, поэтому решаю прогулять школу, сделать уборку и закончить все дела до приезда бабушки с дедушкой. Даже не ожидал, что буду так нервничать. Может, это все от возбуждения, не знаю. Я просто хочу, чтобы этот день закончился как можно скорее.

Забрав мальчиков из школы, я заезжаю по дороге домой в магазин, чтобы купить еды на ужин. Мы с Лейк планируем уехать около семи, поэтому я посылаю дедушке сообщение и пишу, что приготовлю на ужин базанью. Джулия просила нас выбрать для базаньи какой-нибудь хороший день, а сегодня день просто прекрасный! Я ничего не успеваю, а они уже подъезжают к дому! Черт, а я еще даже в душ не сходил! И хлебные палочки не готовы!

– Колдер! – кричу я. – Бабушка с дедушкой приехали! Иди открывай!

Это совершенно излишне: они заходят сами, разумеется не постучавшись. Первой появляется бабушка, я подхожу к ней и целую ее в щеку.

– Здравствуй, милый! А чем это так вкусно пахнет? – спрашивает она.

– Это базанья! – отвечаю я, обнимая дедушку.

– Базанья?!

– Ну, в смысле лазанья, – смеюсь я.

Бабушка улыбается и становится очень похожей на маму. Они с дедушкой такие же стройные и высокие, как мама. Многие считают бабушку чересчур строгой, но я этого совсем не замечаю. Мы провели вместе столько времени, что иногда мне кажется, что она моя родная мама.

Дедушка ставит на пол сумки и идет за мной в кухню.

– Уилл, ты знаешь, что такое «Твиттер»? – спрашивает он, сдвинув очки на кончик носа и глядя в экран своего телефона.

– Купил себе этот умфон и пытается свистнуть сообщение президенту, – сокрушенно качает головой бабушка.

– Смартфон, – поправляю ее я. – И не свистнуть, а твитнуть.

– Так он следит за мной! – возмущается дедушка. – Я не шучу, правда. Мне вчера пришло сообщение: «Теперь президент следит за вашими обновлениями».

– Круто, дедуля! А я «Твиттером» не пользуюсь.

– А стоило бы. Молодой человек твоего возраста должен быть на шаг впереди всех в том, что касается социальных сетей.

– Непременно исправлюсь, – заверяю его я, ставлю в духовку хлебные палочки и начинаю доставать из буфета тарелки.

– Давай я, Уилл, – предлагает бабушка, оттесняя меня от буфета.

– Привет, бабуль, привет, дедуль! – бросается им на шею Колдер. – Дедуль, помнишь, в какую игру мы играли, когда ты в прошлый раз приезжал?

– Ага, – кивает дедушка. – Я еще убил двадцать шесть вражеских солдат.

– Да-да! Келу подарили на день рождения новую версию. Хочешь с нами?

– А сам-то как думаешь? – радостно отзывается дедушка, и они с Колдером уходят.

Самое забавное, что дедушка не то чтобы подыгрывает Колдеру или притворяется ради него – он и правда обожает видеоигры.

Бабушка достает из буфета бокалы и, не поворачиваясь ко мне, произносит:

– Знаешь, ему становится хуже...

– В смысле?!

– Купил себе игровую приставку. Весь дом гаджетами завален, а теперь еще и этот «Твиттер». Все время мне рассказывает, что он кому свистнул! Не понимаю, Уилл. – Бабушка сокрушенно качает головой. – Такое

впечатление, что у него кризис среднего возраста, только что-то поздновато... лет на двадцать.

– Не свистнул, а твитнул. А по-моему, это здорово: им с Колдером есть о чем поговорить.

– На Лейкен накрывать? – холодно спрашивает бабушка, явно надеясь услышать в ответ «нет», и начинает насыпать в стаканы лед.

– Да, накрывать, – коротко отвечаю я.

– Слушай, Уилл, ты уж извини, но я скажу напрямую, – грозно посмотрев на меня, заявляет она.

«О боже! Начинается...»

– Очень неприлично с вашей стороны вот так взять и уехать вдвоем на выходные. Вы ведь даже не помолвлены, я уж не говорю, что не женаты. По-моему, вы чересчур торопитесь. Я переживаю!

– Бабуль, мы совершенно не торопимся, поверь. – Я с улыбкой обнимаю ее за плечи. – Прошу тебя, дай ей шанс. Она просто потрясающий человек! Обещай, что сегодня вечером ты хотя бы сделаешь вид, что она тебе нравится. Пожалуйста!

– Да она-то мне нравится, Уилл, – вздыхает бабушка. – Меня беспокоит другое, то, как вы ведете себя... Как будто вы... Даже не знаю, как сказать... Слишком сильно любите друг друга, что ли...

– Ну, если это твоя единственная претензия, то мне, в общем-то, нечего возразить, – соглашаюсь я, глядя, как она ставит на стол тарелку для Лейк. – Мне еще надо в душ успеть Я быстро! Хлебные палочки будут готовы через пять минут, вытащи, пожалуйста!

Бабушка кивает, и я иду к себе в комнату собирать вещи. Достая из-под кровати сумку, ставлю на одеяло, открываю молнию и замечаю, что у меня адски дрожат руки. Чего это я так разволновался? У меня это не в первый раз, да к тому же не с кем-нибудь, а с Лейк... Запихивая в сумку одежду, я вдруг понимаю, что совершенно по-идиотски улыбаюсь...

С чистой футболкой в руках я направляюсь в сторону ванной, и тут раздается стук в дверь. Я улыбаюсь: Лейк пытается произвести на бабушку хорошее впечатление, поэтому решила постучаться, как приличная девочка. Старается. Как это мило с ее стороны.

– Боже мой! Кого я вижу! – ахает бабушка, открыв дверь. – Пол! Иди сюда! Смотри, кто пришел!

Я обреченно закатываю глаза: ну да, я, конечно, попросил ее быть с Лейк повежливее, но такой спектакль точно не заказывал. Я быстро иду в гостиную: Лейк обидится, если я уйду в душ и оставлю ее одну на растерзание.

«Черт! Черт, черт, черт!!! А она какого хрена тут делает?!»

Она обнимает дедушку, потом замечает меня и улыбается:

– Привет, Уилл!

Улыбки в ответ она точно не дождется.

– Возн, мы тебя сто лет не видели, – говорит бабушка. – Оставайся на ужин, мы уже скоро садимся! Я поставлю для тебя тарелку.

– Нет! – кричу я, возможно, чересчур злым голосом.

– Уилл, нельзя ли повежливее? – хмурится бабушка, но я не обращаю на нее внимания.

– Возн, можно тебя на минутку? – спрашиваю я, делая ей знак зайти ко мне в комнату и лихорадочно соображая, как бы избавиться от нее побыстрее. – Ты что тут делаешь?

– Я же сказала, мне надо с тобой поговорить, – оправдывается она, присаживаясь на край кровати.

Светлые волосы снова убраны наверх. Она смотрит на меня умоляющим взглядом, пытаюсь вызвать во мне чувство жалости.

– Возн, сейчас совершенно неподходящий момент.

– Не уйду, пока ты со мной не поговоришь, – качает головой она, скрестив руки на груди. – Ты все время меня избегаешь.

– Мне сейчас не до тебя, я через полчаса уезжаю, а у меня еще куча дел. Вернусь в понедельник. Давай поговорим в среду, после занятий. А сейчас – уходи, пожалуйста.

Она не двигается с места и смотрит куда-то вниз. О господи, да она плачет! Я всплескиваю руками в раздражении, подхожу к кровати, сажусь рядом с ней. Ужас! Только этого еще не хватало!

Все почти как три года назад: мы сидели на этой самой кровати, когда она сообщила мне, что решила меня бросить. Сказала, что даже представить себе не может, что в девятнадцать лет можно растить ребенка и взвалить на себя такую ответственность. Меня сильно задело, что она бросила меня в такой тяжелый момент. Я и сейчас на нее злюсь, но теперь уже за то, что она не желает уходить.

– Уилл, я так по тебе скучаю! И по Колдеру тоже! С первого дня, как мы с тобой встретились в универе, я только о тебе и думаю. О тебе и о том, как мы расстались. Я была не права... Пожалуйста, выслушай меня!

Я вздыхаю, падаю на спину и закрываю глаза руками – более неподходящий момент для разговора она выбрать не могла. Лейк придет минут через пятнадцать максимум.

– Ладно, говори. Только быстро.

Она откашливается и вытирает глаза. Странно, но меня совершенно не

трогают ее слезы. Как можно так долго любить девушку, а потом не испытывать к ней ни толики сочувствия?

– Я знаю, что у тебя есть девушка. Но, насколько мне известно, вы встречаетесь недавно, гораздо меньше, чем мы с тобой. Я знаю про ее родителей и про то, что она растит младшего брата. Люди-то все знают, Уилл.

– Ну и что дальше?

– По-моему, ты с ней встречаешься по совершенно неправильным причинам. Может быть, тебе ее жалко, потому что с ней происходит то же самое, что с тобой. Если это так, то ты нечестно поступаешь по отношению к ней. Я считаю, что ты должен дать мне второй шанс ради нее. Чтобы понять, чего ты на самом деле хочешь!

Я рывком сажусь на кровати. Мне хочется наорать на нее и выставить за дверь, но все-таки ее жаль. Я беру себя в руки, делаю глубокий вдох и спокойно говорю:

– Послушай, Возн, ты права: когда-то я любил тебя. Ключевое слово – «когда-то». Я действительно люблю Лейк и никогда не причиню ей боль. А если она тебя здесь застанет, ей будет больно, поэтому я хочу, чтобы ты ушла. Прости, я знаю, что ты не это ожидала услышать. Но ты сделала свой выбор, и я принял это. Теперь тебе надо принять мой выбор. Пожалуйста, сделай нам обоим одолжение и уйди.

Я подхожу к двери, ожидая, что она последует за мной.

Возн встает, но застывает посреди комнаты и снова начинает плакать. Господи, я просто не знаю, что делать!

– Возн, перестань! Не плачь. Ну прости.

Я обнимаю ее. Наверное, я слишком жестко с ней говорил. Я знаю, чего ей стоило прийти сюда и попросить прощения. Если она и правда меня любит, то некрасиво с моей стороны вести себя как полная сволочь только потому, что она заявила ко мне домой в неподходящий момент.

– Все в порядке, Уилл, – отталкивает меня она. – Я все понимаю. Мне не стоило ставить тебя в такое положение. Просто я так переживала, что сделала тебе больно, и хотела лично попросить прощения. А теперь я пойду. И еще... Я правда хочу, чтобы ты был счастлив! Ты этого заслуживаешь.

Ее тон и взгляд не оставляют сомнений, что она говорит правду. Наконец-то! Возн – хороший человек, иначе я не провел бы с ней два года. Но я прекрасно знаю, какая она эгоистка, и очень благодарен за то, что сегодня она показала себя с другой стороны.

– Спасибо, Возн! – говорю я, вытирая ей слезы.

Она улыбается и обнимает меня на прощание. Должен признать, я испытываю облегчение после того, как мы все выяснили. Для меня-то эта история закончилась давным-давно, а вот ей, похоже, это было необходимо. Может быть, теперь нам будет легче ходить на одни и те же занятия. Я чмокаю ее в лоб и поворачиваюсь к двери.

И вот тут происходит самое страшное: вселенная начинает дрожать и вот-вот взорвется!

В дверях стоит Лейк и смотрит на нас с открытым ртом, как будто собирается что-то сказать, но не может. Мимо по коридору проходит Колдер, он замечает стоящую за моей спиной Воэн и бросается к ней, радостно визжа:

– Воэн!

Лейк смотрит мне прямо в глаза, и я в буквальном смысле этого слова вижу, как разбивается ее сердце.

Слов нет! Лейк медленно качает головой, пытаюсь осознать то, что видит, а потом отводит взгляд, разворачивается и уходит. Я бегу за ней, но она уже на улице. Я быстро натягиваю ботинки и выскакиваю во двор:

– Лейк!

Я бросаюсь за ней, хватаю за руку и разворачиваю к себе. Молча. А что я могу сейчас сказать?

Она плачет. Я пытаюсь обнять ее, но она отталкивает меня и начинает колотить в грудь, не говоря ни слова. Я хватаю ее за запястья и привлекаю к себе, она продолжает выворачиваться, но я держу ее до тех пор, пока у нее не заканчиваются силы и она не начинает медленно оседать на землю. Я не пытаюсь удержать ее на ногах, а просто сажусь вместе с ней прямо в снег и обнимаю ее, а она рыдает.

– Лейк, между нами ничего нет! Клянусь тебе! Ничего!

– Я же видела, Уилл! Видела, как ты ее обнимаешь! «Ничего» – говоришь?! Да ты ее в лоб поцеловал! Какого черта?! – кричит она, даже не пытаюсь сдерживать слезы.

– Прости меня, Лейк. Умоляю, прости. Это ничего не значило. Я просто просил ее уйти, – в отчаянии бормочу я, но она встает и идет в сторону своего дома. – Лейк, я тебе все объясню, подожди! Ну пожалуйста!

Она заходит в дом, хлопает дверью у меня перед носом и... В замке поворачивается ключ. Я бросаюсь к двери и в отчаянии бью по ней ладонью. Ну вот, я снова все испортил! Но на этот раз дело серьезное.

– Уилл, прости, пожалуйста! – раздается у меня за спиной голос Воэн. – Я не хотела, чтобы у тебя были неприятности.

– Да уйди же наконец! – бросаю я, не оборачиваясь.

– Да, конечно, – кивает она. – Только вот еще что... Я понимаю, тебе сейчас не до этого, но тебя же не было на лекции. В среду у нас будет тест. Я сняла копию со своего конспекта, оставила у тебя на столе. Увидимся в среду.

Она идет к машине. Скрип снега под ее ногами постепенно затихает. Потом в замке поворачивается ключ, Лейк медленно приоткрывает дверь – ровно настолько, чтобы я мог видеть ее лицо, смотрит мне в глаза и тихо спрашивает:

– Вы с ней учитесь в одной группе?!

Я молчу. Все мое тело сжимается, когда она захлопывает дверь прямо у меня перед носом. Лейк запирает дверь не только на ключ, но еще и на засов, а потом выключает освещение во дворе. Я прислоняюсь к двери, закрываю глаза и изо всех сил стараюсь не расплакаться.

* * *

– Милый, все в порядке. Мы возьмем с собой эту их подставку, так что они не будут скучать. Нас это не затруднит, правда, – заверяет меня бабушка, пока дедушка выносит вещи из дома.

– Это не подставка, бабуля, а приставка! – поправляет ее Колдер, залезая на заднее сиденье вместе с Келом.

– А теперь иди отдохни! Достаточно переживаний для одного вечера. – Бабушка целует меня в щеку. – Можешь забрать мальчиков в понедельник.

– Если надо будет поговорить, просто твитни, – обнимает меня на прощание дедушка и садится за руль.

Машина медленно выезжает из двора. Вместо того чтобы «пойти отдохнуть», я тут же возвращаюсь к дому Лейк и стучусь в дверь в надежде, что она все-таки поговорит со мной. Стучусь минут пять, потом в ее спальне гаснет свет. Потеряв всякую надежду, я возвращаюсь домой, но оставляю свет во дворе и не запираю дверь: вдруг она все-таки передумает. На случай если она вдруг сменит гнев на милость, решаю поспать на диване в гостиной, чтобы услышать стук. Лежу без сна полчаса и ругаю себя на чем свет стоит: поверить не могу, что все так по-дурацки вышло! Да, не так я представлял себе сегодняшнюю ночь... Все эта чертова базанья виновата!

Внезапно дверь открывается, и входит Лейк. Не глядя на меня, она подходит к стеллажу, достает из вазы звездочку и идет обратно к выходу.

– Лейк, подожди! – умоляю я, но она хлопает дверью. – Пожалуйста, дай мне все объяснить! – кричу я, выбегая за ней во двор.

Мы переходим улицу. Дойдя до двери своего дома, она оборачивается.

– А как ты собираешься мне это объяснить? – спрашивает она, и я вижу у нее на щеках черные потеки туши: ее сердце разбито и во всем виноват только я. – Единственная девушка, с которой у тебя был секс, сидит с тобой за одной партой уже две недели! Как ты собираешься мне это объяснить? И в тот самый вечер, когда я собираюсь уехать с тобой... заняться с тобой любовью... я застаю ее у тебя в спальне. А ты, твою мать, целуешь ее в лоб!

Она снова начинает плакать, и я обнимаю ее. Не могу смотреть, как она плачет.

Но Лейк резко отстраняется и поднимает на меня полные боли глаза.

– Это же мой самый любимый поцелуй! Я больше всего на свете люблю, когда ты целуешь меня в лоб! А теперь ты забрал это у меня и отдал ей! Спасибо, что позволил мне увидеть, какой ты есть на самом деле, пока я не совершила самую большую ошибку в своей жизни! – кричит она, хлопает дверью, но потом выглядывает снова. – И где, черт побери, мой брат?!

– В Детройте, – шепчу я, – до понедельника.

Дверь снова с треском захлопывается, на этот раз окончательно. Я поворачиваю к дому, и тут из ниоткуда передо мной возникает Шерри:

– Все в порядке? Я услышала, как Лейкен кричит...

Молча прохожу мимо нее, дохожу до своего дома и тоже хлопаю дверью – получается не очень громко, поэтому я открываю ее и хлопаю еще раз. А потом еще и еще. В какой-то момент я понимаю, что если она сломается, то за ремонт придется платить мне самому, поэтому просто прикрываю ее и пинаю изо всех сил. Я идиот! Идиот, сволочь, ублюдок, подонок... Обессилен, я падаю на диван.

У меня сердце разрывается, когда Лейк плачет. Да еще из-за меня! Из-за того, что я сделал! До сих пор мне не приходилось попадать в такую ситуацию, и я не знаю, что делать. Не знаю, как все исправить. Не знаю, что ей сказать. Если бы она только выслушала меня... Впрочем, сейчас это вряд ли поможет. Лейк права: она ни разу не обвинила меня в чем-то, чего я не сделал на самом деле. Господи, как мне сейчас хочется поговорить с папой!.. Мне так нужен его совет...

Совет! Ну конечно! Я подхожу к вазе и достаю оттуда звездочку. Сажусь на диван, разворачиваю ее и читаю от руки написанные строки:

Иногда приходится отдалиться друг от друга, чтобы понять, как сильно вы нуждаетесь в близости.

Автор неизвестен

Я складываю звездочку и убираю обратно в вазу, на самый верх: вдруг
Лейк случайно вытянет следующей именно ее?

Глава 7

Суббота, 21 января

ВСЕ ПРОПАЛО, ТВОЮ МАТЬ!

Заснуть мне вчера так и не удалось. При малейшем шорохе я подскакивал на диване, надеясь, что это Лейк, но она так и не пришла.

Я ставлю кофе и подхожу к окну. В ее доме тихо, все шторы задернуты. Машина во дворе – значит она дома. Я так привык, что рядом с машиной, выстроившись в ряд, стоят садовые гномы, но после смерти Джулии Лейк собрала их всех в пакет для мусора и выкинула. Втайне от нее я залез в контейнер, вытащил одного, того самого, с разбитым красным колпачком, и спрятал.

Помню, как наутро после их приезда сюда я вышел из дома и увидел, что Лейк вышла на крыльцо без куртки да еще и в домашних тапочках. Можно было не сомневаться, что она шлепнется, как только шагнет на обледеневший асфальт. Так и случилось. Я не смог сдержать смех: южане недооценивают суровый климат севера.

Мне было очень жаль, что она упала на гнома и поранилась, зато у меня появился предлог провести с ней несколько минут. Я заклеил ссадину пластырем, Лейк ушла, а я весь день работал словно во сне и думал только о ней. Я безумно боялся, что мой образ жизни, ответственность, которая лежит на моих плечах, отпугнут ее раньше, чем мы сможем узнать друг друга поближе. Сначала я решил не посвящать ее во все подробности, подождать до вечера и пригласить на свидание, но быстро понял, что хочу рассказать ей о себе все. Она так сильно отличалась от других знакомых девушек... такая жизнерадостная, такая стойкая.

Я хотел убедиться в том, что Лейк понимает, как я живу. Прежде чем наши отношения станут развиваться дальше, она должна узнать о моих родителях, о Колдере, о моих сокровенных желаниях, узнать, какой я на самом деле, и понимать, через что мне пришлось пройти. Когда она впервые оказалась на слэме, я глаз отвести от нее не мог. Она смотрела на сцену с такой страстью и с таким глубоким пониманием, что я окончательно влюбился. И с тех пор не переставал любить ее ни на секунду.

Поэтому я не позволю ей просто взять и сдаться.

* * *

Я допиваю уже четвертую чашку кофе, и тут появляется Кирстен. Даже не посмотрев в сторону комнаты Колдера, она сразу подходит к дивану, плюхается рядом со мной и как ни в чем не бывало говорит:

– Привет.

– Привет.

– Что у вас с Лейкен стряслось? – спрашивает она с таким видом, как будто имеет на это полное право.

– Кирстен, а тебе мама не говорила, что воспитанные девочки не задают такие вопросы?

– Не, – качает головой Кирстен. – Она говорила, что единственный способ узнать, что происходит на самом деле, – спросить напрямую.

– Можешь спрашивать сколько угодно, но я не обязан тебе отвечать.

– Ладно. – Она встает с дивана. – Пойду тогда у Лейкен спрошу.

– Удачи! Может, она хоть тебе дверь откроет...

Кирстен уходит, а я вскакиваю с дивана и бросаюсь к окну. Но, сделав несколько шагов в сторону улицы, Кирстен поворачивает обратно. Проходя мимо окна, она с сочувствием смотрит на меня и качает головой, а потом появляется на пороге:

– Ты хочешь, чтобы я спросила ее о чем-то конкретном, а потом рассказала тебе?

– Отличная идея, Кирстен! Я тебя обожаю! погоди секунду... Даже не знаю... Просто посмотри, как у нее настроение... Плачет? Злится? Веди себя так, будто ты не в курсе нашей ссоры, и спроси у нее про меня. Посмотришь, что она ответит.

Кирстен кивает и собирается закрыть дверь, но тут я спохватываюсь и выпаливаю:

– погоди! Еще кое-что. Я хочу знать, во что она одета. – (Кирстен бросает на меня удивленный взгляд.) – Рубашка. Меня интересует только то, какая на ней рубашка.

Я стою у окна и смотрю, как Кирстен переходит улицу и стучится в дверь. Почему к Лейк она стучится, а ко мне – нет? Дверь тут же открывается, Кирстен входит в дом, и дверь снова захлопывается.

Еще одна чашка кофе. Я мечусь из угла в угол по гостиной, все время поглядывая в окно. Примерно через полчаса дверь дома Лейк открывается, Кирстен выходит и как ни в чем не бывало направляется к себе домой.

Некоторое время я держу себя в руках: вдруг ей надо было вернуться домой к обеду? Через час моему терпению приходит конец. Я срезаю через

дворы и выхожу прямо к дому Кирстен. Дверь открывает Шерри.

– Привет, Уилл, заходи.

Я захожу в гостиную. Кирстен смотрит телевизор.

– Слушай, Шерри, хотел извиниться за вчерашнее... – начинаю я, прежде чем накинуться на Кирстен с расспросами. – Прости, я не хотел хамить, я только...

– Да перестань, просто я вечно сую нос не в свое дело. Хочешь чего-нибудь попить?

– Нет, спасибо, мне бы с Кирстен поговорить...

– Уилл, ты засранец! – грозно глядя на меня, заявляет с дивана Кирстен.

Да, похоже, Лейк меня еще не простила... Я сажусь на край дивана, смущенно засунув руки между коленей. Господи, как я жалок! Бегу за помощью к одиннадцатилетней девчонке!

– Может, все-таки сообщишь мне, что она тебе сказала?

– Ты уверен, что хочешь это знать? Должна тебя предупредить, у меня потрясающая память! Мама говорит, что я запоминала любой разговор дословно уже в трехлетнем возрасте.

– Уверен. Я хочу знать все, каждое ее слово.

– Итак, – вздыхает Кирстен, забираясь с ногами на диван и устраиваясь поудобнее, – она считает, что ты сволочь, подонок, зараза, ублю...

– Ублюдок. Я знаю. Понял. А что еще она сказала?

– Ну, она не объяснила мне, за что так на тебя злится, но она в бешенстве. Уж не знаю, что ты там натворил, но сейчас она драит весь дом как ненормальная. У нее на полу в гостиной лежит куча алфавитных карточек – кажется, кулинарные рецепты.

– О боже! Алфавитный порядок! Все еще хуже, чем я думал, – в ужасе охаю я. – Кирстен, мне она ни за что не откроет! Можешь пойти и постучаться? Тебе она откроет, и я быстренько забегу внутрь. Мне очень нужно поговорить с ней.

– Значит, ты хочешь, чтобы я подставила ее? – сжав губы, спрашивает Кирстен. – Чтобы я ей в буквальном смысле слова наврала?! – возмущается она, а я в ответ лишь пожимаю плечами и киваю. – погоди, я пальто надену.

Из кухни выходит Шерри и что-то протягивает мне. Я подставляю ладонь, она кладет туда что-то маленькое и зажимает мои пальцы в кулак.

– На случай, если все пройдет не так, как ты надеешься. Запей водой. Выглядишь ты паршиво. – Заметив мой испуганный взгляд, она смеется. – Не беспокойся, я сама их сделала. Ничего противозаконного.

* * *

Стратегического плана у меня нет. Вжавшись в стену дома Лейк, я жду. Сердце выпрыгивает из груди, как будто я грабитель, первый раз отправившийся на дело. Кирстен стучится, и дверь открывается. Я делаю глубокий вдох, Кирстен отходит в сторону, и я врываюсь в дом, прежде чем Лейк успеваает сообразить, что происходит.

– Выметайся отсюда, Уилл! – кричит она, держа дверь нараспашку и показывая пальцем во двор.

– Никуда я не пойду, пока ты со мной не поговоришь, – упираюсь я, пятясь в дальний угол гостиной.

– Убирайся! Вон из моего дома! Вон!!!

Я делаю то, что сделал бы на моем месте любой вменяемый представитель мужского пола: бросаюсь бегом по коридору и запираюсь в ее спальне. Стратегического плана как не было, так и нет. Как с ней говорить, если я заперся у нее в спальне? По крайней мере, она не сможет выставить меня за дверь. Если надо, я и весь день могу тут просидеть.

Я слышу, как Лейкен приближается к двери с другой стороны. Наверное, сейчас что-нибудь скажет или накричит на меня... Но нет... она просто уходит.

«И что теперь?! Если я открою дверь, она постарается выставить меня снова. Ну почему я не продумал все заранее?! Вот идиот! Полный идиот! Думай, Уилл, думай!»

Снова слышатся шаги, Лейкен останавливается у двери и совершенно спокойно говорит:

– Открывай, Уилл. Поговорим.

Неужели мой идиотский план сработал? Я осторожно приоткрываю дверь, а когда, успокоившись, распахиваю ее настежь, на меня обрушивается поток холодной воды: Лейк выплескивает мне в лицо целый кувшин.

– Ой, Уилл! Ты немножко промок! Иди-ка домой переоденься, а то простудишься и заболеешь, – спокойно говорит она и уходит.

Я и правда идиот: конечно, она не сдастся так легко! С жалким видом я прохожу по коридору, выхожу на улицу и бреду домой. Холодно. Хоть бы теплой водой облила, что ли... Дома я сразу раздеваюсь и под душ, на этот раз под горячий.

* * *

Душ не помог – все равно чувствую себя отвратительно. Пять чашек

кофе после бессонной ночи, к тому же на голодный желудок – не самое удачное начало дня. Сейчас уже почти два. Интересно, чем сейчас занимались бы мы с Лейк, не поведи я себя как последний идиот? Господи, ну кого я пытаюсь обмануть?! Ясно чем! За последние двадцать четыре часа мой мозг работает с таким напряжением, что голова болит. Я поднимаю с пола брюки, достаю из кармана то, что дала мне Шерри, иду в кухню, запиваю снадобье стаканом воды и без сил падаю на диван.

* * *

Просыпаюсь я уже затемно, причем даже не могу вспомнить, как ложился. Привстав, обнаруживаю на журнальном столике записку, быстро хватаю ее и разворачиваю. Сердце в груди падает: нет, она не от Лейк...

Уилл!

Хотела предупредить, что после этой таблетки нельзя за руль... но вижу, что ты ее уже выпил. Слава богу, все в порядке.

Шерри

P. S. Говорила сегодня с Лейкен. Тебе и правда стоит попросить у нее прощения. Ты повел себя как подонок. Если понадобятся еще лекарства, заходи.

Бросаю записку на столик. Неужели обязательно было смайлик в конце добавлять? Желудок сводит от боли. Поморщившись, я пытаюсь вспомнить, когда ел в последний раз, но не могу. Открываю холодильник – а там базанья! Да уж, как нельзя кстати... Я отрезаю кусок, кладу на тарелку и запикиваю в микроволновку. Наливаю стакан лимонада...

И тут дверь распаивается.

Она входит в комнату и направляется прямым ходом к стеллажу. Я мгновенно выскакиваю в гостиную. Лейк даже не смотрит в мою сторону. Вместо того чтобы взять одну звездочку, она снимает с полки всю вазу.

Э, нет, вазу я ей не отдам. Если она ее унесет, то у нее не будет повода зайти еще раз. Я пытаюсь забрать вазу, но у Лейк крепкая хватка. Мы молча дергаем вазу туда-сюда. Я настроен решительно и ни за что не хочу ее отдавать. Наконец Лейк отпускает руки и сердито смотрит на меня:

– Уилл, отдай немедленно! Это подарок моей мамы, и я хочу забрать его домой!

Прижимая вазу к груди, я ухожу в кухню. Лейк идет следом. Я ставлю вазу в угол и загораживаю ее, так чтобы Лейк не могла до нее дотянуться.

– Твоя мама подарила ее нам обоим. Я же тебя знаю, Лейк. Если ты

заберешь вазу домой, то сегодня же вечером откроешь все звездочки! Будешь сидеть и читать советы всю ночь, так же как в свое время тыквы вырезала.

– Перестань! – орет она, взмахивая руками. – Пожалуйста! Я больше не вырезаю тыквы!

– Ты серьезно? Да ты только этим и занимаешься, Лейк! Прошли уже сутки, а ты не хочешь даже меня выслушать!

Она сжимает кулачки и топает ногами в бессильной ярости, как будто лихорадочно ищет, по чему или по кому бы врезать. Господи, какая она красивая!

– Перестань на меня так смотреть! – кричит она.

– Как – «так»?

– Ты снова так на меня смотришь! Перестань!

Я совершенно не понимаю, о чем она, но послушно отвожу взгляд – не хватает еще, чтобы она совсем на меня разозлилась...

– Ты сегодня что-нибудь ела? – спрашиваю я, доставая тарелку из микроволновки.

Лейк не отвечает и молча стоит посреди кухни, скрестив руки на груди. Я достаю из холодильника лоток с базаньей и отгибаю краешек фольги.

– Базанья? Надо же, как кстати! – хмыкает она.

Да, я надеялся, что разговор у нас выйдет несколько другим, но она хотя бы говорит со мной. Я отрезаю кусочек базаньи и ставлю разогреваться. Мы молчим. Лейк смотрит в пол, я – на микроволновку. Когда все готово, я переносу наши тарелки на барную стойку и наливаю еще один стакан лимонада. Мы садимся и молча начинаем есть. Ощущение отвратительное.

Потом я убираю со стола и сажусь напротив Лейк, чтобы видеть ее лицо. Я жду, что она заговорит первой, но она кладет локти на стойку, разглядывает ногти, делая вид, что ее крайне интересует состояние маникюра, а потом спокойно и бесстрастно произносит, даже не глядя на меня:

– Ну, говори, что хотел.

Я наклоняюсь и пытаюсь взять Лейк за руку, но она отстраняется. Мне не нравится, что нас разделяет стойка бара, поэтому я встаю и иду в гостиную.

– Присядь, пожалуйста, – прошу я.

Она садится на диван, но в противоположный угол. Нервно потирая лицо руками, я пытаюсь понять, как же мне сделать так, чтобы она меня простила.

– Лейк, я люблю тебя, – начинаю я, поворачиваясь к ней. – Меньше всего на свете я хотел бы причинить тебе боль, и ты это прекрасно знаешь!

– Что ж, поздравляю! Тебе удалось сделать то, чего ты хотел меньше всего на свете!

Я откидываюсь на спинку дивана. Похоже, будет тяжелее, чем я думал. Лейк – крепкий орешек.

– Прости, что не сказал тебе, что мы с ней попали в одну группу. Я просто не хотел, чтобы ты волновалась.

– О чем волновалась, Уилл? Почему я должна волноваться из-за того, что вы в одной группе? У меня есть основания? Ты же говоришь, что мне не о чем волноваться!

«Господи! Либо я полный идиот и несу полную чушь, либо Лейк поворачивает все так, что я оказываюсь виноватым! Если я когда-нибудь получу ее прощение, то я подскажу ей, какую специализацию избрать: она должна стать юристом.

– Лейк, у меня уже давно не осталось к Возн никаких чувств. На следующей неделе я собирался тебе рассказать, что мы в одной группе, просто не хотел заводить об этом разговор до нашего отъезда.

– Ах, значит, ты хотел сначала уложить меня в постель, а потом уже расстроить?! Отличный план! – саркастически усмехаясь, парирует она.

Я хлопаю себя по лбу и в изнеможении закрываю глаза: да, эта девчонка способна выиграть даже самое провальное дело!

– Уилл, ну ты сам подумай, поставь себя на мое место! Допустим, у меня был секс с одним парнем, задолго до того, как мы познакомились. И вот, когда мы с тобой наконец-то собираемся заняться любовью, ты заходишь ко мне в спальню, а там этот парень и я с ним обнимаюсь. Потом ты видишь, что я целую его в шею, а ты больше всего на свете любишь, когда я целую тебя в шею. Затем ты узнаешь, что уже несколько недель я встречаюсь с этим парнем практически через день, но тебе об этом ничего не сказала. Как бы ты поступил? А? – Она уже не разглядывает свои ногти, а смотрит на меня в упор в ожидании ответа.

– Ну, для начала, – отвечаю я, – дал бы тебе возможность все объяснить, не перебивая каждые пять секунд.

Лейк вскакивает с дивана и решительно направляется к выходу. Я хватаю ее за руку и тяну к себе, она падает на диван рядом со мной, я обнимаю и прижимаю ее к груди. Я не должен ее отпускать. Не могу отпустить. Ни за что!

– Лейк, прошу, дай мне шанс все тебе рассказать! Пожалуйста, не уходи!

Она уже не сопротивляется, не пытается меня оттолкнуть, а спокойно лежит в моих объятиях и молчит.

– Я даже не знал, в курсе ли ты насчет Воэн. Ты же сама терпеть не можешь воспоминания о прежних отношениях. Вот я и решил, что лучше на эту тему не заговаривать. Наша с ней случайная встреча меня совершенно не тронула, и я не хотел попусту тебя волновать, – торопливо объясняю я, глядя ее по голове.

– Я так хочу верить тебе, Уилл! – вздыхая, со слезами в голосе произносит она. – Очень хочу! Но как же она оказалась в твоём доме вчера вечером? Если у тебя не осталось к ней никаких чувств, зачем ты с ней обнимался?

– Лейк, милая, – оправдываюсь я, целуя ее в макушку, – я попросил ее уйти. Она заплакала, поэтому я обнял ее.

– Она плакала? – в ужасе смотрит на меня Лейк. – Почему? Уилл, она что, до сих пор тебя любит?

И что мне прикажете на это ответить, чтобы снова не оказаться последней сволочью? Что бы я ни ответил, все будет не в мою пользу.

Лейк отодвигается от меня так, чтобы смотреть мне прямо в глаза.

– Уилл, не я, а ты настаивал на этом разговоре. Тогда рассказывай все! Я должна знать, зачем она сюда приходила, что она делала в твоей комнате, почему ты ее обнимал и почему она плакала. Рассказывай все! – выпаливает она, отдергивая руку, когда я пытаюсь погладить ее пальцы. – Говори!

Я быстренько соображаю, с чего начать. Делаю глубокий вдох, медленно выдыхаю и готовлюсь к тому, что меня перебьют еще раз сто, не меньше.

– Позавчера она написала мне записку, спросила, можно ли ей со мной поговорить, а вчера взяла и заявила ко мне домой. Я бы ее дальше порога не пустил, Лейк! Когда она пришла, я был у себя в комнате, – честно рассказываю я, глядя Лейк в глаза. – Бабушка хотела, чтобы она осталась на ужин, но я был категорически против и позвал Воэн в свою комнату, чтобы поговорить. Я собирался просто попросить ее уйти. Она расплакалась, сказала, что ее до сих пор мучает совесть из-за того, что она ушла от меня. Сказала, что знает про тебя, про наших родителей, про то, что мы воспитываем братьев. Потом сообщила, что «ради тебя» я должен разобраться в своих чувствах и понять, не встречаюсь ли я с тобой из чувства жалости. Она просила дать ей еще один шанс, чтобы таким образом проверить, истинны ли мои чувства к тебе. Я отказался, Лейк, заявил, что люблю только тебя, и попросил ее уйти, но она снова начала

плакать, поэтому я ее обнял. Почувствовал себя последней сволочью и обнял, вот и все!

Я жду от нее хоть какой-то реакции. Но Лейк уставилась на свои колени, и мне не видно выражения ее лица.

– А зачем ты поцеловал ее в лоб? – немного помолчав, тихо спрашивает она.

– Не знаю, Лейк, – вздыхаю я, нежно поглаживая ее по щеке и внимательно глядя в глаза. – Пойми, мы с ней встречались больше двух лет. Есть некоторые вещи, которые со временем становятся просто привычкой. Этот поцелуй ничего не значил, я лишь пытался ее утешить...

Лейк опирается спиной о подлокотник дивана и долго смотрит в потолок. Я даю ей время подумать. Впрочем, ничего другого мне не остается. Я молча разглядываю ее... Как же мне хочется лечь с ней рядом и обнять ее! Ужасно, что я не могу это сделать...

– Как ты думаешь, она может быть права? – спрашивает она, не сводя глаз с потолка.

– Права насчет чего? Что она любит меня? Может быть, я не знаю... Какая разница? Это все равно ничего не меняет.

– Нет, я не об этом. То, что она хочет с тобой встречаться, и так понятно: она об этом напрямую сказала. Я имела в виду, может ли она оказаться права насчет нас... Ну, что ты встречаешься со мной из-за того, что просто так сложились обстоятельства? Потому что тебе меня жаль?

– Лейк, даже не думай! – кричу я, резко подаваясь вперед и буквально падая на нее всем телом. – Не смей даже думать об этом!

Она крепко зажмуривается, по щекам текут слезы. Я осушаю их поцелуями: целую ее щеки, ее слезы, ее глаза, ее губы... Я хочу уверить ее в своей любви, в том, что по-другому никогда не будет.

– Перестань, Уилл! – устало просит она.

В ее голосе все еще слышатся слезы, а по лицу я вижу, что она сомневается во мне.

– О нет, малыш! Пожалуйста, не надо так думать! Пожалуйста! – Я прижимаюсь лицом к ямочке между ее плечом и шеей. – Я люблю тебя, потому что ты – это ты!

Впервые в жизни мне так сильно хочется, чтобы человек мне поверил. Она сопротивляется, отталкивает меня, но я лишь прижимаю ее к себе еще сильнее.

– Лейк, перестань! Пожалуйста, не уходи! – умоляю я ее дрожащим голосом.

Никогда в жизни я еще так не боялся кого-то потерять! Напрочь

лишившись самообладания, я плачу.

– Уилл, ты что, не понимаешь? Как ты можешь быть уверен? Откуда тебе знать на самом деле? Сейчас ты не смог бы бросить меня, даже если бы захотел, – ты слишком хороший и никогда бы так со мной не поступил! Откуда мне знать, стал бы ты со мной встречаться в другой ситуации? Ты уверен, что вообще полюбил бы меня, если бы наши родители были живы и нам не надо было бы воспитывать Кела и Колдера?

– Хватит! – Я зажимаю ей рот. – Лейк, перестань! Прошу тебя!

Она прикрывает глаза, и слезы с удвоенной силой текут по ее щекам. Я снова осушаю их поцелуями. Положив ладонь ей на затылок, я покрываю поцелуями ее щеки, лоб и губы с таким отчаянием, какого не чувствовал никогда раньше. Она обнимает меня за шею и целует в ответ.

Она целует меня!

Мы оба плачем, отчаянно пытаюсь ухватиться за последние капли оставшегося в нас здравого смысла. Не переставая целовать, она слегка отталкивает меня, чтобы я сел на диван, потом забирается ко мне на колени и гладит меня по лицу. На долю секунды мы перестаем целоваться и смотрим друг на друга, а затем начинаем вытирать друг другу слезы. В ее взгляде сквозит боль, но она зажмуривается и подставляет мне губы для поцелуя. Я так крепко прижимаю ее к себе, что у нас обоих перехватывает дыхание. Задыхаясь, мы пытаемся найти некий общий ритм в этой безумной битве. Еще никогда я не хотел ее так сильно! Она тянет меня за рубашку, и я наклоняюсь, чтобы помочь ей стянуть ее с меня. На секунду оторвавшись от моих губ, она через голову снимает футболку и бросает на пол. Я обнимаю ее, гладя по голой спине, и крепко прижимаю к себе.

– Лейк, я так тебя люблю! Прости меня, пожалуйста! Я тебя очень люблю!

– Уилл, я хочу, чтобы ты занялся со мной любовью, – вдруг произносит она, глядя мне в глаза.

Не выпуская Лейк из объятий, я встаю с дивана. Она обнимает меня за шею и охватывает ногами талию. Так мы добираемся до спальни и падаем на кровать. Нащупав пуговицу на моих джинсах, она расстегивает их, а я медленно целую ее в шею. Даже не верится, что все это происходит на самом деле, но у меня нет времени на сомнения. Пальцы сами скользят под бретельки бюстгалтера, я целую ее грудь, а Лейк сражается с пуговицей на своих джинсах. Немного приподнимаюсь, чтобы помочь ей, и мы вместе снимаем с нее джинсы и бросаем их на пол рядом с кроватью. Она ложится головой на подушку, я вытаскиваю из-под нее одеяло, накрываю ее своим телом, а сверху натягиваю одеяло. На долю секунды наши взгляды

встречаются, и я вдруг вижу застывшую в ее глазах муку. По щекам Лейк текут слезы. Она пытается снять с меня джинсы, но я отвожу ее руки в сторону – я же вижу, что ей больно! Не могу позволить ей сделать это, ведь она мне сейчас не доверяет.

– Лейк, я так не могу, – задыхаясь, шепчу я. – Это неправильно. Ты расстроена. Я не хочу, чтобы твой первый раз был вот таким.

Она ничего не отвечает, просто молча продолжает плакать. Мы лежим рядом несколько минут, не говоря ни слова. Я пытаюсь взять ее за руку, но она отдергивает ладошку, встает с кровати, поднимает с пола джинсы и выходит в гостиную. Я иду за ней следом и смотрю, как она, прерывисто дыша в попытках не разреветься, надевает футболку и джинсы.

– Ты уходишь? – осторожно спрашиваю я. – Не хочу, чтобы ты уходила. Побудь со мной еще немного!

Она не отвечает. Идет к двери, обувается, надевает куртку. Я подхожу к ней и пытаюсь обнять:

– Ты же не злишься на меня за это? Лейк, ты плохо понимаешь, что делаешь! Если мы займемся с тобой любовью сейчас, пока ты на меня еще злишься, то уже завтра ты пожалеешь об этом и будешь злиться не только на меня, но и на себя. Понимаешь?

– Уилл, ты же занимался с ней сексом. – Она отходит от меня подальше и вытирает слезы. – Как я могу не думать об этом? Как я могу не думать о том, что с ней ты занимался любовью, а со мной не хочешь? Ты не представляешь себе, что значит быть отвергнутой. Отвратительное чувство! Из-за тебя я чувствую себя отвратительно!

– Лейк, это полный бред. Я не собираюсь заниматься с тобой любовью в первый раз, когда ты рыдаешь. Если мы сделаем это сейчас, то оба будем и правда чувствовать себя отвратительно.

Она трет руками глаза и смотрит в пол, стараясь не разрыдаться. Мы стоим посреди гостиной и не понимаем, что будет дальше. Я сказал все, что мог, и теперь мне нужно, чтобы она поверила мне, поэтому я даю ей время подумать.

– Уилл, – наконец произносит она, поднимая на меня глаза с таким видом, как будто ей больно на меня даже смотреть. – Я не уверена, что смогу...

От обращенного на меня взгляда Лейк у меня в буквальном смысле этого слова чуть сердце не останавливается. Мне знаком этот взгляд: так девушка смотрит на тебя перед тем, как сообщить, что собирается уйти.

– В общем... Я не уверена, что смогу быть с тобой. Я пытаюсь, но не знаю, как забыть обо всем этом... Откуда мне знать, чего ты хочешь на

самом деле? Откуда тебе самому знать, чего ты хочешь на самом деле? Тебе нужно подумать, Уилл. Нам обоим нужно хорошенько над этим подумать. Мы все должны ставить под сомнение.

Я молчу. Не могу найти нужные слова. Что бы я ни сказал, все оборачивается против меня.

– Я пойду домой, – успокоившись, говорит Лейк. – Пожалуйста, отпусти меня. Просто отпусти меня. Ладно?

Ее спокойный голос, решительность и невозмутимость в глазах разрывают мне сердце. Она поворачивается, чтобы уйти, мне не остается ничего другого, кроме как отпустить ее. И я ее отпускаю!

* * *

В течение часа я пинаю все, что подвернется под руку, точнее под ногу, чищу и мою все, что можно отчистить и отмыть, и громко ругаюсь, вспоминая все известные мне ругательства... А потом иду к Шерри. Она смотрит на меня, не говоря ни слова, уходит и возвращается с чем-то зажатым в кулаке. Я протягиваю ладонь, она дает мне таблетки и смотрит на меня с искренним сожалением. Ненавижу, когда меня жалеют!

Вернувшись домой, я глотаю таблетки и падаю на диван. У меня осталось только одно желание: поскорее забыть обо всем.

* * *

– Уилл! – произносит чей-то голос.

Я пытаюсь открыть глаза и понять, кто это. Пытаюсь пошевелиться, но тело совершенно не слушается, словно его закатали в асфальт.

– Чувак, просыпайся!

Просыпайся?! Да я вообще никакой! С трудом привстаю на диване, протираю глаза и стараюсь приоткрыть их, готовясь сощуриться от яркого солнечного света... Но оказывается, что за окном темно. Я оглядываюсь по сторонам: в кресле напротив сидит Гевин.

– А сколько сейчас времени? И какой день недели? – спрашиваю я.

– Пока что все еще суббота. Где-то около десяти вечера. Сколько же ты в отрубке?

Его вопрос заставляет меня задуматься: мы с Лейк ели базанью около семи. Около восьми я ее отпустил. Я ее отпустил! Я молча ложусь обратно на диван, вспоминая то, что происходило в этой комнате два часа назад.

– Хочешь поговорить об этом? – спрашивает Гевин, но я отрицательно мотаю головой: никакого желания. – Эдди сейчас у Лейкен. Она, кажется, очень расстроена. Мне было неловко там оставаться, поэтому я подумал,

что могу пока посидеть у тебя. Но если желаешь побыть один, ты скажи.

– Да нет... Если хочешь есть, в холодильнике стоит базанья.

– Не откажусь. Хочешь чего-нибудь попить? – спрашивает Гевин, направляясь в кухню.

О да! Точнее, выпить. Потирая лоб, я бреду в кухню – голова просто раскалывается. Отодвигаю в сторону стоящие на холодильнике коробки с хлопьями, достаю из бара бутылку текилы и наливаю себе рюмку.

– Э-э-э, я, вообще-то, имел в виду лимонад или минералку! – удивленно восклицает Гевин, глядя, как я залпом заглатываю текилу.

– Отличная идея! – отзываюсь я, достаю из холодильника бутылку с тоником и мешаю с ним текилу в стакане побольше. Не самое удачное сочетание для коктейля, но и так сойдет.

– Уилл?! Я тебя таким еще не видел... Ты уверен, что все в порядке?

Запрокинув голову, я допиваю «коктейль» и ставлю стакан в раковину. Не хочу отвечать на этот вопрос: скажу «все в порядке», он сразу поймет, что я вру, скажу «нет, не в порядке» – спросит, что случилось. Поэтому я просто сажусь рядом и молча смотрю, как он ест базанью.

– Мы с Эдди хотели поговорить с тобой и Лейкен. Но, судя по всему, сейчас не самый подходящий момент... – Гевин замолкает, сосредоточенно ковыряя вилкой базанью.

– О чем поговорить?

Он вытирает рот салфеткой и вздыхает. Вилка в опущенной правой руке зажата так крепко, что белеют костяшки пальцев.

– Эдди беременна, – выдавливают он наконец.

Ушам своим не верю! Голова раскалывается. Из-за таблеток Шерри в сочетании с текилой в глазах двоится.

– Беременна? Как это?! Это точно?!

– Точнее не бывает, чувак!

– Вот дерьмо!

Я встаю из-за стола, беру текилу и наливаю еще одну рюмку. Спаивание несовершеннолетних не входит в число моих занятий, но иногда я готов поступиться своими принципами. Гевину дважды предлагать не приходится: он залпом выпивает текилу и ставит рюмку на стол.

– И что вы решили? – спрашиваю я.

Он идет в гостиную и садится на третий диван. Когда это я успел обзавестись третьим диваном? Забрав со стойки бутылку с текилой, я тоже иду в гостиную, на ходу протирая глаза. На секунду зажмуриваю их, открываю снова: дивана всего два! На всякий случай быстренько сажусь...

пока не упал.

– Ничего мы не решили. Эдди хочет оставить ребенка. А мне ужасно страшно, Уилл... Нам же по девятнадцать лет. Мы к этому вообще не готовы.

К сожалению, я прекрасно знаю, что значит внезапно обзавестись ребенком в девятнадцать лет...

– Но ты сам хочешь его оставить? – спрашиваю я.

Глава 8

Воскресенье, 22 января

...Я думаю. Наверное, сейчас еще вечер субботы. Да какая разница! Какая, к дьяволу, разница?!

Лейк... Лейк, Лейк, Лейк, Лейк. Я бы горы свернул, а потом выпил бы еще рюмку. Я так тебя люблю! Да, наверное, выпью еще текилы... И еще мне нужен колокольчик. Я тебя люблю, прости меня, пожалуйста! Нет, я не хочу пить! Но я же не хочу есть, я хочу пить. Но я больше никогда не буду пить чизбургеры! Боже, как я тебя люблю!

Эдди беременна. Гевин в панике. Я отпустил Лейк. Больше про вчерашний вечер я ничего не помню.

За окном противно сияет солнце. Вылезаю из-под одеяла и иду в туалет. Кое-как доползаю до двери, но она заперта. Какого черта кто-то заперся у меня в туалете?! Стучусь в дверь – ощущение ужасно странное: стучаться в собственный туалет, когда, кроме меня, в доме никого не должно быть!

– Секундочку! – раздается чей-то бодрый голос. Мужской голос. Это не Гевин. Что, черт побери, тут происходит?! Я заглядываю в гостиную: на диване лежат одеяло и подушка. У входной двери стоят ботинки, а рядом с ними – чемодан. Я пораженно чешу затылок и резко поворачиваюсь на звук открывающейся двери туалета.

– Рис?!

– Доброе утро!

– Ты что тут делаешь?

– Ты что, издеваешься? – смущенно взглянув на меня, спрашивает он и садится на диван.

Почему сразу издеваюсь? Мы с ним больше года не виделись, с какой стати мне над ним издеваться?

– Вовсе нет! Что ты тут делаешь? Ты когда пришел?

– Уилл, ты вообще ничего не помнишь? – в шоке переспрашивает Рис.

Я сажусь и пытаюсь напрячь мозг. Так, Эдди беременна... Гевин в панике... Я отпустил Лейк. Все. На этом мысли заканчиваются... По моему растерянному выражению лица Рис понимает, что ему придется напомнить мне, что случилось.

– Я вернулся в прошлую пятницу – мама выставила меня из дома. Вчера мне нужно было где-нибудь переночевать, и ты сказал, что можно

остаться у тебя. Ты правда ничего не помнишь?

– Прости, Рис, не помню, – сокрушенно качаю я головой.

– Ничего себе, чувак! – смеется он. – Это ж сколько надо было выпить!

Мысленно подсчитываю рюмки с текилой, вспоминаю про таблетки, которые дала мне Шерри...

– Думаю, дело не в алкоголе...

– Слушай, если я мешаю, то уйду... – внезапно засуетившись, выпаливает Рис.

– Да нет, что ты! Просто я и правда ничего не помню... Первый раз у меня такой провал в памяти.

– Ну да, когда я пришел, ты лыка не вязал... все время говорил что-то про какие-то звезды и про озеро. Я решил, что ты таблеток нажрался. Но ты ж не употребляешь, правда?

– Да не употребляю я никаких таблеток, – смеюсь я. – Просто это самые отстойные выходные в моей жизни... Хуже мне еще не было. Нет, не хочу даже говорить об этом!

– Ну-у-у... Если ты и правда ничего не помнишь про вчерашний вечер... Ты мне сказал, что я могу у тебя пожить месяц-другой. Не помнишь? – приподняв бровь, спрашивает Рис.

Вот поэтому я не люблю много пить: вечно соглашаюсь на то, на что в жизни бы не согласился на трезвую голову... Никакого предложения отказать ему мне не придумать: гостевая спальня у нас в доме есть, он почти что жил у нас, когда мы учились в школе. Мы не виделись со времени его последнего приезда в отпуск из армии, но я все равно считаю его своим лучшим другом.

– Живи сколько нужно. Но я сейчас не самая приятная компания. Тяжелая выдалась неделя.

– Да я уже понял...

Рис берет чемодан, ботинки и идет по коридору в сторону гостевой спальни. Я подхожу к окну и смотрю на дом Лейк. Машины нет. Куда это она уехала? Обычно по воскресеньям она сидит дома и смотрит кино, поедая попкорн, чипсы и прочую гадость.

– Слышь, у тебя в холодильникемышь повесилась, – раздается голос вернувшегося Риса. – Жрать хочется ужасно. Что купить?

– Да у меня абсолютно нет аппетита, так что покупай что хочешь. Может, попозже и сам съезжу. Завтра Колдер возвращается, так что все равно надо в магазин.

– А где этот проказник?

– В Детройте.

Рис обувается, натягивает куртку и выходит из дома. Я иду в кухню варить кофе, но на столе уже стоит дымящийся кофейник. Что ж, во всем есть свои плюсы...

* * *

Едва я выхожу из душа, как хлопает входная дверь. Это либо Рис, либо Лейк! Я быстро натягиваю штаны и выбегаю в коридор. Так и есть: она уже направляется к двери с вазой в руках и, заметив меня, прибавляет шаг.

– Черт побери, Лейк! – кричу я, бросаясь ей наперерез и загораживая выход. – Не смей! А то я ее вообще от тебя спрячу!

– Ты вообще права не имеешь держать ее у себя, Уилл! – пытаюсь обойти меня, кричит она. – Ты лишь ищешь повод, чтобы я к тебе заходила!

Она права, совершенно права, но мне наплевать.

– Неправда! Просто я тебе не доверяю: если ты ее заберешь, то откроешь все сразу!

– Кстати, насчет доверия! Ты сюда ничего по тихой не подкладываешь?! Чтобы я прочитала, растрогалась и простила тебя? – сердито глядя на меня, спрашивает она.

Наверное, мама дает ей крайне разумные советы, раз она решила, что я мухлюю!

– Может быть, тебе стоит прислушаться к тому, что думает твоя мама, Лейк? – смеюсь я.

Она упрямо пытается протиснуться мимо меня, поэтому я вырываю вазу у нее из рук, но Лейк дергает ее к себе с неожиданной силой, ваза падает на ковер, и из нее высыпается несколько десятков крошечных звездочек. Лейк плюхается на колени и лихорадочно начинает собирать их. Только вот складывать их ей некуда – на брюках нет карманов. Тогда она решительно оттягивает воротник рубашки и засыпает звездочки прямо туда.

– Лейк, перестань! – кричу я, хватая ее за запястья. – Ты ведешь себя как десятилетний ребенок!

Я поднимаю вазу и лихорадочно собираю в нее звездочки. Лейк тем временем упорно набивает их за пазуху, и мне не остается ничего, кроме как залезть к ней под рубашку и вытаскивать их оттуда. Она бьет меня по рукам и пытается отползти подальше. Я хватаюсь за край рубашки, Лейк не останавливается, и в конце концов рубашка соскальзывает через голову и остается у меня в руках. Лейк быстро подбирает с пола еще несколько штук и бежит к двери, прижимая звездочки к лифчику.

– Лейк, ты не выйдешь на улицу в таком виде! – кричу я, но спорить с ней бесполезно.

– Еще как выйду! – кричит она в ответ.

Бросившись к ней, я хватаю ее за талию и оттаскиваю от двери, собираясь толкнуть на диван, но тут распахивается дверь и в дом входит Рис с набитыми едой пакетами. Он замирает в холле и смотрит на нас широко открытыми глазами.

Лейк пытается вырваться у меня из рук, совершенно не обращая внимания на то, что какой-то незнакомый человек наблюдает за ее истерикой. Я же не могу думать ни о чем, кроме того, что другой парень видит ее в одном лифчике! Приподняв ее повыше, я все-таки кладу ее на диван, но она тут же вскакивает и пытается прорваться мимо меня к выходу, однако наконец-то замечает стоящего в дверях Риса и кричит, шлепая меня по рукам:

– А ты еще кто такой?

– Э-э-э, меня зовут Рис... я тут как бы живу... – неуверенно отвечает он.

Лейк перестает драться и со смущенным видом складывает руки на груди, пытаясь скрыть наготу. Пользуясь случаем, я выхватываю у нее большую часть звездочек и кидаю их в вазу, а потом поднимаю с пола рубашку и протягиваю ей:

– Оденься!

– Черт! – произносит она сквозь зубы, натягивая рубашку на левую сторону и роняя остатки звездочек. – Ну и сволочь же ты, Уилл! Ты не имеешь права держать их у себя! И с каких это пор у тебя появился сосед? – спрашивает она, глядя на Риса.

Рис ошарашенно смотрит на нее, не говоря ни слова и явно не понимая, что происходит. Лейк забирает из вазы несколько звездочек и бросается к выходу. Рис едва успевает отскочить в сторону. Мы смотрим, как она бежит к дому, дважды останавливается, чтобы поднять вывалившиеся на бегу звездочки, и Лейк хлопает за собой дверь. Рис поворачивается ко мне и восхищенно произносит:

– Ого! Боевая девчонка! К тому же симпатичная.

– И к тому же моя! – осаживаю его я.

* * *

Рис занимается обедом, а я ползаю на коленях по гостиной и собираю разбросанные звездочки. Вазу решаю спрятать в буфет в кухне: если Лейк не сможет ее найти, то ей придется заговорить со мной и спросить, куда я

ее дел.

– Так что это все-таки за штуки? – спрашивает Рис.

– Подарок от ее мамы. Долгая история, – отвечаю я и тут же понимаю, что тайник чересчур ненадежный: Лейк ее тут сразу найдет. Немного подумав, я достаю вазу из-за пакетов с хлопьями и ставлю ее в бар, за бутылку текилы.

– Так эта барышня – твоя подружка?

Вопрос ставит меня в тупик, учитывая то, что между нами происходит на данный момент, но я все-таки киваю.

– Кажется, ты ей не особенно нравишься, – искоса поглядывая на меня, продолжает Рис.

– Она меня любит! Просто в данный момент я ей не нравлюсь.

– А как ее зовут? – смеясь, спрашивает Рис.

– Лейкен. Но я называю ее Лейк. – Я наливаю себе попить – на этот раз никакого алкоголя.

– Ах так вот о каком «озере» ты бубнил вчера вечером! – еще громче хохочет Рис, раскладывает пасту по тарелкам, и мы садимся за стол. – И что же ты такого натворил, что она так на тебя злится?

Я кладу вилку на стол и вздыхаю. Наверное, сейчас самое время рассказать ему последние новости за тот год, что мы не виделись. Мы с Рисом дружим с десяти лет. Правда, последние два года, с тех пор как он ушел в армию, мы практически не общались. В общем, я рассказываю ему всю историю от начала до конца: как мы с Лейк познакомились, как столкнулись в школе, как поссорились из-за Воэн и что происходило после этого... Когда я наконец умолкаю, Рис уже доедает вторую тарелку пасты. А я к своей даже не притронулся.

– Значит, ты... Значит, между тобой и Воэн действительно все кончено? – осторожно спрашивает он, помешивая пасту.

Обалдеть! Я ему столько всего рассказал, а он спрашивает меня о Воэн!

– Решительно и бесповоротно, – отвечаю я.

– Слушай, ты скажи, если тебе не понравится моя идея... – нерешительно начинает он, ерзая на стуле. – В общем... ты не против, если я приглашу ее на свидание? Если против, я к ней близко не подойду!

Ну конечно, Рис ни капельки не изменился! Из всего моего рассказа он услышал только одно: есть свободная девчонка на примете.

– Рис, мне глубоко наплевать, что будет у тебя с Воэн. Честное слово. Только пообещай, что не станешь приводить ее сюда. Это единственное, о чем я прошу. Она не должна переступить порог этого дома – договорились?

– Да не вопрос! – довольно улыбается он.

* * *

Следующие несколько часов я доделываю домашнее задание и читаю конспект, который оставила мне Возн. Переписываю все в тетрадку, а ксерокопии выкидываю: меня тошнит от одного вида ее почерка.

Я пытаюсь держать себя в руках и шпионю за Лейк всего раз в час. Не хочу, чтобы Рис решил, что я совсем свихнулся, поэтому подхожу к окну только тогда, когда он выходит из комнаты.

Я сижу за столом, занимаюсь, Рис смотрит телевизор, и тут входит Кирстен – разумеется, не постучавшись.

– А ты еще кто такой? – спрашивает она у Риса.

– А тебе еще не рано так со старшими разговаривать? – парирует он.

Кирстен закатывает глаза, проходит в кухню и садится напротив меня. Она кладет локти на стол, подпирает ладонями подбородок и смотрит, как я читаю конспект.

– Ну что, Лейк сегодня видела? – спрашиваю я, не поднимая на нее глаз.

– Ага.

– Ну и?

– Смотрит кино. Ест кучу всякой гадости.

– Что-нибудь про меня говорила?

– Знаешь что, Уилл, – скрестив руки на груди и слегка понизив голос, произносит Кирстен, – если ты хочешь, чтобы я на тебя работала, думаю, самое время обговорить размер моего честно заслуженного гонорара.

– Значит, ты согласна мне помочь? – спрашиваю у нее я.

– Значит, ты согласен мне платить? – вопросом на вопрос отвечает она.

– Думаю, мы с тобой вполне сможем договориться. Оплаты наличными не будет, но возможен бартер: могу помочь тебе с портфолио.

Кирстен бросает на меня заинтересованный взгляд:

– Продолжай.

– Знаешь, я имею довольно приличный опыт выступлений на сцене. Могу дать тебе кое-что из моих стихов... помочь тебе подготовиться к слэму.

– Ну вот что, – перебивает меня Кирстен, и я вижу, что она напряженно думает над условиями контракта, – будешь водить меня на слэм. Каждый четверг, минимум месяц. Через несколько недель у нас в школе конкурс талантов, я хочу участвовать, поэтому мне нужно как можно чаще бывать на публике.

– Целый месяц?! Не, так не пойдет. Мы с Лейк должны помириться

куда раньше. Целый месяц я не выдержу!

– Ты идиот, что ли? Да если я тебе не помогу, она тебя и через год не простит! – Кирстен встает со стула, со скрипом придвигает его к столу и направляется к выходу.

– Ладно. Будь по-твоему. Согласен.

– Отличное решение, – улыбается она. – Тогда пойду займусь делом... Хочешь, чтобы я подкинула ей какую-то конкретную идею?

Что ей ответить? Как вернуть Лейк? Что я могу сказать, чтобы она поняла, как сильно я ее люблю? О чем мне попросить Кирстен? И тут меня осеняет:

– Да! Слушай, Кирстен, попроси ее водить тебя на слэмы! Скажи, что я отказался и что решил больше никогда туда не ходить! Если придется, умоляй ее взять тебя с собой! Если я и смогу убедить ее поверить мне, то разве что со сцены!

– О, какое коварство! – восхищенно ухмыляется Кирстен. – Обожаю! – добавляет она и уходит.

– А это кто? – спрашивает Рис.

– А это моя новая лучшая подруга! – с улыбкой отвечаю я.

* * *

Если не считать нашей стычки из-за звездочек, я, по-моему, достаточно позволил Лейк побыть одной. Кирстен сообщила, что после долгих уговоров Лейк все-таки согласилась сводить ее на слэм в этот четверг. В награду моя новая лучшая подруга получила одно из моих старых стихотворений.

Уже десять вечера. Знаю, что поступаю неправильно, но просто не могу лечь спать, не попытавшись поговорить с Лейк хотя бы еще раз. Что же делать? Какое зло меньше: оставить ее в покое или упорно преследовать? Кажется, пора взять еще одну звездочку. Мне не нравится, что мы так часто открываем их, но сейчас чрезвычайная ситуация.

Выхожу в кухню и застаю там Лейк: она роется в буфете! Прохожу мимо, и она подскакивает от неожиданности. Не говоря ни слова, я достаю из бара вазу, ставлю ее на стойку и беру одну звездочку. Она смотрит на меня, ожидая, что я снова начну кричать, но я молча протягиваю ей вазу. Мы облокачиваемся на противоположные стороны стойки, открываем звездочки и читаем про себя то, что там написано.

Следуй жизненному ритму природы: ее секрет – терпение.

Ральф Уолдо Эмерсон

А я чем занимаюсь? Да терпение – моя вторая натура! Я молча жду, пока Лейк прочитает свою звездочку. Ужасно хочется подбежать к ней, обнять, поцеловать и чтобы все стало как раньше, но я решаю проявить терпение. Она хмурится, читая послание, а потом комкает бумажку, бросает ее на стойку и уходит. А я снова отпускаю ее...

Убедившись, что она ушла, я хватаю ее звездочку и разворачиваю:

Что говорит тебе сердце?
Дай ему второй шанс,
Откроется к счастью дверца!

«Братья Эйвитт»

Я бы и сам не сказал лучше, думаю я и тихо шепчу:
– Спасибо тебе, Джулия.

Глава 9

Понедельник, 23 января

Я не сдаюсь.

Ты не сдаешься.

Этот бой станет войной

Раньше, чем я смогу положить ему конец.

Я знаю, что Лейк меня сейчас не любит, но и не ненавидит. Неужели мне действительно нужно дать ей время все обдумать, как она просит? С одной стороны, хочется проявить уважение к ее желаниям, а с другой – я боюсь, что если дам задний ход, то она может решить, что, вообще-то, ей нравится быть одной. Одна мысль об этом приводит меня в ужас, поэтому, наверное, мне все-таки не стоит оставлять ее одну надолго. Знать бы, где проходит эта тонкая грань между отчаянием и смертью от удушья...

Рис сидит на кухне и пьет кофе. Он варит кофе каждое утро, что само по себе служит достаточным основанием для его пребывания в моем доме.

– Какие у тебя планы на сегодня? – спрашивает он.

– Чуть позже поеду в Детройт забирать мальчиков. Хочешь со мной?

– Не, не могу. У меня планы... В общем, планы. – Он нервно отводит взгляд и отворачивается к раковине, собираясь помыть чашку.

– Да ладно тебе, – смеюсь я, доставая из буфета свою чашку. – Чего тут скрывать? Я же тебе сказал, что мне все равно.

– Ну, все-таки это как-то странно, – пожимает плечами он, ставя вымытую чашку в сушилку. – Не хочу, чтобы ты думал, что я к ней подкатывал, пока вы встречались. Не было такого!

– Да расслабься уже, Рис, честное слово! Ничего тут странного нет. Разве что ее поведение: то она произносит целую исповедь насчет того, как она меня любит, а через пару дней бежит с тобой на свидание. Тебя самого-то это не напрягает?

– Поверь мне, Уилл, я в этом деле знаю толк, – ухмыляется он, беря со стойки бумажник и ключи. – Со мной Возн и думать о тебе забудет!

Скромностью Рис никогда не отличался. Стоит ему надеть куртку и выйти за дверь, как у меня в кармане вибрирует телефон. Я смотрю на экран, и лицо расплывается в непроизвольной улыбке: сообщение от Лейк. «Во сколько приезжает Кел? – спрашивает она. – Мне нужно забрать учебник, поэтому меня какое-то время не будет».

Текст слишком уж безличный, но я все равно перечитываю его несколько раз, пытаюсь найти в нем намек на какой-нибудь скрытый подтекст. К сожалению, попытка не удалась... Я отвечаю ей в надежде уговорить поехать вместе со мной за мальчиками: «А когда тебе надо забирать учебники? Детройт?»

Я знаю, в какой магазин она пойдет. Вряд ли мне это удастся, но я сделаю все, чтобы она поехала вместе со мной. И тут приходит ответ: «Да. Во сколько Кел будет дома?»

Лейк – крепкий орешек. Ненавижу такие односложные ответы.

«Я поеду в Детройт чуть позже. Поехали со мной. Сначала заберем твой учебник, а потом мальчиков».

Путь до Детройта неблизкий, мы успеем поговорить, и, возможно, мне удастся убедить ее, что мы должны прекратить этот бред...

«Это не очень хорошая идея. Извини».

Или не удастся... Ну зачем она так все усложняет?! Я кидаю телефон на диван и решаю больше ей не писать. Потом подхожу к окну и с тоской смотрю на ее дом. Меня бесит, что она предпочитает одиночество и не желает побыть со мной. Надо что-то делать. Она должна поехать со мной в Детройт.

* * *

Неужели я действительно это делаю?! С опаской косясь на окна Лейк, чтобы убедиться, что она не выглядывает на улицу, я перебегаю дорогу. Если она меня застукает, все пропало! Я быстро распахиваю дверь ее машины и нажимаю на рычаг, чтобы открыть капот: действовать нужно без промедления. Лучший способ обездвижить ее джип – отсоединить аккумулятор. Это, конечно, слишком просто, но она совершенно не разбирается в устройстве автомобиля, поэтому ей даже в голову не придет сюда заглянуть. Дело сделано, я бросаю еще один взгляд на ее окна, а потом пулей мчусь домой. Закрыв за собой дверь, я почти жалею о том, что сделал. Почти...

* * *

Я сижу дома и жду, когда выйдет Лейк, а потом наблюдаю, как она пытается завести машину. Ничего не получается, она раздраженно бьет кулаком по рулю и распахивает дверцу. Это мой шанс! Я хватаю сумку с вещами, выхожу во двор и как ни в чем не бывало иду к своей машине, делая вид, будто не замечаю ее. Даю задний ход, выезжаю на улицу и вижу, что Лейк склонилась над открытым капотом.

– Что такое? Не заводится? – спрашиваю я, опустив стекло.

Она раздраженно кивает. Выхожу из машины, чтобы взглянуть. Лейк молча отходит в сторону, пропуская меня к джипу. Для виду кручу в руках какие-то провода и притворяюсь, будто пытаюсь завести мотор. Все это время она тихо стоит у меня за спиной.

– Похоже, аккумулятор сдох, – бессовестно вру я. – Если хочешь, куплю тебе новый в Детройте. Или поехали со мной, заберешь свой учебник, – улыбаюсь я, надеясь, что она ничего не заподозрит.

– Да нет, спасибо, – расстроено отвечает она, переводя взгляд с меня на дом и обратно. – Попрошу Эдди. Она сегодня, кажется, свободна.

Не, так дело не пойдет! Мы так не договаривались! Спокойно, Уилл, спокойно.

– Да я же просто предлагаю тебя подвезти! Нам обоим нужно в Детройт! Зачем напрягать Эдди только из-за того, что ты не хочешь со мной разговаривать? – спрашиваю я серьезным взрослым тоном (на нее это обычно действует). – Лейк, можешь вырезать тыквы всю дорогу. Как тебе будет угодно. Давай садись.

Она хмурится, а потом достает из джипа сумочку и направляется к моей машине.

– Ладно, но это ничего не значит, – упрямо заявляет она.

Хорошо, что она идет впереди и не видит, как я поднимаю вверх кулак в победном жесте! Целый день наедине – это то, что надо!

* * *

Как только мы отъезжаем от дома, она включает «Avett Brothers», давая мне понять, что всю дорогу собирается вырезать тыквы.

Первые несколько миль до Детройта мы неловко молчим. Я хочу поговорить с ней обо всем, но не знаю, с чего начать. На обратном пути с нами будут Кел и Колдер, поэтому если я хочу что-нибудь выяснить, то это мой единственный шанс.

Немного убавляю громкость. Лейк демонстративно смотрит в окно, давая понять, что не собирается ничего выяснять. Заметив, что я убавил звук, она оборачивается, ловит мой взгляд, снова поворачивается к окну и тихо говорит:

– Уилл, не надо. Я же тебе сказала... нам нужно время. Я не хочу это обсуждать.

Боже, она просто выводит меня из себя! Я вздыхаю и сокрушенно качаю головой, признавая свое поражение:

– Ну, может, ты хотя бы сообщишь мне, как долго собираешься

вырезать тыквы? Хочется знать, сколько еще мне придется терпеть эти страдания, – резко отвечаю я, не пытаюсь скрыть раздражение.

– Так и знала, что это плохая идея, – бурчит себе под нос Лейк.

Ну вот, опять ляпнул не то, что нужно, мысленно сокрушаюсь я, покрепче сжимая руль. Логично было бы предположить, что за год я найду какой-то способ манипулировать ею в таких ситуациях, но нет: Лейк может быть просто непробиваемой! Мне приходится еще раз напомнить себе, что с самого начала меня привлекала в ней именно негибкая сила воли...

Остаток пути мы молчим, но и громкость никто из нас не прибавляет. Ощущение пренеприятнейшее: я изо всех сил пытаюсь придумать, что бы такое сказать, а она изо всех сил пытается сделать вид, как будто меня просто не существует. Мы заезжаем на парковку перед книжным магазином в Детройте, она сразу же выходит из машины и быстро скрывается внутри. Хочется думать, что она бежит из-за того, что на улице холодно, но на самом деле она пытается поскорее убежать от меня. Убежать от нас.

Пока она получает свой заказ, бабушка присылает мне сообщение, что бабушка ждет нас к ужину. Сообщение заканчивается словом «ростбиф» и хештегом перед ним.

– Отлично! – недовольно бурчу я, прекрасно понимая, что Лейк не придет в восторг от предложения поужинать у моих бабушки с дедушкой.

Едва я успеваю ответить ему, что мы скоро будем, как Лейк возвращается с учебником в руках.

– Они ждут нас к ужину. Мы ненадолго.

– Как мило, – вздыхает она. – Ладно, тогда давай сначала купим мне новый аккумулятор.

Я молча выезжаю с парковки в сторону бабушкиного дома. Лейк пару раз была у них в гостях, поэтому вскоре до нее доходит, что я и не собирался заезжать в автомагазин.

– Мы проехали минимум три магазина с аккумуляторами! – возмущается она. – Надо заехать сейчас, на обратном пути они уже закроются!

– Не нужен тебе аккумулятор, с ним все в порядке, – отвернувшись, цежу я сквозь зубы и краем глаза замечаю, что она смотрит на меня в ожидании объяснений.

Щелкнув поворотником, я сворачиваю к бабушкиному дому, паркуюсь, выключаю двигатель и говорю все как есть – какая теперь разница?!

– Я отключил твой аккумулятор, чтобы ты не уехала.

Не дожидаясь ее реакции, я выхожу из машины и, сам не понимая

почему, громко хлопаю дверцей. Я не злюсь на Лейк. Но меня бесит, что она по-прежнему во мне сомневается.

– Что?! – кричит она и выскакивает из машины.

Подняв воротник куртки, чтобы закрыться от ветра и снега, я иду к двери, Лейк бросается следом. Я уже собираюсь войти в дом, но потом вспоминаю, каково это, когда гости вваливаются без стука, и останавливаюсь на пороге.

– Я сказал, что отключил аккумулятор в твоём джипе. А как мне еще было уговорить тебя поехать со мной?

– О, это очень по-взрослому, Уилл! – восклицает она и жметя поближе к двери, чтобы укрыться от ветра.

В коридоре раздаются шаги. Лейк подходит ко мне и, кажется, хочет что-то сказать, но в последний момент отворачивается. Входная дверь распаивается, и на пороге появляется бабушка.

– Добрый вечер, Сара! – с деланой улыбкой здоровается с ней Лейк.

Бабушка обнимает ее, они входят в дом, я следом.

– Вы как раз вовремя, – говорит бабушка. – Кел и Колдер уже накрывают на стол. Уилл, снимите куртки и повесьте в сушилку, чтобы успели высохнуть.

Бабушка уходит в кухню, а я снимаю куртку и иду в кладовку, где стоит сушилка, даже не предложив Лейк взять у нее куртку. Она рассерженно топает за мной, и я невольно улыбаюсь: быть хорошим парнем как-то не очень помогает, наверное, придется научиться быть последней сволочью. Кидаю куртку в сушилку и делаю шаг в сторону, пропуская Лейк. Она засовывает туда свою куртку, с грохотом захлопывает дверцу, включает сушилку и уже собирается выйти из кладовки, но я загораживаю дверной проем. Лейк бросает на меня сердитый взгляд и пытается протиснуться мимо, но я не двигаюсь с места. Она делает шаг назад и отворачивается. Я намерен стоять здесь, пока она со мной не поговорит, – если понадобится, хоть всю ночь напролет.

Она затягивает потуже резинку на хвосте и прислоняется к сушилке, скрестив ноги. Я принимаю такую же позу у двери кладовки и пристально смотрю на Лейк. Не знаю, чего конкретно я пытаюсь от нее добиться, – наверное, чтобы она просто поговорила со мной.

Лейк стряхивает снег с плеча. На ней футболка с «Avett Brothers», которую я ей подарил после концерта, – мы были там месяц назад. Какой был чудесный вечер! Мог ли я подумать тогда, что все так обернется...

– Обвиняешь в том, что я веду себя не по-взрослому, а сама отказываешься со мной разговаривать, как пятилетний ребенок, – начинаю

я.

– Да ладно тебе, Уилл! Ты мне из кладовки выйти не даешь! И кто тут пятилетний ребенок?! – со смешком отвечает она и снова пытается проскользнуть мимо меня, но я не пускаю.

Она упирается мне в грудь, стараясь сдвинуть с места, и я с трудом удерживаюсь, чтобы не обнять ее. Мы стоим друг против друга, совсем близко, и в какой-то момент она перестает отталкивать меня, замирает в считанных сантиметрах и опускает глаза. Лейк может сколько угодно сомневаться в моих чувствах, но то, что мы по-прежнему хотим друг друга, совершенно очевидно. Я ласково беру ее за подбородок, пытаюсь заглянуть ей в глаза.

– Лейк, – шепчу я, – прости за эту выходку с машиной... Я в отчаянии и готов на все, лишь бы быть рядом с тобой. Мне так тебя не хватает!

Она отворачивается, но я мягко и настойчиво поворачиваю ее лицом к себе и заставляю смотреть мне прямо в глаза. Лейк явно хочет убрать мои руки, но я не поддаюсь. Напряжение растет с каждой секундой. Я вижу, что она отчаянно пытается меня ненавидеть, но слишком сильно любит. В ее глазах отражается вся буря чувств, она не может решить, то ли ударить меня, то ли поцеловать.

Воспользовавшись ее минутной слабостью, я медленно наклоняюсь к ней и целую в губы. Она отталкивает меня, упираясь ладонями в грудь, но не в полную силу. Я не намерен больше уважать ее потребность в личном пространстве и поэтому осторожно раздвигаю ее губы языком. Давление в грудь заметно ослабевает, ее упрямству приходит конец, и она отвечает на поцелуй.

На этот раз мы целуемся не как обычно: ни о какой точке возврата речь не идет, мы медленно наслаждаемся процессом, то и дело поглядывая друг на друга, словно сомневаемся, что все это происходит на самом деле. Мне кажется, что этот поцелуй – мой единственный шанс заставить ее выбросить из головы все сомнения, поэтому я даю волю чувствам. Сейчас она со мной, в моих объятиях, и больше всего на свете я боюсь потерять ее снова. Я делаю шаг вперед, Лейк отступает назад и оказывается прижатой к сушилке.

Примерно год назад между нами произошла похожая «сцена в кладовке». Это было на следующий день после того, как Хави полез к ней целоваться на парковке у клуба «ДЕВУТЬ». Я вышел и увидел их за его фургоном. Меня охватила ревность и такая сильная боль, какой я никогда не испытывал: впервые я полез драться, забыв о том, что он мой ученик, а я его учитель. Я должен был прекратить это во что бы то ни стало! Не знаю,

чем бы дело закончилось, не появись вовремя Гевин...

На следующий день Лейк рассказала, что произошло на самом деле, и я почувствовал себя полным идиотом: да как я мог даже предположить, что она хотела этого поцелуя?! Я же хорошо знал ее! Как я мог так плохо подумать о ней! Мне было очень тяжело убедить ее в том, что карьера для меня важнее, чем она, но я знал: тогда это было единственно верным решением. Однако в тот вечер в кладовке я поддался чувствам и чуть было не испортил отношения с самой прекрасной девушкой на свете.

Я стараюсь не думать о том, что снова могу потерять Лейк. Она гладит меня по шее, и по всему телу тут же бегут мурашки. Медленный ритм наших движений постепенно ускоряется, а когда она проводит рукой по моим волосам, я понимаю, что все пропало. Схватив ее за талию, я поднимаю ее и сажаю на сушилку. Из всех наших поцелуев этот, пожалуй, самый потрясающий! Я кладу руки ей на бедра, придвигаю вплотную к себе, и она обнимает меня ногами за талию. Мои губы касаются ямочки за ее ухом, но тут она вдруг тихонько ахает и начинает отталкивать меня.

– Кхм-кхм... – Покашливание бабушки в мгновение ока разрушает самый чудесный момент моей жизни.

Лейк тут же спрыгивает с сушилки, я делаю шаг назад. Бабушка стоит в дверях, скрестив руки на груди, и сердито смотрит на нас.

Лейк поправляет футболку и смущенно опускает глаза.

– Что ж, я рада, что вы помирились, – неодобрительно глядя на меня, произносит бабушка. – Ужин подан, если у вас, конечно, найдется минутка, чтобы присоединиться к нам, – сквозь зубы добавляет она и уходит.

– Милая, я так скучал по тебе! – выпаливаю я, пытаюсь обнять Лейк, как только бабушка скрывается из виду.

– Перестань! – отталкивает меня она. – Немедленно перестань!

– Как это «перестань»? – растерянно спрашиваю я, не ожидая такого тона. – Лейк, мы же только что целовались!

– Видимо, – отвечает она с издевкой, – у меня случилась «минутная слабость».

Да, фраза, до боли знакомая... Что ж, я получил по заслугам.

– Лейк, перестань над собой издеваться! Я знаю, что ты меня любишь!

– Уилл, – вздыхает она, словно разговаривая с несмышленным ребенком, – дело не в том, люблю я тебя или нет. Дело в том, любишь ли ты меня по-настоящему. – Она идет в столовую, оставляя меня одного в очередной кладовке.

В бешенстве я ударяю кулаком о стену. На секунду мне показалось, что я смог достучаться до нее. Не знаю, сколько я еще выдержу: она реально

выводит меня из себя.

* * *

– Потрясающий ростбиф, Сара! Вы просто обязаны дать мне рецепт! – говорит Лейк бабушке.

Беру со стола блюдо с картошкой и тихо закипаю, слушая, как Лейк легко и непринужденно обменивается любезностями с моей бабушкой. Аппетита у меня и в помине нет, но я налегаю на еду, иначе бабушка смертельно обидится. Кладу гору картошки на свою тарелку, а потом наваливаю еще больше на ростбиф Лейк. Она сидит рядом со мной и старается не подавать виду, но на самом деле с ужасом созерцает гору еды. Не знаю, ради кого она так старается выглядеть всем довольной: ради бабушки с дедушкой или из-за Кела с Колдером. А может быть, ради всех их, вместе взятых.

– Лейкен, а ты знала, что Дедопол играл в группе? – спрашивает Кел.

– Нет, не знала. Как ты его назвал?

– Дедопол! Я теперь так его называю.

– А что, мне нравится! – поддерживает его дедушка. – А можно, я буду называть тебя Внукоkel? – спрашивает он, и Кел с улыбкой кивает.

– А меня будешь называть Внуколдер? – встревает в разговор Колдер.

– А то! Разумеется, Внуколдер!

– А как называлась ваша группа, Дедопол? – интересуется Лейк.

Даже не знаю, восхищает меня или пугает то, как она держится, но мысленно делаю для себя пометку на будущее: не забывать об этом.

– Ну, вообще-то, я в нескольких играл по молодости. Увлекался гитарой, – отвечает дедушка.

– Здорово! – восторгается Лейк, отправляет в рот очередную порцию ростбифа и продолжает с набитым ртом: – Кел, кстати, давно хочет научиться играть на гитаре. Я вот думаю записать его на занятия.

– Зачем? Пусть Уилл его научит, и все тут, – возражает дедушка.

– А я и не знала, что Уилл умеет играть, – обернувшись ко мне, заявляет Лейк едва ли не обвиняющим тоном.

Как-то так вышло, что я никогда ей об этом не говорил. Не потому, что хотел скрыть, просто я давно не брал в руки инструмент – наверное, как минимум пару лет. Но она-то теперь наверняка будет думать, что это моя очередная тайна, в которую я специально не собирался ее посвящать.

– Ты ей никогда не играл? – спрашивает дедушка.

– Да у меня и гитары-то своей нет, – пожимаю плечами я.

– Как интересно выходит, Уилл! – сердито глядя на меня, с усмешкой

восклицает Лейк. – Я наверняка еще многое о тебе не знаю!

– Вообще-то, дорогая, – не моргнув глазом, отвечаю я, – должен тебя разочаровать: ты знаешь обо мне практически все!

– О нет, дорогой, – качает головой она, пристально глядя на меня и улыбаясь этой дурацкой неискренней улыбкой, которую я уже почти ненавижу. – Не думаю, что так уж много знаю о тебе! Вот, например, понятия не имела, что ты играешь на гитаре. Да и про то, что ты планируешь завести соседа по дому, тоже не знала! Судя по всему, этот Рис был важной частью твоей жизни, а ты про него никогда даже не рассказывал. Как и про некоторых других старых друзей, которые не так давно вновь появились на горизонте!

Я опускаю вилку и вытираю рот. Все смотрят на меня и ждут, что я отвечу. А я смотрю на бабушку, которая делает вид, что не понимает, что между нами происходит, и улыбаюсь. Она улыбается в ответ, ожидая моей реакции. Я решаю пойти ва-банк, поэтому обнимаю Лейк, целую ее в лоб и с деланным энтузиазмом произношу:

– Ты права, Лейкен!

Она ненавидит, когда я называю ее полным именем. Приободрившись, я продолжаю:

– Я и правда забыл рассказать тебе о паре старых друзей. Думаю, нам с тобой просто нужно больше времени проводить вместе. А как иначе мы сможем узнать друг друга по-настоящему? Правда, милая? – Я беру ее за подбородок большим и указательным пальцем и смотрю в сверкающие от гнева глаза.

– Рис вернулся? Он будет жить с нами? – спрашивает Колдер.

– Ему надо где-то перекантоваться месяц-другой, – киваю я.

– А почему он не поехал к маме? – спрашивает бабушка.

– Она вышла замуж, пока Рис был в армии. С отчимом они не сошлись характерами, поэтому Рис сейчас ищет жилье, – объясняю я.

Лейк слегка наклоняется вперед, пытаюсь сбросить мою руку с плеча, но я крепче прижимаю ее к себе, придвигаю свой стул ближе и продолжаю:

– Лейк сразу произвела впечатление на Риса. Правда, дорогая? – спрашиваю я, намекая на ее полуголую истерику в гостинной.

– О да, – с ослепительной улыбкой отвечает она, изо всех сил наступая мне на ногу под столом и сверля меня убийственным взглядом, потом швыряет салфетку на стол: – Простите, я вас покину ненадолго.

Ее гнев, похоже, замечаю только я. Как только Лейк исчезает в конце коридора, бабушка говорит:

– Кажется, ты прощен за то, что произошло на прошлой неделе.

– Ага, все отлично, – отвечаю я, набивая рот картошкой.

Лейк возвращается не скоро, садится за стол и молчит. Кел, Колдер и Дедопол обсуждают видеоигры, а мы молча доедаем ужин.

– Уилл, не поможешь мне с посудой? – просит бабушка.

Бабушка никогда не просит о такой помощи. Либо она хочет, чтобы я поменял лампочку, либо собирается прочитать мне лекцию. Я встаю из-за стола, беру наши с Лейк тарелки и выхожу из гостиной.

– Что происходит? – спрашивает она, пока я выбрасываю остатки еды в мусорный бак.

– В смысле?

– Она не выглядит счастливой, Уилл, – облокотившись на стойку, вдруг заявляет бабушка. – Я, может, и старая женщина, но в таких вещах разбираюсь. Хочешь поговорить об этом?

– Наверное, не помешало бы. – Надо же, оказывается, моя бабушка куда более наблюдательна, чем я думал! – Она злится на меня. Сомневается в моих чувствах из-за всей этой истории с Воэн. Решила, что я встречаюсь с ней просто потому, что мне жаль их с Келом.

– А почему ты с ней встречаешься на самом деле? – спрашивает бабушка.

– Потому что я ее люблю!

– Тогда докажи это, – спокойно произносит она, вытирая столешницу.

– Да я уже как только не доказывал! Я ей тысячу раз в любви признавался, но она и слушать ничего не хочет! Теперь решила, что ей надо побыть одной и подумать. Я просто в отчаянии и не знаю, как быть...

Бабушка закатывает глаза и всем своим видом демонстрирует удивление степенью моего невежества.

– Знаешь, мужчина может до посинения признаваться женщине в любви, но если в ее сердце поселилось сомнение, то слова ничего не значат. Ты должен доказать ей, что любишь ее!

– Но как? Я вот сегодня сломал ее машину, чтобы она поехала сюда со мной! Не знаю, что мне еще сделать. Начать следить за ней?!

– Отличный способ угодить в тюрьму и уж точно не вернуть сердце любимой девушки! – неодобрительно качает головой бабушка, выслушав мое жалкое признание.

– Я знаю, это было глупо... но я почти в панике и не знаю, как поступить...

– Думаю, что для начала тебе стоит задуматься и понять, за что ты ее любишь, – медленно произносит бабушка, достает из холодильника пирог, ставит его на стойку и начинает нарезать. – А потом придумать, как

донести это до нее. Но сейчас ты должен дать ей возможность побыть одной, раз ей это необходимо. Странно, что она вообще не побила тебя после спектакля, который ты устроил за ужином!

– Ну, еще не вечер...

– Она мне правда нравится, Уилл, – улыбаясь, говорит бабушка, раскладывая пирог по тарелкам и передавая их мне. – Не уппусти свой шанс! Она подходящая мама для Колдера.

– Надо же! – удивленно выпаливаю я. – А я думал, Лейк тебе не очень-то по душе!

– Знаю, что ты так думал, – спокойно отвечает бабушка, продолжая раскладывать пирог, – но Лейк мне на самом деле нравится. А вот то, как ты с ней себя ведешь, нравится гораздо меньше. Некоторые вещи должны оставаться между вами двоими. Причем желательно в спальне, а не в кладовке, – нахмурившись, добавляет она.

Я и не задумывался над тем, что слишком явно демонстрирую свою любовь к Лейк при других... Сначала мне сказала об этом сама Лейк, теперь – бабушка. Неловкая ситуация... К тому же из-за этой сцены в кладовке Лейк вряд ли поверит, что бабушка к ней хорошо относится...

– Бабуль? – обращаюсь к ней я, отламывая корочку от пирога и запихивая ее в рот, потому что вилки мне так и не дали.

– Что? – отзывается она, открывая ящик и протягивая мне вилку.

– Она, вообще-то, еще девушка...

– Уилл! – делает большие глаза бабушка. – Вообще-то, это совершенно не мое дело!

– Знаю. И говорю тебе об этом, просто чтобы ты не думала о ней плохо.

– Ты хороший мальчик, Уилл. – Бабушка протягивает мне две тарелки с пирогом и берет две оставшиеся. – Она простит тебя, просто дай ей время.

* * *

На обратном пути Лейк садится с Келом на заднее сиденье, а Колдер со мной впереди. Всю дорогу они без умолку болтают. Кел и Колдер наперебой рассказывают Лейк, чем они занимались с Дедополом. А я молчу и стараюсь не вслушиваться в их разговор, полностью сосредоточившись на дороге.

Припарковавшись возле своего дома, я провожаю Лейк и Кела. Она заходит внутрь, не сказав мне ни слова. Открываю капот ее джипа и подсоединяю аккумулятор.

Еще и десяти нет. Я ни капли не устал. Колдер уже лег спать, а Рис, наверное, где-то загулял с Воэн. Я сажусь на диван и собираюсь включить

телевизор, но тут раздаётся стук в дверь.

Кого это принесло в такое время? И кому еще до сих пор приходит в голову стучаться? Я открываю дверь и обнаруживаю на крыльце дрожащую от холода Лейк. Она кутается в куртку, теплые сапоги надеты прямо на пижамные брюки. Вид у нее смешной. И все-таки она очень красива! А главное, она, кажется, не злится на меня – хороший знак!

– Привет! – чересчур радостно говорю я, пропуская ее в дом. – За звездочкой пришла? А стучишься зачем?

Она никогда не стучится и сейчас как будто лишний раз решила подтвердить, что наши отношения и правда изменились – точно не могу сказать, как именно, но мне это однозначно не нравится.

– Можно с тобой поговорить? – спрашивает Лейк.

– Можно?! Да я мечтаю об этом!

Мы садимся на диван. Обычно она забирается с ногами, и я обнимаю ее, но сегодня она отодвигается в противоположный угол. Если я и узнал что-то новое за эту неделю, так это то, что терпеть не могу «личное пространство». Пространство – полный отстой!

Она смотрит на меня и натянуто улыбается, но улыбка выходит так себе. Как будто она изо всех сил старается не смотреть на меня с жалостью.

– Обещай, что сначала ты меня выслушаешь до конца и не станешь перебивать. Хочу поговорить с тобой как со взрослым человеком.

– Разве я когда-нибудь отказывался тебя выслушать? Кто из нас тут тыквы вырезает, скажи, пожалуйста?

– Вот видишь, ты меня уже перебиваешь. Дай мне высказаться.

Я хватаю подушку и прижимаю ее к лицу, чтобы подавить стон. С ней просто невозможно! Кладу подушку на колени, облакачиваюсь на нее, беру себя в руки и коротко говорю:

– Слушаю.

– Мне кажется, ты не совсем понимаешь, почему я так себя веду. Ты ведь не понимаешь, почему я сомневаюсь в тебе, да?

– Да. Будь добра, просвети меня!

Лейк снимает куртку, вешает ее на спинку дивана и устраивается поудобнее. Я ошибся: она пришла не затем, чтобы читать мне лекции, – это ясно по ее тону. Она действительно хочет серьезно поговорить, поэтому я решаю отнестись к этому с уважением и выслушать ее от начала до конца.

– Уилл, я знаю, что ты меня любишь. Прости, я наговорила много чуши. Я тебе верю. И тоже тебя люблю, – начинает она, но я чувствую, что это признание – лишь предисловие к чему-то другому, к чему-то, что я точно не хочу слышать. – Но когда ты рассказал мне, что сказала Воэн, я

взглянула на наши отношения по-новому. – Она садится по-турецки лицом ко мне. – Ты сам подумай: помнишь тот слэм, год назад, когда я наконец-то призналась тебе в своих чувствах? А если бы я не пришла? Если бы я не вышла на сцену и не сказала, как сильно я тебя люблю? А ты бы никогда не прочитал свое стихотворение, не перешел бы работать в другую школу, и, возможно, мы вообще не стали бы встречаться. Понимаешь теперь, почему я сомневаюсь? Такое ощущение, что ты был готов пустить все на самотек. Ты не был готов сражаться за меня, ты собирался просто дать мне уйти. На самом деле ты так и сделал – дал мне уйти.

Это правда. Но совсем не по тем причинам, о которых она говорит, и ей это прекрасно известно! Почему она вдруг засомневалась в моих чувствах сейчас? Я стараюсь проявить терпение, но внутри просто бурлят эмоции: я вне себя, я в бешенстве, я зол, я счастлив, что она здесь, я устал, ненавижу ссоры!

– Ты прекрасно знаешь, почему мне пришлось дать тебе уйти, Лейк. В тот год происходили куда более серьезные события. Ты была нужна своей маме. Она не знала, сколько ей остается. Если бы мы стали встречаться, ты бы не смогла проводить с ней максимум времени, а потом возненавидела бы себя за это. Это единственная причина, заставившая меня отпустить тебя, и ты это знаешь!

– Нет, Уилл, – качает головой Лейк, – дело не только в этом! За последние пару лет мы с тобой пережили столько горя, сколько большинству людей не выпадает и за всю жизнь. Подумай, как это повлияло на нас! Когда мы наконец-то нашли друг друга, горе соединило нас. Потом мы поняли, что не можем быть вместе, и все стало совсем ужасно. К тому же Кел и Колдер к этому времени успели подружиться. Нам приходилось постоянно общаться, и мы просто не могли забыть друг друга. В довершение всего оказалось, что у мамы рак, и мне пришлось стать опекуном ребенка, как и тебе. Такова история «наших» отношений – сплошные внешние обстоятельства. Как будто жизнь насильно сводит нас вместе.

Уважая ее просьбу, я не перебиваю ее, хотя уже готов кричать от бешенства. Не понимаю, к чему она клонит, но, по-моему, слишком напряженные размышления явно не пошли ей на пользу.

– А если бы этих внешних обстоятельств не было? – продолжает она. – Вот представь себе: твои родители живы, моя мама жива, Кел и Колдер не дружат, мы не являемся опекунами детей и не несем за них огромную ответственность, мы не обязаны помогать друг другу, ты никогда не был моим учителем, поэтому нескольких месяцев эмоциональной пытки как не

бывало. Мы с тобой просто молодая пара, без особых обязательств и без какого-либо общего жизненного опыта. А теперь скажи мне: за что ты любишь *меня*? Почему ты хочешь быть со *мною* вместе?

– Бред какой-то, – бормочу я. – На самом деле все не так. Может быть, некоторые из этих обстоятельств и повлияли на наши отношения, но что с того? Почему это так важно? Любовь есть любовь, и все тут сказано!

– Это важно, Уилл. – Лейк неожиданно придвигается ближе, берет меня за руку и смотрит мне прямо в глаза. – Важно, потому что вполне возможно, что лет через пять-десять все эти внешние факторы уйдут, и тогда мы останемся вдвоем. Больше всего на свете я боюсь, что однажды ты проснешься и поймешь, что тебе больше не за что меня любить. Кел и Колдер вырастут и уже не будут зависеть от нас. От родителей останутся лишь воспоминания. У нас обоих будет работа, и мы не будем зависеть друг от друга материально. Если твоя любовь ко мне обусловлена всеми этими факторами, ты будешь оставаться со мной исключительно из чувства долга. И, хорошо тебя зная, рискну предположить, что ты ни за что мне об этом не скажешь, потому что ты слишком хороший и не захочешь разбивать мне сердце. Я не хочу, чтобы ты пожалел, что прожил жизнь не так, как хотел.

Лейк встает и надевает куртку. Я пытаюсь протестовать, но стоит мне открыть рот, как она с серьезным видом останавливает меня:

– Не надо. Сначала подумай, а потом уже возражай. Не знаю, сколько времени тебе понадобится: дни, недели, месяцы... Я не хочу разговаривать с тобой до тех пор, пока ты не будешь точно уверен в своих чувствах ко мне. Я вправе требовать это от тебя, Уилл! Ты должен быть уверен, что, прожив вместе всю жизнь, мы когда-нибудь не пожалеем об этом.

Она уходит, тихо прикрыв за собой дверь.

Месяцы? Я не ослышался? Она правда сказала, что мне могут понадобиться месяцы?!

Нет, не ослышался...

Господи, а ведь все, что она говорит, звучит так логично. Она глубоко заблуждается, но логика в ее рассуждениях, несомненно, есть. Я понимаю, почему она во всем сомневается. Понимаю, почему задает такие вопросы.

Примерно полчаса я сижу абсолютно неподвижно. Мысли скачут, сменяя друг друга. Когда я наконец выхожу из транса, в голове остается лишь одна: бабушка права, мне нужно показать Лейк, за что я люблю ее.

Я решаю взять из вазы звездочку для вдохновения.

Жизнь – тяжелая штука. Особенно если ты дурак.

Джон Уэйн

«Как же мне не хватает Джулии и ее чувства юмора», – вздыхая, думаю я.

Глава 10

Вторник, 24 января

Сердце мужчины —

Это не сердце,

Если его не любит женщина.

Сердце женщины —

Это не сердце,

Если оно не любит мужчину.

Но иметь сердце влюбленного мужчины или женщины

Еще хуже, чем вообще не иметь сердца,

Ведь если у тебя вообще нет сердца,

Ты хотя бы не умрешь, когда оно разобьется.

Сегодня вторник, и большую часть дня я просидел за уроками, лишь незначительное время потратив на паранойю. На этот раз паранойя заключалась в безумном страхе, что кто-нибудь заметит, как я проник в дом к Лейк. Пробравшись внутрь, я быстро ищу все, что мне нужно, и смываюсь, пока народ не вернулся из школы. Надеваю сумку через плечо и наклоняюсь, чтобы спрятать ключ Лейк в цветочный горшок у входа.

– А что это ты тут делаешь? – раздается у меня за спиной чей-то голос.

Я подпрыгиваю от неожиданности и чуть не падаю с бетонного возвышения перед дверью, в последний момент успевая схватиться за перила. Передо мной, подбоченясь, стоит Шерри.

– Я... Я просто...

– Да шучу я, – смеется Шерри, подходя ко мне поближе.

– Мне нужно было кое-что из вещей забрать, – оправдываюсь я, недовольно глядя на соседку: надо же, чуть до инфаркта меня не довела! – Как дела?

– Да так, ничего нового, – отвечает Шерри. У нее в руках лопата – она, оказывается, расчистила проезд к дому Лейк. – Пытаюсь себя чем-то занять, пока муж не вернулся. У нас куча дел.

– Ты замужем? – удивленно спрашиваю я и тут же спохватываюсь: как-то неловко вышло, хотя мне ведь до сих пор не довелось с ним встречаться.

– О нет, Уилл, что ты! Мой ребенок появился на свет путем непорочного зачатия! – смеется она, глядя на мое изумленное лицо.

Я тоже смеюсь. У Шерри прекрасное чувство юмора, совсем как у моей

мамы. И у Джулии. И у Лейк. Повезло же мне: сколько вокруг меня потрясающих женщин!

– Извини, что задаю дурацкие вопросы, просто я его никогда не видел.

– Он много работает. В основном за границей. Постоянные командировки и все такое. Приезжает сегодня на две недели Я очень хочу вас познакомить.

Меня немного напрягает то, что мы стоим прямо перед дверью Лейк, а она вот-вот вернется. Я поворачиваю в сторону дома и на ходу отвечаю:

– Ну, если Кел и Кирстен когда-нибудь поженятся, то мы станем родственниками. Ты права: с будущими родственниками надо знакомиться заранее.

– Ну, это если вы с Келом с юридической точки зрения будете в других отношениях. Ты, кстати, планируешь поднять этот вопрос? – спрашивает Шерри, идя рядом со мной. Думаю, она поняла, что я хочу убраться подальше от дома Лейк, чтобы не столкнуться с ней.

– Планировал... Теперь, правда, не уверен, что мне ответят...

– Слушай, зайди ко мне на минутку, – склонив голову набок и с сочувствием глядя на меня, вздыхает Шерри. – Хочу тебе кое-что показать.

Мы заходим в дом, она жестом показывает мне на диван и спрашивает:

– Есть пара минут?

– Да сколько угодно...

Через некоторое время она возвращается с DVD-диском в руках, вставляет его в плеер, садится рядом со мной на диван и, щелкнув пультом, включает телевизор.

– А что это? – спрашиваю я.

– Крупноплановая съемка моих родов, – отвечает Шерри. Я в ужасе вскакиваю с дивана, но она закатывает глаза и смеется. – Да успокойся, Уилл, я же шучу!

– Ничего себе у тебя шуточки! – недовольно говорю я и сажусь обратно.

Она нажимает на «плей», и на экране возникает лицо очень-очень юной Шерри – здесь ей, может быть, лет девятнадцать-двадцать. Она сидит на качелях на веранде, смеется и закрывает лицо руками. Оператор тоже смеется – наверное, это ее нынешний муж. Он поднимается на веранду, садится рядом с Шерри и направляет камеру на них обоих. Шерри утирает руки от лица, кладет голову ему на плечо и, улыбаясь, говорит прямо в камеру:

– Джим, а почему ты нас снимаешь?

– Потому что я хочу, чтобы ты запомнила этот момент навсегда.

Камера снова смещается, – видимо, Джим ставит ее на стол. В следующем кадре он встает на колени перед Шерри, явно собираясь сделать ей предложение. Шерри изо всех сил старается скрыть восторг – наверное, думает, вдруг ей все только кажется и он просто шутит. Но он достает из кармана маленькую коробочку, она ахает и начинает плакать. Джим вытирает ей слезы, наклоняется и целует в губы. Потом он снова встает на колени, смахивает с лица предательскую слезинку и произносит, глядя ей прямо в глаза:

– Шерри, до встречи с тобой я вообще не знал, что такое жизнь. Я даже не догадывался о том, что значит быть живым человеком. Ты пришла в мою жизнь и разбудила мою душу. – Он говорит абсолютно спокойно, словно стараясь доказать серьезность своих намерений. – Я никогда не смогу дать тебе все, чего ты заслуживаешь, но я готов провести остаток жизни, пытаюсь сделать это! Это не предложение, Шерри, это приказ: потому что без тебя я просто жить не могу!

Шерри обнимает его за шею, и они плачут, уткнувшись в плечо друг другу.

– Я согласна, – произносит она, они начинают целоваться, Джим поворачивается и выключает камеру.

Экран телевизора гаснет.

Шерри выключает плеер и некоторое время молчит. Видно, что эти кадры до сих пор вызывают в ее душе море чувств.

– Что я тебе показала? Связь, которая была между мной и Джимом. Это настоящая любовь, Уилл. Я видела вас с Лейкен вместе. Она любит тебя именно так. По-настоящему.

Входная дверь распахивается, и в дом, отряхивая с волос снег, входит мужчина. Шерри тут же вскакивает с дивана, быстро вынимает диск из проигрывателя и убирает его в футляр.

– Привет, милый! – говорит она и делает мне знак встать. – Это Уилл, старший брат Колдера. Они наши соседи напротив.

Мужчина проходит в гостиную, я протягиваю ему руку и сразу же понимаю, почему Шерри так разволновалась: это не Джим. Кем бы он ни был, в фильме предложение делал совершенно другой мужчина.

– Дэвид, очень приятно. Много о тебе слышал.

– И я тоже, – вру я.

– Я давала Уиллу советы по поводу сердечных дел, – объясняет Шерри.

– Да ты что? – усмехается он и поворачивается ко мне: – Ты дели на два все, что она тебе говорит, Уилл. Шерри считает себя поистине гуру в этих делах. – Он целует ее в щеку.

– Что ж, она действительно неплохо в этом разбирается.

– Это правда, – соглашается он, садясь на диван. – Но одно могу тебе сказать точно: никогда не пей все эти ее самодельные таблетки... Пожалеешь.

– Я, пожалуй, пойду, – говорю я, думая, что Дэвид слегка опоздал с этим ценным советом. – Рад был познакомиться.

– Я тебя провожу, – встает с дивана Шерри.

Она выходит со мной на крыльцо и без тени улыбки произносит:

– Уилл, я хочу, чтобы ты знал: я люблю своего мужа. Но в этом мире найдется не так уж много людей, которым выпало пережить такую большую любовь, какая была у меня в прошлом... Такую любовь, как у вас с Лейкен. Не буду вдаваться в подробности, почему у нас с Джимом ничего не получилось, но поверь мне на слово... Не упusti свой шанс! Борись за нее! – дбавляет Шерри и закрывает за собой дверь.

– Именно это я и пытаюсь делать, – шепчу я.

* * *

– А можно сегодня пиццу на ужин? – не успев войти в дом, спрашивает Колдер. – Сегодня вторник, пусть Гевин привезет нам спецпредложение, к нему еще сладкая пицца прилагается.

– Как угодно. Я все равно не в настроении готовить, – соглашаюсь я и пишу сообщение Гевину, спрашивая, может ли он привезти нам пиццу после работы.

К восьми часам в доме полно народу: Кирстен и Кел пришли уже давно, потом приехали Гевин и Эдди с пиццей. Мы все садимся за стол. Не хватает только Лейк.

– Позовешь Лейк? – спрашиваю я у Эдди, ставя на стол стопку одноразовых тарелок.

– Только что ей написала. Она ответила, что не хочет есть, – качая головой, отвечает Эдди.

Я сажусь за стол, беру одноразовую тарелку и кладу на нее пиццу. Откусываю кусок и кладу обратно: у меня тоже проблемы с аппетитом.

– Спасибо, что догадался привезти пиццу с сыром. Хоть кто-то здесь уважает тот факт, что я не ем мясо! – провозглашает Кирстен.

Жаль, что ничего нет под рукой, – я бы с радостью в нее чем-нибудь запустил, а так приходится ограничиться убийственным взглядом.

– Так какой у нас план нападения на четверг? – спрашивает у меня Кирстен.

– А что будет в четверг? – интересуется Эдди.

– Ничего, – отвечаю я, испугавшись, что она проговорится Лейк и все испортит.

– Уилл, если ты думаешь, что я буду пересказывать ей каждое твое слово, то ты ошибаешься! Уж поверь мне, я больше всего на свете хочу, чтобы вы уже наконец помирились, – заявляет она, и, похоже, совершенно серьезно.

– Он будет выступать для нее на слэме! – выпаливает Кирстен.

– Правда? – удивленно смотрит на меня Эдди. – А как ты собираешься уговорить ее пойти туда?

Кирстен не дает мне и рта раскрыть:

– А это не его забота. Я ее уже уговорила!

– Ах ты, маленькая хитрюга! – улыбается Эдди. – Ладно, а как вы собираетесь ее там удержать? Она же свалит, как только увидит тебя на сцене! – поворачивается ко мне она.

– А вот и нет! Если я украду ее сумочку и ключи от машины! – вмешивается в наш разговор Кел.

– Отличная идея, Кел! – бурно реагирую я и вдруг понимаю, какой тут творится бред: я хвалю одиннадцатилетних детей за то, что они обманывают мою девушку и собираются украсть ее вещи! Какой же пример я им подаю?!

– А еще можем сесть на те же диванчики, что в прошлый раз! Лейк пропустим вперед, в самый дальний угол! Ты начнешь читать, а она не сможет уйти, даже если попытается, так что придется ей дослушать!

– Класс! – восклицаю я.

Да, пусть я и не идеальный пример для подражания, но зато дети-то у меня какие находчивые!

– Я тоже хочу пойти, – присоединяется Эдди. – Гевин, у нас получится? У тебя же, кажется, выходной в четверг? Хочу видеть своими глазами, как Уилл и Лейкен помирятся!

– Да, пойдём, конечно! Но как мы все туда попадем, если она не знает, что ты там тоже будешь? – спрашивает он у меня. – В машину Лейкен мы все не поместимся, а мне неохота ехать за рулем аж в Детройт: я на работе каждый день столько километров наматываю...

– Можешь поехать со мной, – предлагаю я. – Пусть Эдди скажет Лейк, что ты работаешь, ну или просто занят. А остальные поедут с Лейк.

Похоже, мой план всех устраивает. Я так рад, что они все решили мне помочь, – значит, еще есть надежда. Если всем в этой комнате очевидно, что мы должны быть вместе, значит я и Лейк смогу в этом убедить!

Я кладу на тарелку три кусочка пиццы, иду в кухню и, убедившись, что

никто не подглядывает, залезаю в бар, достаю из вазы звездочку, засовываю ее под один из кусочков пиццы, а потом закрываю тарелку фольгой.

– Эдди, отнесешь ей? Чтобы она там с голоду не умерла, – прошу я.

Эдди с улыбкой кивает и уходит.

– Так, народ, убираем со стола! Остатки пиццы – в холодильник! – команду я, а сам ухожу с Гевинем в гостиную.

Он ложится на диван, трет лоб и прикрывает глаза.

– Голова болит? – спрашиваю я.

– Да нет, это все нервы...

– Ну как, решили, что будете делать?

Некоторое время Гевин молчит, а потом делает медленный глубокий вдох и еще медленнее выдыхает...

– Я сказал ей, что меня очень беспокоит, как мы со всем этим справимся. Что мы должны хорошо все обдумать и взвесить все за и против. Она ужасно расстроилась, – рассказывает Гевин, садясь и упираясь локтями в колени. – Обвинила меня, будто я считаю, что из нее выйдет плохая мать. Уилл, я так совершенно не считаю! Я думаю, она будет отличной мамой! Просто мне кажется, если мы немножко подождем, то она будет куда лучшей мамой, чем сейчас! Теперь она на меня обижается. Мы больше не говорим на эту тему, оба делаем вид, как будто ничего не случилось. В общем, все как-то странно...

– Значит, тыквы вырезаете?

– До сих пор не могу понять, что значит эта странная метафора.

Неудивительно. Откуда ему знать? Жаль, ничего путного я ему посоветовать не могу...

– Знаешь, что я думаю? – раздается вдруг голос Кирстен у нас за спиной.

– Кирстен, ты же понятия не имеешь, о чем мы говорим! – возмущается Гевин. – Иди лучше в куклы поиграй!

– Ты в плохом настроении, поэтому так уж и быть, на этот раз прощаю, – сердито смотрит на него Кирстен. – А вообще, на будущее: я в куклы не играю! И хватит уже жалеть себя. Ведешь себя как капризный ребенок. Кто у нас беременный, Гевин? Вроде как не ты. Попробуй поставить себя на место Эдди. Знаю, парни говорят, что в таких ситуациях вся ответственность пополам, но ты уж прости – это ерунда! Любишь кататься – люби и саночки возить! Раз Эдди залетела по твоему недосмотру, просто закрой рот и будь с ней рядом. Какое бы решение она ни приняла, – добавляет Кирстен и выходит из комнаты, но уже в дверях

оборачивается: – И еще кое-что, Гевин... Иногда в жизни случаются вещи, которые совершенно не входили в твои планы. И тогда нужно просто смириться с этим и начать строить новые планы.

Она закрывает за собой дверь, а мы с Гевинком остаемся с открытыми ртами.

– Ты ей говорил, что Эдди беременна? – наконец придя в себя, спрашиваю я.

– Нет... – качает головой Гевин, не сводя глаз с двери и глубоко задумавшись. – Твою мать! – вскрикивает он вдруг. – Какой же я идиот! Идиот и эгоист! – Он буквально подсакивает с дивана и быстро натягивает куртку. – В четверг созвонимся, Уилл! Надо быстро все исправить!

– Удачи! – кричу я ему вслед.

Гевин буквально вылетает из дома, сталкивается в дверях с Рисом и скороговоркой бросает ему на бегу:

– Привет, Рис! Пока, Рис!

– Странные у тебя друзья, – замечает Рис, глядя в окно, как Гевин сломя голову несется к дому Лейк.

– Если хочешь, в холодильнике есть пицца, – отзываюсь я, даже не пытаясь с ним спорить.

– Да не, я просто зашел кое-что из вещей взять, уже ужинал, – бросает он через плечо, шагая по коридору в сторону гостевой комнаты.

Сегодня вторник. Я почти уверен, что вчера у них с Воэн было первое свидание. Это, конечно, не мое дело, но, по-моему, они слишком торопятся.

– Ты как, с Лейкен помирился? – спрашивает Рис, на ходу запихивая в спортивную сумку пару брюк.

– Почти, – отвечаю я, с любопытством глядя на сумку: видимо, ночевать он собирается не дома. – У вас с Воэн все на мази, как понимаю?

– Я же тебе говорил, – ухмыляется он, пяясь в сторону двери, – мастерство не пропьешь.

Я сижу на диване и размышляю над сложившейся ситуацией. Мой лучший друг детства встречается с девушкой, которой я посвятил два года своей жизни. Мой нынешний лучший друг немного не в себе, так как ужасно боится стать отцом. Моя девушка со мной не разговаривает. Завтра утром мне придется сидеть в одной аудитории с той самой девушкой, из-за которой моя девушка со мной не разговаривает. Моя одиннадцатилетняя соседка дает моим друзьям куда более дельные советы, чем я. Похоже, у меня есть все причины впасть в депрессию... Я ложусь на диван и пытаюсь

вспомнить, что у меня в жизни на данный момент идет как надо. Ну хоть что-нибудь!

В комнату входят Кел и Колдер и садятся на диван напротив.

– Не так с тобой что? – спрашивает Кел задом-наперед.

– Так со мной что а? – вздыхаю я.

– Я слишком устал, чтобы говорить задом-наперед. Так что скажу напрямую, – вмешивается Колдер. – Уилл, ты можешь прийти в школу в четверг и посидеть со мной на обеде? У нас Папин день, но папа умер, значит остаешься ты.

Я закрываю глаза... Как он может так запросто говорить о том, что у него нет папы? Хотя, наверное, это должно меня радовать... В любом случае я за него волнуюсь!

– Конечно. Просто скажи, во сколько нужно приехать.

– К одиннадцати. – Колдер встает. – Я пошел спать. Увидимся, Кел.

Колдер уходит к себе, а Кел с несчастным видом бредет к выходу и тихо прикрывает за собой дверь... Только тут я с досадой хлопаю себя по лбу: ну как можно быть таким идиотом?! Вскочив на ноги, я бегу догонять его.

– Кел! – кричу я, открыв входную дверь. – Слушай, а ты как? Можно, я с тобой тоже пообедаю?

– Если хочешь, – отвечает Кел и пятится ко мне задом, изо всех сил стараясь сдержать радостную улыбку, совсем как его сестра.

– Почту за честь, – провозглашаю я с серьезным видом и треплю его по голове.

– Спасибо, Уилл!

Кел идет домой, а я долго стою на пороге и смотрю ему вслед. До меня постепенно доходит, что если мы с Лейк вдруг не помиримся, то я потеряю не только ее, и мне становится страшно.

* * *

Не знаю, как сегодня пройдет день. Прихожу к первой паре, ждать еще долго. Только бы она не села за мою парту! Должно же у нее хватить мозгов! Большинство студентов уже на месте, вскоре входит преподаватель и раздает тесты. Проходит десять минут с начала занятия, а Возн все нет и нет. Я уже собираюсь с облегчением вздохнуть, как дверь распахивается и на пороге появляется она – тактичностью она и раньше не отличалась. Берет со стола тест, поднимается по лестнице и садится за мою парту. Ну конечно, зря я надеялся!

– Привет, – шепчет она, довольно улыбаясь.

«Надеюсь, что она в таком чудесном настроении из-за Риса, а не из-за меня», – угрюмо думаю я.

Видимо, заметив мою недовольную мину, Воэн закатывает глаза и шепчет:

– Да не переживай. Последний раз сидим за одной партой. Просто хотела сказать, что мне очень неловко за свою выходку на прошлой неделе. И еще поблагодарить, что ты не против того, что мы с Рисом снова встречаемся, – добавляет она, ставит сумку на парту и начинает долго в ней рыться в поисках ручки.

– Снова?

– Ну да. Я думала, ты обидишься, что я начала с ним встречаться сразу после того, как мы с тобой расстались. Перед тем, как он ушел в армию. Вообще-то, я даже расстроилась, что ты не обиделся, – заявляет она, как-то странно поглядывая на меня. – Так что мы решили попробовать начать все сначала. Это все, что я хотела тебе сказать, – заканчивает свой монолог Воэн и утыкается в тест.

Снова?! Ушам своим не верю! Мне хочется попросить ее повторить все, что она мне сейчас выложила, еще разок, но это бы значило, что я пытаюсь поддержать разговор. Снова?! Я не ослышался?! Она и правда только что сказала, что начала встречаться с Рисом до его ухода в армию?! Рис ушел служить через два месяца после смерти моих родителей... Раз они с Воэн начали встречаться до этого, это может означать только одно: мой друг загулял с ней сразу же после того, как она наглым образом меня бросила! Значит, все то время, пока я плакался ему в жилетку из-за нашего с Воэн расставания, он имел наглость с ней встречаться! Вот урод! Надеюсь, они с Воэн достаточно сблизились за те три дня, что они «снова» вместе, потому что ему придется срочно искать себе новое жилье!

* * *

Я собираюсь выяснить отношения с Рисом, но, когда прихожу, его нет дома. Вечер протекает относительно спокойно: Кел и Колдер в основном у Лейк, Кирстен тоже. Я остаюсь наедине со своими мыслями, поэтому остаток вечера использую на доведение до совершенства того, что завтра намерен сказать со сцены.

* * *

Наступает утро четверга – дня, когда Лейк наконец простит меня. Она уже уехала: повезла Кела и Колдера в школу. Рис варит кофе в кухне, и я решаю, что сейчас очень подходящий момент поговорить с ним начистоту

и поблагодарить за верную дружбу все эти годы. Вот сволочь!

Полный решимости разобраться с этим поскорее, я иду в кухню, но там меня ждет сюрприз: это не Рис! И даже не Лейк! Посреди моей кухни стоит Воэн! В одном лифчике! И как ни в чем не бывало варит кофе в моей кофеварке! В моем доме! И в одном лифчике!

Что за хрень со мной творится в последнее время?!

– Какого черта ты тут делаешь, Воэн?!

– Ой! Я не знала, что ты дома! – чуть не подпрыгнув от неожиданности, оправдывается она. – Рис сказал, что вчера тебя не было...

– И что с того?! – возмущенно ору я.

Отвернувшись, я растираю лицо руками, пытаюсь понять, как же мне поступить с моим «соседом». Решаю для начала выставить за дверь Воэн, и тут в кухне появляется Рис.

– Рис, какого хрена?! Я же запретил тебе приводить ее сюда!!!

– Да успокойся ты, Уилл! Какая разница?! Ты же спал и даже не слышал, что она пришла, – спокойно отвечает Рис, подходит к буфету и достает кофейную чашку.

На нем одни трусы. На ней – лифчик. Представляю, что бы подумала Лейк, если бы зашла сейчас в кухню и обнаружила Воэн в одном лифчике. Причем именно сегодня, когда я всего в шаге от прощения. Да весь мой план полетел бы к чертям собачьим!

– А ну-ка выметайтесь отсюда, и поживее! Оба! – кричу я.

Они не двигаются с места. Воэн смотрит на Риса, ожидая, что он что-нибудь сделает или скажет. Мой бывший лучший друг смотрит на меня с сожалением:

– Хочешь хороший совет, Уилл? Если ты так страдаешь из-за этой девчонки целую неделю, значит оно того не стоит. Ведешь себя как полный придурок. Брось эту чухиху, и поскорее, вот что я тебе скажу!

Этот «дружеский» совет от человека, которому глубоко наплевать на всех, кроме себя самого, становится последней каплей. Не знаю, что на меня нашло: то ли я разозлился из-за того, что он так отозвался о Лейк, то ли у меня в голове все это время крутилось, что мой лучший друг месяцами врал мне. В любом случае я бросаюсь к нему и изо всех сил бью его в челюсть. Воэн визжит, я делаю шаг назад, потирая кулак.

Господи! В кино всегда показывают, что больно тому, кого бьют! А что происходит с рукой того, кто ударил, никому не интересно!

– Какого хрена?! – орет Рис, хватаясь за челюсть.

Я жду, что он даст сдачи, но он просто отворачивается – возможно, в глубине души понимает, что заслужил это.

– И не смей говорить, что она того не стоит! – Я достаю из холодильника два пакета со льдом, один швыряю Рису, другой прикладываю к кулаку. – И спасибо тебе большое, Рис, ты настоящий друг! Сразу после смерти моих родителей, сразу после того, как мы расстались... – Я показываю на Воэн. – Ты единственный, кто не бросил меня и помогал мне прийти в себя. Жаль, я не знал, что ты и ей тоже «помогаешь».

– Ты что, ему рассказала?! – спрашивает Рис у Воэн.

– Я думала, он знает, – в панике оправдывается она.

– Прости, Уилл, – смущенно извиняется Рис. – Я не хотел... Как-то само собой вышло...

– Такие вещи сами собой не выходят, Рис! Черт возьми, мы же с тобой дружили с десяти лет! У меня весь мир рухнул! Целый месяц ты делал вид, что пытаешься помочь мне вернуть ее, а сам в это время спал с ней! – кричу я, и они оба опускают глаза. – Я, конечно, разрешил тебе пожить здесь, но все изменилось! – решительно произношу я, бросая пакет со льдом на стойку. – Выметайтесь из моего дома! Оба! Немедленно!

Я ухожу к себе в комнату и падаю на кровать. Оставшихся у меня друзей можно пересчитать по пальцам одной руки – да что там, и одного пальца хватит. Глядя в потолок, я пытаюсь понять, как же я мог так долго не замечать, что мой лучший друг не думает ни о ком, кроме себя... Слышу, как Рис идет в гостевую спальню, потом в ванную и собирает вещи. Как только его машина отъезжает от дома, я выхожу на кухню и наливаю себе кофе. Пора снова начинать варить кофе самому!

Не самое удачное начало дня... Я залезаю в бар, достаю из вазы звездочку и разворачиваю ее.

Я хочу иметь друзей, которым могу доверять, которые любят меня за то, кем я стал... а не за то, кем был когда-то.

«Братья Эйвитт»

Дочитав до конца, я оборачиваюсь, почти уверенный, что за спиной стоит Джулия и понимающе улыбается. Иногда эти цитаты настолько попадают в точку, что аж жуть берет! Как будто она пишет их прямо сейчас.

Глава 11

Четверг, 26 января

Могу только надеяться, что следующая запись в этом дневнике после сегодняшнего выступления будет примерно такой: «Мы снова вместе, и я никогда тебя не отпущу. Обещаю. Я никогда больше тебя не отпущу».

Гевин приходит сразу после семи – в первый раз не постучавшись. Наверное, это заразно. Он сразу же видит, что мои нервы на пределе и сообщает:

- Они только что уехали, надо дать им фору.
- Отличная мысль, – отзываюсь я.

В последний раз прохожусь по дому, пытаюсь понять, надо ли взять с собой еще что-нибудь. Кажется, все на месте. Мы ждем минут пятнадцать, чтобы Лейк и Эдди отъехали подальше, а потом садимся в машину. Я сразу предупреждаю Гевина, что не в настроении разговаривать по дороге. Слава богу, он меня понимает – он всегда меня понимает. Наверное, так и должно быть с лучшим другом.

Пока мы едем, я раз за разом повторяю про себя текст. Стихотворение готово, с ребятами из клуба «ДЕВУТЬ» я договорился, так что все должно пройти на ура. У меня есть всего один шанс, и я должен его использовать!

Гевин заходит в клуб первым, и через минуту я получаю от него сообщение, что все идет по плану. Захожу внутрь с сумкой через плечо и жду своей очереди у входа – не хочу, чтобы Лейк меня заметила. Если она увидит меня раньше времени, пиши пропало: рассердится и уйдет.

Секунды превращаются в минуты, а минуты тянутся целую вечность. Ненавижу ждать! Обычно я не так сильно волнуюсь перед выступлением. Ничего удивительного: сейчас на кону стоит все: от этого выступления зависит мое будущее! Я делаю глубокий вдох и пытаюсь успокоиться.

– Сегодня у открытого микрофона выступит наш специальный гость, – раздается голос ведущего, – поэтому без долгих разговоров встречайте...

Ну вот, пора. Сейчас или никогда!

Все в зале в нетерпении смотрят на сцену, поэтому я тихо пробираюсь вдоль стены незамеченным. Перед тем как подняться, я оборачиваюсь и бросаю взгляд на их столик: Лейк сидит в середине, так просто ей будет не уйти. Она смотрит на телефон и понятия не имеет, что ее ждет через несколько секунд. Я морально подготовился к ее реакции: она будет вне

себя. Но мне нужно, чтобы она выслушала меня до конца. Лейк – упрямая девушка, но разумная.

В зале тушат свет, прожектор направляется на стоящий посреди сцены табурет, как я и просил осветителей. Софиты я тоже попросил отключить: не хочу, чтобы они слепили глаза, не позволяя видеть зрителей. Хочу видеть лицо Лейк, смотреть ей в глаза, чтобы она поняла всю серьезность моих слов.

Я слегка разминаю шею и плечи, чтобы снять нарастающее напряжение, делаю несколько вдохов-выдохов и поднимаюсь на сцену.

Сев на табурет, я снимаю сумку и ставлю ее на пол, потом беру в руки микрофон и смотрю прямо на Лейк, которая наконец отрывается от телефона. Увидев меня, она хмурится и качает головой – сердится. Что-то говорит Колдеру, который сидит на краю дивана, и показывает на дверь – он качает головой и не двигается с места. Она шарит по дивану в поисках сумочки, но не находит. Вопросительно смотрит на Кирстен, которая сидит на другом конце дивана, но и та отрицательно мотает головой. Лейк бросает взгляд на Гевина и Эдди, потом снова на Кирстен и наконец понимает, что все действуют заодно. Смирившись с тем, что отсюда ее не выпустят, она скептически скрещивает руки на груди и переключает внимание на сцену – на меня.

– Все? Не будешь больше пытаться убежать от меня? – говорю я в микрофон. – Надеюсь, что нет: мне многое нужно тебе сказать.

Зрители начинают озираться по сторонам, пытаюсь понять, к кому я обращаюсь. Лейк замечает, что все смотрят на нее, и закрывает лицо руками.

– Сегодня я играю не по правилам, – обращаюсь я к зрителям. – Знаю, что на слэмах запрещено пользоваться реквизитом, но у меня чрезвычайная ситуация, – объясняю я, поднимаю с пола сумку, встаю и ставлю ее на табурет, а потом закрепляю микрофон на стойке, отрегулировав ее по высоте. – Лейк! Я помню, что позавчера вечером ты попросила меня хорошенько подумать обо всем. Прошло всего два дня, но, если честно, мне хватило бы и двух секунд. Поэтому я потратил это время не на пустые размышления – ответ мне и так прекрасно известен. Я решил подготовить это выступление. Оно не совсем в духе традиционной слэм-поэзии, но надеюсь, что ты отнесешься к форме со снисхождением. Мое стихотворение называется «За то, что ты такая», – объявляю я, улыбаюсь и начинаю: – В любых отношениях наступает особый момент, когда вы начинаете влюбляться.

Первый *взгляд*.
Первая *улыбка*.
Первый *поцелуй*.
Первая *влюбленность*.

Я достаю из сумки тапочки с Дартом Вейдером и долго смотрю на них.

Ты была в этих тапочках в один
из таких моментов.
В один из тех моментов, когда я впервые
почувствовал, что влюбляюсь в тебя.
В то утро я пережил такое, что совершенно
не связано ни с кем,
кроме тебя,
а только с тобой, *с тобой одной*.
В то утро я влюбился в тебя
за то, что ты такая.

Достаю из сумки следующий экспонат. Лейк в ужасе ахает и
прикрывает рукой рот.

Этот уродливый *гномик*
С хитрой *улыбочкой* на лице
Дал мне повод пригласить тебя
в мой дом.
В мою жизнь.
В следующие несколько месяцев ему частенько
от тебя доставалось.
Я стоял у окна и смотрел, как ты пинаешь его
каждый раз, проходя мимо.
Бедный человечек!
Ты была с ним такой *упрямой*.
Такой *свирепой, агрессивной, сильной*...
И ты совершенно *не собиралась* молча терпеть
издевательства этого гномика!
Ты совершенно не собираешься терпеть
подобное *от меня!*
И я люблю тебя за это —
за то, что ты такая!

Поставив гнома на сцену, я достаю из сумки компакт-диск.

А это твой любимый диск.
«Всякая фигня Лейкен»
Теперь я знаю, что слово «фигня» носит скорее
притяжательный,
чем **описательный** характер.
Из динамиков твоей машины зазвучало
банджо,
и я тут же узнал свою любимую группу.
А потом понял, что это и **твоя** любимая группа!
Значит, **нас** вдохновляют **одни и те же стихи!**
Как я мог не влюбиться в тебя?!
Это совершенно **никак** не связано с кем-то еще.
Я полюбил тебя
за то, что ты такая.

Я достаю из сумки листок бумаги и показываю его зрителям. Взглянув на дальний столик, я вижу, как Эдди протягивает Лейк платок. Со сцены мне не видно, но, похоже, она плачет.

Еще я сохранил этот чек,
потому что настолько **забавного** напитка в баре
я не покупал ни разу.
Шоколадное молоко со льдом?
Кому такое может прийти в голову?
Ты оказалась **не такой, как все**, и тебя это
не смущало —
ты просто была **собой**.

— А вот еще кое-что, — говорю я в микрофон, показывая зрителям очередную листок.

Это мне не очень понравилось —
Стихотворение, которое ты написала обо мне.
Называется оно «Жестокость».
Я, кажется, тебе не говорил...
но оно даже на **двойку** не тянет.
Но я **сохранил** его:
оно напоминает мне, кем бы я не хотел
быть.

Я достаю из сумки ее рубашку, подставляю ее под свет софитов и со

вздохом продолжаю:

Вот твоя жуткая рубашка.
Она не имеет совершенно никакого отношения
к тому,
почему я в тебя влюбился.
Я просто увидел ее у тебя дома и решил украсть.

Достаю из сумки предпоследний экспонат – ее фиолетовую заколку.
Однажды Лейк рассказала мне, как много эта вещь значит для нее и почему
она не может с ней расстаться.

А эта фиолетовая заколка...
Она на самом деле волшебная... папа сказал тебе правду.
Она волшебная, потому что, сколько бы раз
она тебя ни подводила,
ты продолжаешь *верить* в ее силу.
Продолжаешь *надеяться* на нее.
Сколько бы раз она тебя ни *подводила*,
ты не подведешь *ее* никогда.
Точно так же ты никогда не подведешь и *меня*.
И я люблю тебя
за то, что ты такая.

Кладу заколку на табуретку и достаю из сумки полоску бумаги и со
вздохом разворачиваю ее.

Твоя мама...
Лейк, твоя мама была потрясающим человеком.
Мне повезло, что я с ней познакомился,
и она стала частью моей жизни.
Я полюбил ее как *родную* маму... а она
полюбила нас с Колдером как родных.
Я полюбил ее не из-за *тебя*, Лейк.
Я полюбил ее за то, что *она* такая.
Поэтому спасибо тебе, что поделилась ею с нами.
Она знала гораздо больше
о *жизни*, о *любви* и *счастье*, о *боли расставания*,
чем все мои знакомые, вместе взятые.
Знаешь, какой самый лучший совет она дала мне?
Какой совет она дала *нам*?

Я читаю слова, написанные на полоске бумаги: «Иногда приходится отдалиться друг от друга для того, чтобы понять, как сильно вы нуждаетесь в близости».

Вот теперь Лейк точно плачет. Я убираю бумажку в сумку, подхожу к самому краю сцены и произношу, глядя ей в глаза:

Последний экспонат в сумку не поместился,
потому что
ты на нем сидишь.

На том самом диване.

Ты сидишь на том самом месте, где сидела,
когда впервые увидела выступление на слэме,
на этой самой сцене.

Ты смотрела на сцену с такой страстью...

Никогда не забуду этот момент.

Тот момент, когда я понял, что обратной дороги нет.

Понял, что зашел слишком далеко.

Я влюбился в тебя.

Я полюбил тебя за то, что **ты** такая.

Не сводя с нее глаз, я делаю несколько шагов назад, сажусь на табуретку и продолжаю:

Лейк, я мог бы говорить всю ночь,
перечисляя **раз за разом** все причины
моей любви к тебе.

И знаешь что? Некоторые из них и **правда**
неожиданные повороты судьбы.

Я действительно люблю тебя за то,

что ты единственный человек,

кто по-настоящему понимает, в какой ситуации
я оказался.

Я действительно люблю тебя за то, что мы с тобой
оба знаем,

что значит потерять мать **и** отца.

Я действительно люблю тебя за то, что ты, как и я,
растишь младшего брата.

Я люблю тебя за то, через что тебе пришлось пройти,
когда умирала твоя **мама**.

Я люблю тебя за то, через что **нам** пришлось пройти,

когда умирала твоя *мама*.

Я люблю тебя за то, что ты любишь *Кела*.

Люблю тебя за то, что ты любишь *Колдера*.

Люблю тебя за то, что *я* люблю Кела.

Поэтому я не намерен просить прощения за то, что я люблю тебя, какие бы причины или обстоятельства ни стояли за этим.

И прости, но мне не нужны *дни, недели* или *месяцы*, чтобы понять, *почему* я люблю тебя.

Для меня ответ очевиден:

я люблю тебя за то, какая *ты* есть.

За все,

что делает

тебя

тобой.

Закончив, я отхожу от микрофона и вглядываюсь в ее лицо. Она сидит далеко, но мне кажется, она беззвучно произносит: «Я люблю тебя». Загорается рампа, резкий свет ослепляет меня, и я уже не вижу Лейк.

Собираю весь реквизит, убираю его в сумку, спрыгиваю со сцены и иду к столику, но ее там уже нет. Кел и Колдер стоят! Как они могли? Как они могли отпустить ее?! Эдди видит мое растерянное лицо и показывает мне сумочку Лейк:

– Не волнуйся, Уилл! Ключи от машины у меня, Лейк просто вышла на минутку. Сказала, ей нужно на воздух.

Я бросаюсь к выходу, вылетаю на улицу и вижу ее: она стоит на парковке рядом с моей машиной, повернувшись ко мне спиной, и смотрит на небо. Снежинки падают ей прямо на лицо. Я наблюдаю за ней, пытаюсь понять, о чем она думает. Больше всего на свете я боюсь, что неправильно понял ее реакцию и все мои слова для нее равным счетом ничего не значат. Засовываю руки в карманы и иду к ней. Она слышит скрип снега под моими шагами и оборачивается. В ее взгляде есть все, что мне нужно знать: она бросается мне на шею с такой силой, что я едва удерживаюсь на ногах.

– Прости меня, Уилл! Прости меня!

Она целует меня в щеку, в шею, в губы, в нос, в подбородок, продолжая просить у меня прощения перед каждым поцелуем. Я обнимаю ее крепко-крепко и поднимаю. Когда я ставлю ее на землю, она гладит меня по лицу и долго смотрит мне в глаза. Боль, которая все последние дни читалась в ее

взгляде, ушла. У меня как будто гора с плеч упала, и я наконец могу вздохнуть полной грудью.

– Поверить не могу, что ты сохранил этого чертова гнома! – шепчет она.

– А я не могу поверить, что ты хотела его выбросить, – отвечаю я.

Мы никак не можем наглядеться друг на друга, словно боимся поверить, что все это происходит по-настоящему и не прекратится в следующую секунду.

– Лейк! Прости, что до меня так долго не доходило, – шепчу я, глядя ее по волосам. – Я виноват, что ты усомнилась во мне. Обещаю, что буду каждый день показывать тебе, как много ты для меня значишь!

– И я тоже! – шепчет она, и по ее щеке стекает крошечная слезинка.

Сердце бешено колотится в груди, но не из-за волнения. Не из-за того, что я хочу ее больше, чем когда-либо раньше. Просто я наконец-то почувствовал, что полностью уверен в своем будущем. Эта девушка – вся моя жизнь! Я целую ее. Мы смотрим в глаза друг другу, дорожа каждым мгновением нашей близости.

Мы всего в паре шагов от моей машины. Я осторожно подталкиваю Лейк к ней и прижимаю к дверце.

– Я люблю тебя, – бормочу я между поцелуями. – Господи, как же я люблю тебя!

Она немного отодвигается от меня, с улыбкой гладит меня по щекам, смахивая с них слезы, – я и не заметил, что тоже плачу!

– Я люблю тебя, – повторяет она. – Раз мы уже наконец выяснили этот вопрос, может, просто заткнешься и поцелуешь меня?

Я с радостью подчиняюсь.

Мы пытаемся за несколько минут наверстать то, что пропустили за неделю. Поцелуи жарче некуда, но на улице все-таки мороз.

– Ты замерзла, – говорю я, заметив, что у Лейк слегка подрагивает нижняя губа. – Может, сядем в машину и продолжим или вернемся в клуб? – спрашиваю я, надеясь, что она предпочтет первый вариант.

– В машину, – улыбается она.

Я подхожу к машине и тут понимаю, что забыл сумку на диванчике, где сидит вся наша компания.

– Черт! – Я отхожу назад и обнимаю трясущуюся от холода Лейк, пытаюсь согреть ее. – Ключи остались в зале.

– Тогда разбей, ко всем бабочкам, окно и открой дверь изнутри! – предлагает она.

– Разбитое окно не позволит тебе согреться, – возражаю я, прижимаясь

лицом к ее шее.

– Придется тебе греть меня другими способами!

После этих слов предложение разбить окно уже не кажется мне таким уж нереальным, но я все-таки беру ее за руку и веду к входу в клуб. Внутри я, прежде чем идти в зал, поворачиваюсь и целую ее еще раз. Хотел просто чмокнуть, но... поцелуй затягивается.

– Спасибо тебе, – говорит она, наконец оторвавшись от моих губ. – Спасибо за то, что ты сделал для меня сегодня. И за то, что подговорил их не выпускать меня. Ты слишком хорошо меня знаешь.

– Спасибо, что выслушала.

Мы подходим к столику, держась за руки. Все двигаются, чтобы освободить нам место. Завидев нас, Кирстен хлопает в ладоши и кричит:

– Получилось! Уилл, с тебя еще стихи!

Лейк с подозрением смотрит на меня, потом на Кирстен:

– Секундочку! Значит, вы двое были заодно все это время?! Кирстен, это он велел тебе попросить меня сводить тебя на слэм?!

Кирстен кидает на меня заговорщический взгляд, и мы громко смеемся.

– А в прошлые выходные?! Ты постучалась ко мне, просто чтобы он успел войти в дом?!

– Давай-ка рассчитаемся по факту. С тебя двадцать баксов, – словно не слыша вопроса, поворачивается ко мне Кирстен.

– Погоди-ка, мы вроде не договаривались о такой оплате, – уточняю я, но достаю двадцать баксов из бумажника. – Ладно, я и втрое больше бы заплатил.

– А я бы и бесплатно все то же самое сделала, – с довольным видом парирует Кирстен, убирая деньги в карман.

– Такое ощущение, что меня обвели вокруг пальца, – перебивает ее Лейк.

– Да, ну уж прости, – обнимаю я ее и целую в макушку. – Тобой и правда сложно манипулировать, пришлось призвать на помощь тяжелую артиллерию.

Она поворачивается ко мне, и я быстро целую ее в губы: никак не могу удержаться. Как только она оказывается в зоне досягаемости, не могу не поцеловать ее.

– А по-моему, было лучше, когда вы не разговаривали! – прерывает нас Колдер.

– Согласен! – поддерживает его Кел. – Я уже и забыл, как это противно!

– Ой, меня сейчас стошнит! – присоединяется к ним Эдди.

Я смеюсь над ее шуткой – да, наверное, мы и правда слишком часто

демонстрируем нашу любовь на публике. Однако Эдди вдруг зажимает рот рукой, и я понимаю, что она вовсе не шутила! Лейк толкает меня в бок, я подскакиваю с места, пропуская Лейк и Кирстен. Эдди вылетает из-за столика, зажимая рот рукой, и со всех ног несется в туалет, Лейк бежит за ней.

– А что с ней такое? – спрашивает Кирстен. – Ее тошнит?

– Да, – уныло отвечает Гевин, – постоянно...

– Что-то незаметно, чтобы ты за нее переживал! – ехидничает Кирстен, но Гевин только молча закатывает глаза.

Мы слушаем следующее выступление, но Гевин все время с тревогой поглядывает в коридор.

– Уилл, выпусти-ка меня, пойду посмотрю, как она там.

Мы с Кирстен встаем из-за стола. Гевин направляется в сторону туалетов. Я беру сумочку Лейк, свою сумку, и мы идем следом за ним.

– Кирстен, зайти спроси, как она. Если что, зови, – просит ее Гевин.

Кирстен заходит в женский туалет и через минуту возвращается:

– Говорит, что все в порядке. Лейкен сказала, чтобы вы, мальчики, ехали домой, а мы втроем тоже скоро к вам присоединимся. Только Лейкен нужна ее сумка.

Я отдаю Кирстен сумочку. Жаль, конечно, что Лейк поедет домой не со мной, но она сюда на своей машине приехала. Мне не терпится вернуться в Ипсиланти, в «наши дома» – уж сегодня ночью я точно к ней проберусь.

Мы выходим на парковку. Я завожу двигатель, очищаю стекла от снега, а потом подхожу к машине Лейк и заодно чищу ее окна. Тут девочки как раз выходят из клуба.

– Ты в порядке? – спрашиваю я у Эдди, и она молча кивает.

Лейк открывает машину, но я успеваю быстро поцеловать ее в щеку:

– Я поеду следом за тобой. Вдруг ей снова станет плохо и тебе придется остановиться.

– Спасибо, милый. – Она обнимает меня и садится за руль.

– Мальчики сегодня останутся у меня, – шепчу я ей на ухо. – А когда они заснут, я к тебе приду. Не забудь надеть свою жуткую рубашку.

– Не выйдет, – улыбается она. – Ты что, забыл? Ты же у меня ее украл.

– Ой, точно! Тогда... Тогда вообще ничего не надевай, – подмигиваю я Лейк и иду к своей машине.

– Она в порядке? – спрашивает Гевин.

– Вроде как. Может, хочешь с ними поехать?

– Нет, Эдди против, – вздыхая, качает головой Гевин. – Она все еще злится на меня.

– Дай ей время, – советую я, ощущая некоторую неловкость оттого, что мы с Лейк обнимались у них на глазах.

– Зачем вы оба завели себе девушек? – спрашивает Кел. – Ходите с несчастным видом и ноете. Смотреть противно!

– Когда-нибудь поймешь, Кел, – отвечает Гевин. – Помяни мое слово.

Он прав: наше воссоединение с Лейк стоило каждой секунды этой адской недели. В глубине души я знаю, что сегодня это наконец-то случится: мы оба уже давно миновали точку возврата. От одной мысли об этом меня охватывает волнение.

– Кел, хочешь сегодня у нас переночевать? – как ни в чем не бывало спрашиваю я, начиная подготовку к приведению плана в исполнение.

Иногда мне кажется, Кел видит меня насквозь, но, наверное, я преувеличиваю...

– Конечно хочу, – отвечает он. – Но, вообще-то, нам завтра в школу, а по пятницам нас в школу возит Лейк. Может, лучше Колдер переночует у нас?

Как же я об этом не подумал! Ладно, тогда пусть Лейк проберется ко мне, когда мальчики заснут.

– Да, пожалуйста, – соглашаюсь я. – Какая, в конце концов, разница, кто у кого ночует!

– Понимаю, к чему ты клонишь, – усмехаясь, шепчет мне на ухо Гевин, и я улыбаюсь ему в ответ.

* * *

На полпути до дома начинается сильный снегопад. Хорошо, что Лейк водит очень аккуратно. Я тихонько еду за ней, хотя в другой ситуации гнал бы миль на десять в час быстрее. А вот если бы за рулем была Эдди, тогда у нас всех были бы проблемы.

– Гевин, ты спишь? – спрашиваю я.

Он отвернулся к окну еще в Детройте и за все это время не произнес ни слова: то ли он задумался, то ли вырубился. Он что-то бурчит в ответ, давая мне понять, что не спит.

– Вы с Эдди поговорили, после того как мы с тобой расстались?

– Еще не успели, – отвечает Гевин, потягиваясь и зевая. – Я вчера работал две смены, – добавляет он, закладывая руки за голову, – а сегодня мы оба целый день были на занятиях, увиделись только вечером. Я отвел ее в сторонку и сказал, что мне нужно с ней поговорить, но она, по-моему, не надеется услышать от меня что-то хорошее. За весь вечер ни слова мне не сказала...

– Ну, она наверняка...

– Уилл!!! – кричит Гевин.

Я инстинктивно даю по тормозам и бросаю взгляд на Гевина. Он в ужасе смотрит на встречу, слева от нас. Последнее, что я вижу: грузовик пересекает разделительную полосу и врывается в едущую прямо перед нами машину.

В машину Лейк!

Часть вторая

Глава 12

Четверг, 26 января

Я открываю глаза и первое время ничего не слышу. Холодно. Дует ветер. На рубашке осколки стекла. Тишину разрезает истошный вопль Колдера:

– Уилл!

Я оборачиваюсь: Колдер и Кел, кажется, целы, но ужасно напуганы и изо всех сил пытаются выпутаться из ремней безопасности. Кел просто в панике, он плачет и бьется о дверь машины.

– Кел, не выходи из машины! Сиди, где сидишь! – быстро говорю ему я и, поморщившись от боли, дотрагиваюсь до глаза – на пальцах остается кровь.

Понять, что произошло, я толком не успел: видимо, в нас кто-то врезался или мы слетели в кювет. Заднее окно разбито, в машине повсюду осколки стекла. Мальчики, кажется, не пострадали. Гевин распахивает дверцу, пытается выпрыгнуть из машины, но ремень безопасности заело. Он в панике дергает за него, мне удается дотянуться до кнопки и помочь ему. Спотыкаясь, он практически вываливается из машины, но тут же встает на ноги и бежит. От чего он убегает с такой скоростью? Я смотрю, как он подбегает к соседней машине и пропадает из виду. Откинувшись на спинку, я прикрываю глаза и по-прежнему не понимаю, что, черт побери, произошло.

И тут до меня доходит!

– Лейк! – кричу я и вцепляюсь в ремень безопасности точно так же, как Гевин с минуту назад. С трудом высвободившись, я бросаюсь бежать, но не знаю куда: темно, идет снег, повсюду машины, свет фар слепит глаза.

– Сэр, с вами все в порядке? Присядьте, вы ранены! – пытается остановить меня какой-то мужчина, хватая за рукав, но я отдергиваю руку и бегу дальше.

Все шоссе покрыто осколками стекла и металла. Я лихорадочно озираюсь по сторонам, но ничего не могу разглядеть. Оглядываюсь на свою машину и на пространство перед ней – там должна быть машина Лейк! Осколки, осколки... наконец мне удастся разглядеть ее машину в

кювете, справа от дороги.

Гевин стоит рядом с пассажирским сиденьем и пытается вытащить Эдди из машины. Я бросаюсь со всех ног, чтобы помочь ему. У Эдди закрыты глаза, но она стонет, когда я тяну ее за руку, значит цела! Я заглядываю в машину, но Лейк там нет. Дверца с водительской стороны открыта. Я вздыхаю с облегчением: наверное, с ней все в порядке, раз она смогла выйти. Как только нам удастся вытащить Эдди из машины, я забираюсь на заднее сиденье и трясую за плечо Кирстен, но она не реагирует. Она вся в крови, но откуда кровь и чья она – непонятно.

– Кирстен! – зову я, но она не отвечает.

Взяв ее за запястье двумя пальцами, я пытаюсь нащупать пульс. Гевин тоже залезает на заднее сиденье и с ужасом смотрит на меня.

– Пульс есть, – успокаиваю его я. – Помоги мне ее вытащить!

Гевин расстегивает ее ремень безопасности, я подхватываю Кирстен под мышки и перетаскиваю через спинку переднего сиденья. Гевин вылезает из машины, берет Кирстен за ноги, мы вытаскиваем ее на улицу и кладем рядом с Эдди. Вокруг нас собирается толпа обеспокоенных зрителей. Я оглядываюсь по сторонам, но Лейк нигде не видно.

– Куда, черт побери, пропала Лейк? – бормочу я. – Гевин, останься с ними, мне надо ее найти, – наверное, она пошла искать Кела! – прошу я, и он кивает.

Я обхожу еще несколько машин, прохожу мимо грузовика, который в них врезался, – точнее, мимо того, что от него осталось. Рядом со вдребезги разбитым грузовиком стоят несколько человек, они уговаривают водителя подождать спасателей и не пытаться выбраться самому. Я стою посреди шоссе и зову Лейк. Куда же она подевалась?! Быстро бегу к своей машине – мальчики на месте.

– С ней все в порядке? – спрашивает Кел. – С Лейкен все в порядке? – повторяет он сквозь слезы.

– Да, думаю, да. Она куда-то ушла... – отвечаю я. – Никак не могу ее найти. Посидите пока здесь, я скоро вернусь!

Наконец-то раздается вой сирен, и я бегу обратно к джипу Лейк. Машины «скорой помощи» подъезжают ближе, ярко освещая царящий на дороге хаос, отчего он кажется еще более жутким. Я смотрю на Гевина: он наклонился над Кирстен и снова проверяет ее пульс. Сирены затихают, люди вокруг меня двигаются словно в замедленной съемке.

Я слышу лишь собственное дыхание.

Одна из машин «скорой помощи» останавливается рядом со мной, остальные тоже притормаживают, образуя своего рода светящийся круг,

как будто их первоочередная задача – оцепить периметр происшествия. Красные лучи фонарей выхватывают мою машину, потом соседнюю, потом крышу машину Лейк, потом крышу врезавшегося в них грузовика, а потом... лежащую в снегу Лейк... Лейк!!! Как только красный луч движется дальше, снова становится темно, и я теряю ее из виду!

Я бросаюсь бежать, выкрикиваю ее имя, но все бесполезно. Я расталкиваю собравшихся в кучу людей, бегу со всех ног, но мне кажется, что это ни на шаг не приближает меня к ней – скорее наоборот. Сзади слышатся крики Гевина, он бежит за мной следом.

Наконец я нахожу ее: она лежит на снегу с закрытыми глазами! Голова в крови... Господи, сколько крови! Я срываю с себя куртку, кидаю на снег, снимаю рубашку и начинаю вытирать кровь с лица, пытаюсь понять, откуда взялось столько крови...

– Лейк! О нет! Нет! Нет! Нет, Лейк!

Я дотрагиваюсь до ее лица в надежде, что она хоть как-то отреагирует, но кожа холодная, просто ледяная. Пытаюсь взять ее за плечи и положить на колени, но кто-то оттаскивает меня от нее, и Лейк окружают врачи «скорой помощи». Я не вижу ее... Я не вижу ее!

– Уилл! – кричит Гевин, трясая меня за плечи. – Уилл, надо ехать в больницу! Они везут ее в больницу, надо ехать!

Он пытается оттащить меня от нее. Голос пропал, поэтому я только трясую головой и отталкиваю его с дороги. Я бегу обратно к врачам, бегу к ней, но Гевин останавливает меня:

– Уилл, не надо! Они пытаются помочь ей! Не мешай!

Я оборачиваюсь, изо всех сил толкаю его в снег и бросаюсь к Лейк. Ее кладут на носилки, я поскальзываюсь и выкрикиваю ее имя.

Один из врачей «скорой помощи» отталкивает меня, остальные несут ее в машину.

– Я поеду с вами! – кричу я. – Пустите меня!

Но врачи захлопывают дверь и задергивают занавеску.

«Скорая» отъезжает. Как только огни фар скрываются за поворотом, я падаю на колени.

Не могу дышать.

Не могу дышать!

Господи, я не могу дышать!!!

Глава 13

Четверг, 26 января 2012 года

Открыв глаза, я тут же закрываю их снова: свет слишком яркий. Меня трясет. Меня всего трясет! Хотя нет, это не меня трясет – это трясется то, на чем я лежу.

– Уилл? Ты в порядке? – раздается голос Колдера.

Я открываю глаза: брат сидит рядом со мной. Мы в машине «скорой помощи». Колдер плачет. Я пытаюсь сесть, чтобы обнять его, но кто-то удерживает меня:

– Не шевелитесь, сэр! У вас серьезная рана, и я пытаюсь ее обработать!

Человек, который говорит со мной, – тот самый врач «скорой помощи», который оттащил меня от Лейк!

– С ней все в порядке? – спрашиваю я, чувствуя надвигающуюся панику. – Где она? С ней все в порядке?

– К сожалению, пока нам ничего не известно, – отвечает он, придерживая меня за плечо и накладывая марлевую повязку мне на глаз. – Простите, но пока никаких сведений. Сейчас нам нужно разобраться с вашими травмами. Приедем в больницу и все узнаем.

– А где Кел? – спрашиваю я, оглядываясь по сторонам.

– Они с Гевинном едут на другой «скорой». Сказали, что мы встретимся в больнице, – отвечает Колдер.

Я кладу голову на подушку, закрываю глаза и начинаю молиться.

* * *

Как только двери «скорой» открываются и носилки выкатывают на улицу, я отстегиваю ремни и прыгиваю на землю.

– Сэр, вернитесь! Вам нужно наложить швы!

Я бегу к входу, оглядываясь, чтобы убедиться, что Колдер не отстает. Мы влетаем в вестибюль, Гевин и Кел стоят у поста медсестры.

– Кел! – кричу я, он подбегает и бросается мне на шею.

Я беру его на руки, и он обнимает меня.

– Где они? – спрашиваю я у Гевина. – Куда их положили?

– Никого не найти! – в панике отвечает он, но тут из-за угла появляется медсестра, и он бросается к ней: – Мы ищем трех девушек, их только что привезли!

– Вы родственники? – спрашивает она, глядя на нас и подходя к

компьютеру.

– Да! – врет Гевин, взглянув сначала на меня, потом снова на нее.

– Да, сэр, родственники приехали, – говорит медсестра в трубку и кладет ее обратно. – Прощу за мной! – обращается она к нам, ведет нас по коридору направо и останавливается в небольшом холле. – Доктор скоро подойдет.

Я сажаю Кела рядом с Колдером. Гевин снимает куртку и протягивает ее мне, и только тут я замечаю, что по пояс голый. Мы слоняемся взад и вперед по холлу. Несколько минут проходят в полной тишине. Я больше не могу это терпеть.

– Я должен найти ее! – говорю я, направляясь к выходу.

– Подожди еще немного, Уилл, – останавливает меня Гевин. – А то они придут сюда, а тебя нет! Подожди!

Я снова принимаюсь мерить шагами холл – ничего другого не остается. Кел никак не может успокоиться, я снова обнимаю его, и он молча плачет.

«С ней должно быть все в порядке! – мысленно твержу я. – Обязательно!»

Выглядываю в коридор в поисках туалета – он оказывается совсем близко. Захожу в кабинку, закрываю за собой дверь и едва успеваю наклониться над унитазом... Наконец тошнота отступает, я выхожу, мою руки и полощу рот, опершись о края раковины и стараясь глубоко дышать, чтобы успокоиться. Я должен успокоиться, ради Кела! Ему не надо видеть меня в таком состоянии!

Взглянув в зеркало, я не сразу понимаю, что это я. Одна сторона лица полностью покрыта запекшейся кровью. Повязка, которую мне наложили в «скорой», уже насквозь промокла. Я беру салфетку и пытаюсь стереть кровь, искренне жалея о том, что под рукой нет каких-нибудь самодельных снадобий от Шерри.

Шерри! О боже, Шерри! Я вылетаю из туалета в коридор и кричу:

– Гевин! Надо позвонить Шерри! Где твой телефон?

– Кажется, в куртке, – хлопает себя по карманам Гевин. – Надо позвонить Джоелу!

– Черт! – не выдерживаю я, достав из его куртки телефон. – Не помню наизусть ее номер!

– Дай мне, я наберу. – Кел вытирает слезы, набирает номер и передает мне трубку.

К горлу вдруг снова подступает тошнота.

– Алло! – отвечает Шерри после пары гудков, но я молчу, потому что не знаю, что сказать. – Алло? – повторяет она.

– Шерри... – хрипло произношу я.
– Уилл? Уилл, что случилось?
– Шерри, мы в больнице... Они...
– Уилл, с ней все в порядке?! С Кирстен все в порядке?!
Я не могу говорить. Гевин забирает у меня трубку, а я бегу в уборную.

* * *

Через несколько минут раздается стук в дверь. Я сижу на полу, прислонившись к стене и закрыв глаза. Не отвечаю. В туалет заходит врач «скорой помощи», с которым мы сюда ехали.

– Все-таки нужно наложить вам швы, – уговаривает меня он, – рана глубокая.

Он помогает мне встать на ноги, мы выходим в коридор, идем в смотровую, где он просит меня лечь на стол.

– Ваш друг сказал, что вас тошнит. Судя по всему, сотрясение. Никуда не уходите, медсестра подойдет через минуту.

* * *

Мне наложили швы и объяснили, как вести себя при сотрясении мозга. Потом попросили подойти на пост и заполнить какие-то бумаги.

– Кто из пациенток ваша жена? – спрашивает медсестра, протягивая мне анкету.

– Жена? – недоуменно переспрашиваю я, но тут же вспоминаю, что Гевин сказал ей, что мы родственники. Правильно, пусть лучше думают так, тогда есть шанс хоть что-то узнать. – Лейкен Коуэн... Купер. Мою жену зовут Лейкен Коуэн Купер.

– Заполните эти бумаги и принесите мне. Если вам не сложно, передайте эту анкету вашему другу. А девочка? Кем она вам приходится?

– Никем. Просто соседка. Ее мама уже едет, – объясняю я, забираю бумаги и иду обратно в комнату ожидания. – Есть новости? – спрашиваю я у Гевина, вручая ему анкету, но он сокрушенно качает головой. – Господи, мы уже почти час здесь сидим! Где хоть кто-нибудь?! – возмущаюсь я, швыряя папку с документами на стул.

Едва я начинаю заполнять анкету, в холл входит мужчина в белом халате, за ним с дикими от ужаса глазами бежит Шерри. Я быстро вскакиваю на ноги.

– Уилл! – кричит она, заливаясь слезами. – Где она? Где Кирстен? Что с ней?

Я обнимаю ее и вопросительно смотрю на врача, потому что не знаю,

что ей ответить.

– Вы о девочке? – спрашивает доктор, и Шерри молча кивает. – С ней все будет хорошо. Перелом руки, небольшое сотрясение. Мы ожидаем результатов анализов, но ее уже можно навестить – я только что перевел ее в палату двести двенадцать. Подойдите на пост, сестры подскажут вам, как туда пройти.

– Слава богу! – с облегчением произношу я, глядя вслед Шерри, стремительно бегущей по коридору к посту.

– А кто из вас родственник второй юной леди? – поворачивается к нам врач.

Мы с Гевином растерянно переглядываемся. От этого вопроса у меня сердце останавливается, и я кричу:

– Там две девушки! Две!!!

– Простите, – удивленно смотрит на меня врач, – ко мне на отделение поступила только девочка и одна молодая леди. Иногда пострадавших не сразу переводят к нам. Это зависит от тяжести полученных повреждений. Поэтому у меня пока что новости только о молодой девушке со светлыми волосами.

– Это Эдди! С ней все в порядке?! – спрашивает Гевин.

– Состояние стабильное. Однако поскольку не все анализы готовы, вопрос о выписке мы пока решить не можем.

– А что с ребенком? С ребенком все в порядке?

– Для того чтобы это выяснить, мы и делаем анализы, сэр. Как только будут новости, я вам сразу сообщу. – Он намеревается уйти, но я загораживаю ему дорогу.

– Погодите! А что с Лейк? Мне так ничего и не сказали! С ней все хорошо? Она в операционной?

– Прошу прощения, сэр. – Врач делает шаг назад и смотрит на меня с такой жалостью, что хочется дать ему в глаз. – Под моим наблюдением пока находятся только две пациентки. Я постараюсь все разузнать и сразу же сообщу вам, – обещает он и быстрыми шагами удаляется по коридору.

Они ничего мне не говорят! Твою мать, они ничего не говорят! Прислонившись к стене, я медленно оседаю на пол, упираюсь локтями в колени и закрываю лицо руками.

– Уилл? – раздается у меня над ухом голос Кела. – Почему они не могут просто сказать, все ли с ней в порядке?

Взяв его за руку, я усаживаю его на пол рядом с собой и обнимаю. Он обнимает меня в ответ, я глажу его по голове и целую в лоб, потому что знаю, что Лейк поступила бы именно так. Он плачет.

– Не знаю, Кел, не знаю... – вздыхаю я.

Хочется орать, хочется рыдать, хочется... В общем, у меня на глазах рушится мир, но я должен держать себя в руках ради этого малыша. Даже представить себе не могу, каково ему сейчас... Наверное, ему безумно страшно, ведь, кроме Лейк, у него нет совсем никого. Покрепче прижав Кела к себе, я продолжаю гладить его по голове и целовать, пока он не засыпает от рыданий и усталости.

* * *

– Уилл?

Я открываю глаза и вижу склонившуюся надо мной Шерри. Пытаюсь встать, но она качает головой и показывает на уснувшего у меня на коленях Кела, а потом садится на пол рядом со мной.

– Как Кирстен?

– С ней все будет в порядке. Сейчас спит. Скорее всего, нас скоро отпустят домой, – отвечает Шерри, глядя Кела по голове. – Гевин сказал, что у вас пока так и нет новостей о Лейкен.

– Нет. Шерри, уже больше часа прошло! Почему они мне ничего не говорят? Не могут даже сказать... – начинаю я, но осекаюсь и делаю глубокий вдох, пытаюсь сохранять спокойствие.

– Уилл... тебе бы уже сообщили. Раз молчат, значит делают все, что в их силах.

Понимаю, она хочет как лучше, но эта последняя фраза просто меня добивает. Я беру Кела на руки, несу его в комнату ожидания и укладываю в кресло рядом с Гевинем. Тот просыпается и вопросительно смотрит на меня.

– Я скоро вернусь, – кидаю я через плечо и быстрым шагом иду к посту.

Там никого нет. Двери реанимации заперты. Я оглядываюсь по сторонам: в зоне для посетителей есть несколько человек из персонала, но никто из них не спрашивает, нужна ли мне помощь. Захожу за стойку поста и ищу кнопку, которая открывает двери реанимации, быстро нажимаю ее, перепрыгиваю обратно и бегу к начинающим открываться дверям.

– Я могу вам чем-то помочь? – спрашивает у меня медсестра, когда я прохожу мимо нее по коридору.

Завернув за угол, я вижу указатель: палаты пациентов – направо, отделение хирургии – налево. Поворачиваю налево, вижу двойные двери в операционную и со всей силы ударяю по кнопке на стене. Едва они немного приоткрываются, я пытаюсь протиснуться внутрь, но меня удерживает мужчина в белом халате:

– Вам сюда нельзя!

– Моя девушка! – задыхаясь, шепчу я. – Я должен узнать, как она!

– Молодая женщина с травмами после автокатастрофы? Вы ее имеете в виду?

– С ней все в порядке? – кивнув, спрашиваю я.

Он молча прислоняется к стене, засовывает руки в карманы белого халата, сгибая ногу в колене и опираясь ею о стену.

– Она сильно пострадала. У нее эпидуральная гематома, которую необходимо прооперировать.

– Что? Что это значит? С ней все будет хорошо?

– Она получила серьезную черепно-мозговую травму, вследствие которой произошло кровоизлияние в мозг. Ничего более определенного пока вам сказать не могу. О масштабе повреждений станет известно лишь в ходе операции. Я как раз собирался поговорить с ее родственниками. Хотите, чтобы я сам рассказал ее родителям?

– У нее нет родителей, – качаю головой я. – У нее вообще никого нет, кроме меня.

Хирург подходит к дверям, нажимает кнопку, но в последний момент оборачивается и спрашивает:

– Как вас зовут?

– Уилл.

– Меня зовут доктор Бредшоу, Уилл. Я сделаю все, что в моих силах, а вы пока возвращайтесь в комнату ожидания. Как только будут новости, вы все узнаете, – обещает он, и двери за ним закрываются.

Я оседаю на пол, пытаюсь не потерять ориентацию во времени и пространстве.

Она жива!

* * *

Вернувшись в комнату ожидания, я застаю там только Кела и Колдера.

– А где Гевин? – спрашиваю я.

– Позвонил Джоел, и Гевин вышел встретить его, – отвечает Колдер.

– Что-нибудь узнал? – спрашивает Кел.

– Она в отделении хирургии, – киваю я.

– Значит, она жива? Жива?! – вскакивает он и бросается мне на шею.

– Жива, – шепчу я, а потом сажусь в кресло и беру Кела на колени. – Кел, у нее очень серьезные травмы. Пока еще рано о чем-либо говорить, но они будут держать нас в курсе. Ясно? – объясняю я, достаю из стоящей на столике коробки бумажный носовой платок и протягиваю ему.

Некоторое время мы сидим молча. Прикрыв глаза, я прокручиваю в голове разговор с врачом: может, были какие-то намеки, которых я не заметил? Что-то в его выражении лица? В тоне голоса? Я понимаю, что ему известно гораздо больше, чем он сказал мне, и это до смерти меня пугает. А если с ней что-то случится? Даже думать об этом не хочу. Не хочу и не буду! Все будет в порядке, иначе просто и быть не может!

– Ну как? – спрашивает Гевин, входя в комнату вместе с Джоелом. – Я попросил Джоела захватить тебе чистую футболку.

– Спасибо, – благодарю я, отдаю Гевину его куртку и натягиваю футболку. – Лейк в хирургии. Черепно-мозговая травма. Пока ничего не известно... Это все. Как Эдди? Есть новости? С ребенком все в порядке? – спрашиваю я и тут же замечаю, что Гевин с ужасом смотрит на меня широко открытыми глазами.

– С ребенком?! – орет Джоел. – Гевин, с каким ребенком?! Что он несет?!

– Мы собирались вам сказать... Просто срок еще совсем маленький... И все как-то удобного случая не было...

Хлопнув дверью, Джоел выходит из комнаты, Гевин бросается за ним, а я... Я чувствую себя полным идиотом.

– Можно, мы пойдем навестим Кирстен? – спрашивает Кел.

– Да, – киваю я, – только недолго, ей нужен покой.

Мальчики уходят, и я остаюсь один. Закрываю глаза, прижимаюсь лбом к стене и делаю несколько глубоких вдохов. Не помогает: давление в груди усиливается с каждой секундой. Я пытаюсь взять себя в руки и не давать волю чувствам, совсем как Лейк. Но ничего не получается: закрыв руками лицо, я теряю самообладание. Я не плачу, нет: я рыдаю, вою и кричу...

Глава 14

Четверг или пятница, 26 или 27 января, где-то около полуночи...

Ты снова со мной, и я никогда больше не отпущу тебя. Обещаю. Я никогда больше не отпущу тебя.

Умываюсь в туалете ледяной водой. За дверью слышны чьи-то голоса. Я выглядываю в коридор – вдруг это врач? Нет, это Гевин и Джоел. Я уже собираюсь закрыть дверь, но Гевин придерживает ее:

– Уилл, твои бабушка с дедушкой приехали. Ищут тебя.

– Бабушка с дедушкой?! А кто им позвонил?

– Я. Подумал, что, может быть, они заберут Кела и Колдера к себе на время.

– Где они? – спрашиваю я, выходя в коридор.

– За углом.

Бабушка с дедушкой стоят в холле. Дедушка держит в руках пальто и говорит что-то бабушке. Наконец они замечают меня и бросаются навстречу.

– Уилл! Боже, с тобой все в порядке? – Бабушка обнимает меня и дотрагивается до повязки на лбу.

– Все хорошо, – отвечаю я, отстраняясь.

– Есть новости?

– Нет, – раздраженно качаю головой я, устав от этого вопроса.

– Где мальчики?

– Пошли навестить Кирстен.

– Кирстен?! Она тоже была с вами?!

– Да, – киваю я.

– Уилл, сестра просит вернуть заполненные анкеты. Они им нужны. Ты все заполнил? – спрашивает дедушка.

– Даже не начинал. Мне сейчас не до бумажек, – бросаю я через плечо, почувствовав, что мне срочно нужно присесть, и направляясь в сторону комнаты ожидания.

Там сидят Гевин и Джоел. Гевин выглядит ужасно: я только сейчас заметил, что у него рука на перевязи.

– Ты сам как? – спрашиваю я, глядя на его руку.

– Да нормально.

Я сажусь в кресло, кладу ноги на столик и, откинувшись на спинку,

закрываю глаза. Бабушка с дедушкой устраиваются напротив. Все напряженно смотрят на меня, как будто чего-то ждут. Чего?! Что я начну плакать?! Орать?! Крушить все вокруг?!

– Ну что?! – кричу я.

Бабушка морщится. Я чувствую себя виноватым, но извиняться не собираюсь. Закрываю глаза, делаю вдох и пытаюсь восстановить всю картину. Помню, как разговаривал с Гевинном об Эдди, помню, как он закричал. Даже помню, как дал по тормозам, но вот почему... Не помню. После этого – темнота... А потом я открыл глаза. Убрав ноги со столика, я поворачиваюсь к Гевину и спрашиваю:

– Слушай, а что вообще произошло? Я не помню...

Гевин измученно вздыхает – видимо, он слишком много раз отвечал на этот вопрос за последние несколько часов, – но все-таки рассказывает:

– Грузовик выехал на встречу и врезался в их машину. Ты дал по тормозам, поэтому мы в них не въехали. Зато в нас впилились те, кто ехал за нами, и мы слетели в кювет. Я выбрался, побежал к машине Лейкен, увидел, как она открывает дверь и выходит, и решил, что с ней все в порядке, поэтому бросился смотреть, как там Эдди.

– Значит, ты видел ее? Она сама выбралась из машины, ее не выкинуло?

– Нет, наверное, она была в шоке, а потом потеряла сознание. Но я видел, как она шла.

Не знаю почему, но мне становится легче при мысли о том, что Лейкен все же смогла сама выбраться из машины.

– Уилл! – Дедушка заглядывает мне в глаза. – Я прекрасно понимаю, что тебе сейчас не до этого, но им очень нужна информация. Они не знают даже, как ее зовут! Есть ли у нее аллергия? Какая у нее страховка? Если ты сообщишь им номера ее полиса, они многое смогут узнать сами.

– Я не знаю, – вздыхая, признаюсь я. – Не знаю, есть ли у нее страховка! Не знаю номера полиса! Не знаю насчет аллергии! У нее нет никого, кроме меня, а я ничего не знаю!

Как так вышло, что мы с Лейк ни о чем подобном не говорили? Неужели жизнь нас ничему не учит? Смерть моих родителей... Смерть Джулии... И вот перед лицом возможной гибели еще одного близкого человека я снова ощущаю себя совершенно беспомощным и растерянным...

– Прости, Уилл! Мы сами разберемся! – успокаивает меня дедушка и крепко обнимает.

* * *

Проходит еще час – от врачей ни слова. Даже об Эдди. Джоел, бабушка с дедушкой, Кел и Колдер идут перекусить в кафе, а Гевин остается со мной.

Кажется, он устал от бесконечного сидения в кресле, поэтому встает и ложится на пол. Неплохая идея. Я ложусь рядом, подсовываю руки под голову и кладу ноги на стул.

– Не хочется даже думать об этом, Уилл... Но если с ребенком что-то случится... Эдди... – со страхом произносит Гевин.

– Не надо. Не думай об этом. Давай поговорим о чем-нибудь другом, а то мы оба скоро свихнемся...

– Ну да, ты прав...

Некоторое время мы молчим, продолжая думать каждый о своем.

Я отчаянно пытаюсь придумать какую-нибудь тему для разговора, чтобы хоть как-то отвлечься, и наконец вспоминаю:

– Сегодня утром выставил Риса.

– А чего так? Я думал, вы с ним типа лучшие друзья, – с облегчением подхватывает постороннюю тему Гевин.

– Были когда-то, но все меняется. Люди меняются, и у них появляются новые лучшие друзья.

– Ну да...

Повисает пауза, и я снова начинаю думать о Лейк, поэтому поспешно продолжаю:

– Я здорово ему влепил, прямо в челюсть. Жаль, ты не видел.

– Вот и отлично, – смеется Гевин, – он мне никогда не нравился!

– Да я и сам не знаю, нравился он мне или нет. Просто по отношению к друзьям детства всегда чувствуешь себя чем-то обязанным...

– Да уж, хуже не придумаешь!

То и дело из коридора доносятся чьи-то шаги, и мы тут же настороженно вздрагиваем, но в конце концов усталость берет свое. Меня клонит в сон, но тут в комнату кто-то входит, и мы с Гевинком вскакиваем на ноги:

– Ее перевели в палату, сэр, – обращается к нему медсестра. – Можете навестить. Палата двести семь.

– С ней все в порядке?! А с малышом?!

Медсестра с улыбкой кивает, и Гевин мчится в палату. Как ни в чем не бывало.

– Доктор Бредшоу просил передать вам, что операция еще не закончена, – поворачивается ко мне медсестра. – Новостей пока нет, но, как только ситуация прояснится, мы сразу же сообщим.

– Спасибо...

* * *

Вскоре возвращаются дедушка и бабушка с Келом и Колдером. Дедушка и Кел пытаются заполнить анкету Лейк. Все, что могу подсказать я, Кел прекрасно знает и сам, но большинство полей остаются незаполненными. Дедушка отдает анкеты на пост и возвращается с коробкой.

– В машинах нашли личные вещи, – объясняет он.

Я заглядываю в коробку: сверху лежит моя сумка, потом сумочка Лейк, мой мобильный, моя куртка. Ее мобильного нет, но, зная Лейк, не удивлюсь, если она потеряла его еще до аварии. Открываю сумочку, достаю оттуда кошелек и отдаю бабушке:

– Посмотри, вдруг у нее там лежит полис...

В коробке ничего не осталось: наверное, вещи Эдди отдали Гевину.

– Уже поздно, мы возьмем мальчиков к себе, чтобы они отдохнули, – предлагает бабушка. – Тебе надо чем-то помочь, пока мы не уехали?

– Я не хочу уезжать, – вмешивается Кел.

– Кел, милый, тебе нужно отдохнуть, здесь ведь даже поспать негде! – возражает бабушка, и Кел поворачивается ко мне с молчаливой мольбой в глазах.

– Пусть останется со мной, – решаю я.

Бабушка забирает пальто и сумочку, я провожаю их до выхода. В конце коридора останавливаюсь, крепко обнимаю Колдера на прощание и обещаю позвонить, как только что-нибудь прояснится. Дедушка с бабушкой обнимают меня и уезжают. Вся моя семья уезжает, а я остаюсь здесь.

* * *

Только я задремал, как кто-то трясет меня за плечо. Я вскакиваю на ноги и оглядываюсь по сторонам в надежде увидеть врача, но, кроме Кела, в комнате никого...

– Я пить хочу, – говорит он.

Уже час ночи! Почему они до сих пор ничего мне не говорят? Достаю из кармана бумажник и протягиваю Келу мелочь:

– Вот, держи. А мне кофе захвати, хорошо?

Кел кивает и уходит. Вскоре появляется Гевин, вопросительно смотрит на меня, но я лишь отрицательно качаю головой.

– С Эдди все в порядке?

– Да, синяки-ссадины, но ничего серьезного, – отвечает он, садясь в соседнее кресло.

Я слишком устал, чтобы поддерживать разговор, поэтому Гевин, немного помолчав, продолжает:

– У нее больше срок, чем мы думали: недель шестнадцать. Они сделали узи и показали нам ребенка. Почти наверняка девочка.

– Да ты что?! – осторожно говорю я.

Я пока еще не понял, как Гевин относится ко всему этому, и решаю пока что не поздравлять. В любом случае сейчас не самый подходящий момент.

– Я видел, как бьется ее сердце, – вдруг произносит он.

– Чье сердце?! Эдди?!

– Нет, моей девочки, – улыбается он и отворачивается, пытаюсь скрыть наворачнувшиеся на глаза слезы.

– Поздравляю! – широко улыбаюсь я, решив, что момент все-таки подходящий.

В комнату входит Кел с двумя чашками кофе, одну отдает мне, с другой плюхается в кресло и делает большой глоток.

– погоди, ты что, кофе собрался пить?!

– Ага. И даже не пытайся отобрать – убегу.

– Ладно, – смеюсь я, собираясь глотнуть кофе, но тут входит доктор Бредшоу. Я вскакиваю на ноги и выплескиваю кофе на футболку. Причем на футболку Джоела... Или Гевина? В общем, не важно, чья это футболка: она вся залита кофе.

– Уилл, можно вас? – Доктор Бредшоу кивает в сторону коридора.

Я ставлю чашку с кофе на столик и поворачиваюсь к Келу:

– Я скоро вернусь.

Мы идем до самого конца коридора, а доктор все молчит. Когда он наконец начинает говорить, у меня подкашиваются ноги, приходится прислониться к стене, чтобы не упасть.

– Она перенесла длительную операцию, но ясности пока нет. Кровоизлияние довольно сильное, есть отек. Я сделал все, что мог, не удаляя участков теменной кости, так что теперь остается только наблюдать и ждать.

Сердце выскакивает из груди, мне сложно сконцентрироваться, у меня миллион вопросов...

– Чего конкретно мы ждем? Если она пережила операцию, то чего теперь бояться?!

Доктор Бредшоу прислоняется к стене рядом со мной и пристально

смотрит на свои ботинки. Думаю, он ненавидит такие моменты, но они неизбежны в его профессии... Во всяком случае, я вижу, как ему это тяжело, и стараюсь не смотреть ему в глаза, – возможно, так ему будет легче.

– Мозг – самый уязвимый орган человеческого тела. К сожалению, глядя на результаты МРТ, мы не можем сказать, насколько серьезными оказались повреждения. Нам остается только ждать. Сейчас она все еще под наркозом. Надеюсь, что к утру мы будем лучше понимать, с чем имеем дело.

– Я могу увидеть ее?

– Пока нет, – вздыхает хирург. – Возможно, мы переведем ее в реанимацию ближе к утру. Я вам сразу сообщу, – обещает он, выпрямляясь и засовывая руки в карманы халата. – У вас есть еще вопросы, Уилл?

– Миллион, – отвечаю я, глядя ему в глаза.

Он, конечно, понимает, что все мои вопросы риторические, прощается и уходит.

* * *

Возвращаюсь в комнату ожидания. Кел тут же вскакивает и подбегает ко мне:

– С ней все в порядке?!

– Операция окончена, но до утра они ничего не смогут сказать точно.

– Не смогут сказать чего?!

Я сажусь в кресло, знаком предлагаю ему сесть рядом и некоторое время молчу, пытаюсь подобрать правильные слова, чтобы все ему объяснить.

– Кел, Лейк сильно ударила головой и получила мозговую травму. Насколько она серьезная, пока неизвестно. Станет ясно, когда она придет в себя после анестезии.

– Пойду скажу Эдди – она там в истерике, – говорит Гевин и выходит из комнаты.

А я так надеялся, что после долгожданной беседы с врачом мне станет легче... Куда там! Стало еще хуже. Намного хуже! Господи, как же я хочу просто увидеть ее!

– Уилл?

– Да? – отвечаю я, не в силах даже приоткрыть глаза.

– А что будет со мной? Если... Если она вдруг не сможет обо мне заботиться? Куда меня отправят?

Неимоверным усилием воли я открываю глаза и смотрю на Кела. Как

только наши взгляды встречаются, он начинает плакать. Я обнимаю его и прижимаю головой к своей груди:

– Никуда тебя не отправят, Кел. Мы пройдем через это вместе. Ты останешься со мной – слышишь? Я серьезно. Ты останешься со мной, что бы ни случилось!

Глава 15

Пятница, 27 января

Кел!

Не знаю, как сложится дальше наша жизнь. Господи, как бы я хотел это знать!

Мне, можно сказать, повезло: я потерял родителей, когда мне было девятнадцать, а тебе – всего девять. А ведь девятилетнему мальчику еще столькому предстоит научиться без отца!

Как бы там ни было... какой дорогой мы бы ни пошли, когда покинем эту больницу, мы останемся вместе!

Я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь тебе повзрослеть, и стану тебе отцом настолько, насколько смогу. Я буду очень стараться!

Не знаю, как сложится дальше наша жизнь. Господи, как бы я хотел это знать!

Но что бы ни случилось, я всегда буду любить тебя – обещаю!

– Уилл!

Пытаюсь открыть глаза, но удается приоткрыть только один. Я лежу на полу. Глаз снова закрывается. Безумно трещит голова.

– Уилл, просыпайся!

Приподнимаюсь на локте, цепляюсь за подлокотник кресла и кое-как сажусь. Второй глаз так и не открывается. Прикрываю глаза от ламп дневного света и поворачиваюсь на голос.

– Уилл, послушай меня, пожалуйста!

Голос знакомый... Это Шерри!

– Слушаю, – шепчу я.

Такое ощущение, что, если я стану говорить хоть немного громче, голова просто расколется пополам. Я дотрагиваюсь до повязки, потом до распухшего глаза – неудивительно, что я не могу его открыть.

– Я попросила медсестру принести тебе лекарство. А еще тебе надо поесть. Кирстен отпускают домой, так что мы скоро поедem. Я отведу Кирстен в машину, а потом вернусь за Келом. Привезу его обратно днем. Мне кажется, ему нужно отдохнуть. Тебе захватить что-нибудь из дома, кроме чистой одежды?

Я отрицательно качаю головой – это не так больно, как говорить.

– Ладно, тогда звони, если вдруг что-нибудь понадобится, – говорит

она и направляется к двери.

– Шерри, – окликаю ее я, с трудом ворочая языком. – Шерри! – повторяю я чуть громче и морщусь от боли, гадая, почему у меня так адски болит голова. – На кухне в буфете стоит ваза – привези, пожалуйста.

Она кивает и уходит.

– Кел, просыпайся! Я пойду куплю чего-нибудь попить. Что тебе взять?

– Кофе, – не раздумывая, заявляет он.

Да уж, парень точно не жаворонок, совсем как Лейк! Когда я прохожу мимо поста, меня окликают одна из медсестер и протягивает мне стаканчик с таблетками:

– Это от головной боли. Ваша мама просила вам передать.

Моя мама! Ну надо же! Я быстро проглатываю таблетки и отправляюсь на поиски кофе. Двойные двери в холле открываются, когда я прохожу мимо, и меня обдает волной холода. Наверное, глоток свежего воздуха мне не помешает, решаю я, выхожу на улицу и сажусь на скамейку под навесом. Вокруг белым-бело, снегопад, похоже, не прекращался. Интересно, как будет выглядеть наш двор, когда мы с Лейк вернемся домой?

Не знаю, как я мог такое допустить, но в голове вдруг мелькает мысль: а что будет с домом Лейк, если она умрет? Ведь у нее нет родственников, которые могут разобраться со всеми формальностями: банковским счетом, коммунальными платежами, страховыми выплатами, имуществом. Мы с ней не родственники, а Келу всего одиннадцать! А вдруг мне вообще не позволят этим заниматься? И имею ли я по закону право усыновить Кела? Я гоню эти мысли прочь – зачем думать о том, чего никогда не произойдет? Я так зол на себя за то, что поддался слабости – даже в мыслях. Пойду лучше за кофе.

* * *

Вернувшись в комнату ожидания, я обнаруживаю там доктора Бредшоу. Он что-то рассказывает Келу, и тот смеется. Меня они не замечают, и я терпеливо жду, не вмешиваясь в разговор, но внимательно прислушиваясь.

– И тогда мама попросила меня сходить за коробкой, чтобы мы похоронили в ней нашего кота, – рассказывает доктор Бредшоу. – А я ответил, что коробка не потребуется, потому что я уже его оживил. Вот тогда-то я и решил, что, когда вырасту, обязательно стану доктором.

– Так вы и правда оживили того котенка? – спрашивает Кел.

– Нет, что ты, – смеется доктор Бредшоу. – Через несколько минут он

все-таки умер. Но я-то уже сделал свой выбор.

– Хорошо еще, что вы не захотели стать ветеринаром, – смеется Кел.

– Нет-нет, животные – не мой конек!

– Есть новости? – спрашиваю я, вручая Келу чашку с кофе.

– Она все еще под наркозом, – сообщает доктор Бредшоу, вставая со стула. – Нам удалось провести несколько тестов, сейчас ждем результатов, но вы можете зайти к ней на пару минут.

– Сейчас? Мы можем увидеть ее прямо сейчас? – Я начинаю зачем-то собирать вещи.

– Уилл... Я не могу пустить никого, кроме вас, – извиняющимся тоном произносит хирург, поглядывая на Кела. – Она все еще под наркозом. Я и вас-то не имею права пускать, но у меня сейчас обход, и я решил, что могу взять вас с собой...

Мне хочется уговорить его взять с собой и Кела, но я прекрасно понимаю, что он и так делает мне огромное одолжение.

– Кел, если Шерри заберет тебя до моего возвращения, я тебе обязательно позвоню, – обещаю я.

Он послушно кивает. Надо же! Я думал, Кел будет спорить, но он все понимает. Меня переполняет гордость за его поведение. Я обнимаю его и целую в макушку.

– Позвоню тебе, как только хоть что-то узнаю.

Кел снова кивает. Я достаю из сумки заколку Лейк и выхожу в коридор.

Мы с доктором Бредшоу проходим мимо поста в конец коридора, до двойных дверей, ведущих в отделение хирургии, а потом в небольшой комнатке оба тщательно моем руки. Нервы мои на пределе, я с трудом дышу, сердце просто выскакивает из груди.

– Уилл, хочу заранее тебя предупредить: она подключена к аппарату искусственного дыхания, но только потому, что мы погрузили ее в искусственную кому, поэтому не пугайся. Сейчас она не может прийти в себя, потому что мы держим ее под анестезией. Бульшая часть головы закрыта повязкой. Выглядит она плохо, но на самом деле ей не больно, мы делаем для этого все возможное. Я могу пустить тебя к ней на пару минут, но не больше. Все ясно?

Я киваю. Он открывает передо мной дверь, и я вхожу в палату.

В первый момент я отчаянно стараюсь не задохнуться. Шок от увиденного словно вышибает весь воздух из легких. Аппарат искусственного дыхания с шипящим звуком равномерно гоняет туда-сюда поток воздуха, словно выкачивая из меня надежду.

Я подхожу к кровати и беру Лейк за руку – она ледяная. Целую ее в

лоб, осыпаю ее поцелуями. Мне так хочется лечь рядом и обнять ее, но повсюду какие-то провода, трубки, шнуры... Я придвигаю к кровати стул и сажусь, не выпуская руки Лейк. На глаза наворачиваются слезы, за их пеленой я ее уже почти не вижу. Вытираю глаза уголком футболки. Господи, на ее лице такое умиротворение, как будто она просто прилегла вздремнуть!

– Я люблю тебя, Лейк! – шепчу я, целуя ее руку. – Люблю тебя, люблю тебя...

Одеяло плотно подоткнуто, больничная рубашка, голова перебинтована, но из-под повязки видны волосы. Слава богу, их не отрезали слишком коротко – Лейк бы всех поубивала! Трубка аппарата искусственного дыхания закреплена около рта медицинским скотчем, поэтому я еще раз целую ее в лоб и в щеку. Знаю, она не слышит меня, но это не важно.

– Лейк, ты должна выкарабкаться. Просто обязана, – тихо говорю я, глядя ее по руке. – Я не могу без тебя жить...

Я целую ладонь Лейк, а потом прижимаюсь к ней щекой. Совершенно нереальное ощущение: ведь я даже не знал, смогу ли когда-нибудь вновь коснуться ее кожи. Закрыв глаза, я снова и снова целую ладонь, рыдаю и целую все, до чего могу дотянуться...

– Уилл, – заглядывает в палату доктор Бредшоу, – нам пора.

Я встаю, целую Лейк в лоб, делаю шаг назад, возвращаюсь и целую руку, делаю два шага назад, иду обратно и целую в щеку...

– Уилл, пора идти, – берет меня за плечо доктор Бредшоу.

Уже в дверях я вдруг вспоминаю, что кое-что забыл. Достав из кармана фиолетовую заколку, подхожу к кровати, вкладываю заколку в руку Лейк, крепко зажимаю ее пальцы, целую в лоб и ухожу.

* * *

Остаток утра тянется медленно. Кел еще у Шерри. Эдди выписали. Она хотела остаться со мной, но Джоел и Гевин увезли ее домой. А мне остается только одно: ждать. Ждать и думать, думать и ждать – вот все, что я могу делать.

Устав торчать в комнате ожидания, я брожу по до боли знакомым, длинным больничным коридорам. Слишком много времени я провел именно в этой больнице. После смерти родителей я шесть дней кряду не выходил отсюда – сидел у постели Колдера. Ту неделю я почти не помню: мы с Колдером были как в тумане и не могли поверить в реальность произошедшего. У брата было сотрясение мозга и перелом руки. Не

думаю, что в больнице нас продержали так долго из-за его травм. По-моему, персонал просто боялся отпускать домой двоих сирот, предоставленных самим себе...

Колдеру тогда было семь, поэтому сложнее всего было отвечать на его бесконечные вопросы. Мне никак не удавалось объяснить ему, что мы никогда больше не увидим родителей. Думаю, я настолько ненавижу, когда меня жалеют, именно из-за этого шестидневного пребывания в больнице. Все, кто заговаривал со мной, смотрели на меня с такой жалостью – это было сразу заметно...

Когда Джулия болела, я на протяжении двух месяцев ездил сюда вместе с Лейк. Мы отвозили Кела и Колдера к бабушке с дедушкой, а сами ехали к Джулии. Лейк практически поселилась в больнице и большинство ночей провела здесь. Кел либо оставался со мной, либо был здесь, с ними. Через неделю после того, как Джулию положили в больницу, мы с Лейк привезли сюда надувной матрас – кровати хуже, чем в больнице, даже не представить. Нас несколько раз просили убрать матрас из палаты, но мы просто сдували его утром и вечером надували заново. Надо отдать должное персоналу: если они заставляли нас на матрасе спать, то никогда не будили.

Я провел здесь множество ночей, но на этот раз все по-другому, куда хуже. Не знаю почему: то ли от неизвестности, то ли от ощущения безысходности. Когда умерли мои родители и я сидел тут с Колдером, по крайней мере, все было ясно. Я знал, что родители умерли, а Колдер поправится. Смерть Джулии тоже была неизбежна, и мы были к этому готовы. Нам не приходилось с трепетом ждать ответов на вопросы: мы знали, чем все закончится. А на этот раз... На этот раз все намного тяжелее... и самое ужасное – неизвестность.

* * *

Не успел я задремать, как в комнату входит доктор Бредшоу. Я тут же просыпаюсь, и хирург присаживается рядом.

– Мы перевели ее на отделение интенсивной терапии. Через час начнется время приема посетителей, и вы сможете увидеть ее. МРТ пока неплохое. Через некоторое время попробуем вывести ее из наркоза и посмотрим на реакцию. Уилл, пока еще рано делать выводы, может произойти все, что угодно. Сейчас самое главное, чтобы она пришла в сознание.

По телу прокатывается волна облегчения, но секунду спустя меня вновь охватывает беспокойство. Я открываю рот, чтобы задать вопрос, но в горле

пересохло, и голос отказывается подчиняться. Беру бутылку с водой, делаю несколько глотков и пробую еще раз:

– У нее есть шанс? На полное восстановление?

– Пока ответить не могу, – вздыхает доктор. – На данный момент мы наблюдаем нормальную мозговую деятельность, но все будет зависеть от ее реакций, когда мы выведем ее из комы. Результаты МРТ могут означать, что все хорошо, а могут не значить ровным счетом ничего, поэтому пока рано говорить. Она в пятой палате на отделении интенсивной терапии, – добавляет он, вставая со стула. – Можете зайти к ней после часа дня.

Я благодарю врача, жду, пока он исчезнет за поворотом, хватаю свои вещи и со всех ног бросаюсь в противоположном направлении, к отделению интенсивной терапии. Увидев меня, медсестра не задает вопросов, настолько уверенно я себя веду, поэтому я сразу же направляюсь к пятой палате.

Здесь уже меньше проводов и трубок, но она все еще подключена к аппарату искусственного дыхания, а слева от кровати стоит капельница. Я обхожу кровать справа, опускаю бортик, ложусь рядом с Лейк, обнимаю ее, закидываю свою ногу поверх ее, беру за руку и закрываю глаза...

* * *

– Уилл! – окликает меня Шерри, я резко открываю глаза и вижу, что она стоит по другую сторону кровати.

– Привет, – шепчу я, потягиваясь.

– Я тебе одежду привезла. И вазу. Кел спал, так что я не стала его будить. Думаю, так лучше. Привезу, когда проснется.

– Да, все правильно, спасибо! Который час?

– Почти пять, – смотрит на часы Шерри. – Медсестра сказала, что ты тут спишь уже пару часов.

Приподнявшись на локте, я пытаюсь встать и понимаю, что совсем отлежал руку, но кое-как встаю с кровати и снова потягиваюсь.

– Вообще-то, посетителей сюда пускают только на пятнадцать минут, если ты не в курсе, – сообщает мне Шерри. – Судя по всему, ты им нравишься.

– Пусть бы только попробовали меня отсюда выставить, – смеюсь я, садясь в кресло.

Мебель в больницах всегда отвратительная: кровати слишком узкие – два человека на них не помещаются, стулья жесткие, а кресел с откидными спинками нет и в помине. Будь здесь хоть одно такое кресло, я бы тогда перестал испытывать к этому месту такое отвращение.

– Ты сегодня что-нибудь ел? – спрашивает Шерри. – Ну конечно нет. Пойдем вниз, я тебе что-нибудь куплю.

– Не могу. Не хочу оставлять Лейк. Ее начали выводить из комы, и она может очнуться в любую минуту.

– Ну, поесть-то все равно надо. Ладно, принесу тебе сюда...

– Спасибо.

– Ты хоть бы душ принял. Смотри, весь в крови, грязный. В общем, видок у тебя так себе, – с улыбкой добавляет она и идет к выходу.

– Шерри, только не гамбургер! – прошу я.

Рассмеявшись, она уходит.

Я встаю, беру из вазы одну звездочку и снова залезаю в постель к Лейк.

– Это для тебя, малышка, – шепчу я и разворачиваю бумажку.

Никогда, ни при каких обстоятельствах не принимайте снотворное одновременно со слабительным.

Господи, Джулия! Нам тут, вообще-то, не до шуток! Давай попробуем еще раз, милая! – говорю я Лейк и беру еще одну звездочку.

Сила происходит не из физических возможностей, а из неукротимой воли.

Махатма Ганди

Слышишь, Лейк? – шепчу я ей на ухо. – Из неукротимой воли. Именно за это я и люблю тебя.

* * *

Похоже, я снова вырубился и очнулся, почувствовав, что медсестра трясет меня за плечо:

– Сэр! Сэр, вы не могли бы на минутку выйти?

– С ней все в порядке? – спрашиваю я у вошедшего в комнату доктора Бредшоу.

– Сейчас мы отключим аппарат искусственного дыхания. Она постепенно выходит из наркоза, оставим только капельницу с обезболивающим. Выйдите, пожалуйста, на пару минут. Обещаю, мы пустим вас обратно! – с улыбкой добавляет он.

Доктор Бредшоу улыбается! Отлично! Они отключают аппарат искусственного дыхания! Отлично! Он смотрит мне в глаза! Прекрасно!

Я выхожу и в нетерпении продолжаю мерить шагами коридор.

– Все показатели в норме, – сообщает доктор, выходя в коридор через пятнадцать минут, которые показались мне вечностью. – Она дышит самостоятельно. Теперь надо подождать. – Он похлопывает меня по плечу и уходит.

Я возвращаюсь в палату и снова забираюсь к Лейк под одеяло. Прикладываюсь ухом к ее рту и слушаю ее дыхание – самый прекрасный звук на свете! Целую ее... Конечно же, я целую ее, целую миллион раз!

* * *

Шерри принесла еду и заставила меня принять душ. Около шести заехали Гевин и Эдди. Весь час, что они провели здесь, Эдди плакала, поэтому Гевин встревожился и увез ее домой. До окончания часов приема Шерри привезла сюда Кела. Он не плакал, но явно очень расстроился, увидев Лейк в таком состоянии, поэтому они вскоре уехали. Раз в час я звонил бабушке, хотя особых новостей не было.

Сейчас около полуночи. Я просто сижу и жду. Жду и думаю. Думаю и жду. Представляю себе, как шевельнется большой палец ее ноги. Или руки. Так можно и умом тронуться, поэтому через некоторое время я отворачиваюсь и начинаю думать обо всем, что произошло в четверг вечером. Машины... Где, кстати, наши машины? Надо бы позвонить в страховую... А что с учебой? Сегодня я пропустил занятия. Или вчера? Я даже не знаю, какой сегодня день недели! Суббота? Вполне возможно, что я не появлюсь в универе и на следующей неделе... Надо узнать, кто читает курсы у Лейк, и предупредить преподавателей, что ее в ближайшее время не будет... Моих, наверное, тоже надо предупредить... А школа? Что им сказать? Не знаю, когда мальчики снова начнут ходить на уроки. Если Лейк оставят в больнице еще на неделю, Кел точно откажется идти в школу... Но он и так уже целую неделю пропустил. Так нельзя. А как насчет Колдера? Где они с Келом будут жить, пока мы с Лейк в больнице? Пока она тут, я никуда не уйду. Да я вообще рискую отсюда не уйти, даже с ней, если не разберусь с машиной. Черт, где же моя машина?

– Уилл...

Я смотрю на дверь, но там никого. Отлично! Вот и галлюцинации! Я слишком много думаю. А вдруг Шерри оставила мне какое-нибудь чудесное снадобье? Наверняка. Надо посмотреть в сумке с вещами.

– Уилл...

Вскочив на ноги, я смотрю на Лейк: глаза закрыты, она не двигается... Но я же отчетливо слышал свое имя! Это точно! Я подбегаю к ней и дотрагиваюсь до ее щеки:

– Лейк?

О господи, она поморщилась! Поморщилась!

– Лейк! Лейк!!!

– Уилл? – произносит она едва слышно.

Она жмурится, пытаюсь открыть глаза. Я выключаю верхний свет и, потянув за шнурок, включаю ночник рядом с кроватью: лампы дневного света – это зло, по себе знаю.

– Лейк, – шепчу я, забираясь к ней в постель и целуя в губы, в щеку, в лоб. – Если тебе больно говорить, то не пытайся! Все в порядке, я здесь, с тобой все хорошо. Чувствуешь? – спрашиваю я, беря ее за руку.

Она кивает. Едва заметно, но все-таки кивает.

– Все хорошо, – повторяю я снова и снова сквозь слезы, – все хорошо.

Открывается дверь, и в палату входит сестра.

– Она назвала меня по имени! – радостно сообщаю я.

Сестра смотрит на меня, выбегает в коридор и возвращается вместе с доктором Бредшоу.

– Вставайте, Уилл! Надо ее осмотреть. Это недолго, и вы скоро вернетесь.

– Она назвала меня по имени, – повторяю я, сползая с кровати. – Она назвала меня по имени!

– Выйдите, пожалуйста! – с улыбкой просит меня доктор.

Прошло уже целых полчаса, а из палаты никто не выходит и не входит туда. Я стучусь. Сестра тихо приоткрывает дверь, я пытаюсь протиснуться мимо нее, но она меня не пускает:

– Сэр, подождите еще чуть-чуть!

Может, пора всех обзвонить? Нет, надо сначала убедиться, что мне не послышалось. Хотя о чем это я? Я же знаю, что она слышала меня! Говорила со мной! Шевелилась!

Доктор Бредшоу выходит из палаты, за ним по пятам следует медсестра.

– Доктор, я же не ослышался, правда? С ней все в порядке? Она назвала меня по имени!

– Успокойтесь, Уилл, прошу вас! Будете так себя вести, вас попросят покинуть отделение!

Успокоиться? Да я спокоен как слон!

– Она реагирует на раздражители, – продолжает он. – Физиологические реакции в норме. Что произошло, не помнит. Память будет возвращаться постепенно. А сейчас ей нужно отдохнуть, Уилл. Я пушу вас к ней в палату, но вы должны дать ей отдохнуть.

– Хорошо, обязательно! Обещаю! Клянусь!

– Я вам верю. А теперь идите.

Два раза ему повторять не приходится: я вхожу в палату. Лейк лежит лицом ко мне и улыбается вымученной, слабой улыбкой.

– Привет, – шепчу я.

– Привет... – едва слышно отзывается она.

– Привет, – повторяю я, подхожу к постели и глажу ее по щеке.

– Привет, – снова шепчет она.

– Привет...

– Перестань!

Она пытается засмеяться, но это больно, поэтому она закрывает глаза.

Я беру ее за руку, утыкаюсь лицом ей в шею и плачу.

* * *

В течение нескольких следующих часов она, как и предсказывал доктор Бредшоу, то приходит в себя, то снова впадает в забытие. Очнувшись, она вновь и вновь произносит мое имя. Каждый раз я говорю ей, чтобы она закрыла глаза и отдыхала. Каждый раз, когда я прошу ее закрыть глаза и отдыхать, она меня слушается.

Время от времени к нам заходит доктор Бредшоу. Они еще немного снизили дозу обезболивающих, чтобы она могла оставаться в сознании более длительные промежутки времени. Нет, все-таки пока не буду никому звонить: еще рано делать выводы. К тому же я не хочу, чтобы сюда заявила целая толпа посетителей, Лейк надо отдохнуть.

Около семи утра я выхожу из туалета, и тут она впервые произносит что-то, кроме моего имени:

– Что случилось?

– Мы попали в аварию, – отвечаю я, садясь на стул рядом с кроватью и поглаживая Лейк по плечу.

– А мальчики? – с ужасом во взгляде произносит она.

– Все в порядке, все целы и невредимы.

– Слава богу! А когда? И какой сейчас день?

– Суббота. Авария случилась в четверг вечером. Что последнее ты помнишь?

Она закрывает глаза. Я выключаю лампу над кроватью. Не понимаю, зачем нужно, чтобы свет все время горел? Неужели кому-то из пациентов нравится, когда в метре над их головой сияет лампа дневного света?

– Помню, как мы ехали на слэм... Помню твое выступление... и все... Кажется, все... Кстати, я тебя простила? – спрашивает она, хитро

поглядывая на меня.

– Да, простила, – смеюсь я. – И еще: ты меня любишь. Сильно-сильно!

– Хорошо, – улыбается она.

– Ты серьезно пострадала. Тебе сделали операцию.

– Знаю, врач говорил...

– Я тебе потом расскажу все подробно – ладно? – Я глажу ее по щеке тыльной стороной ладони. – А сейчас тебе нужно отдохнуть. Пойду пока позвоню всем нашим: Кел там с ума сходит, и Эдди тоже. Скоро вернусь – хорошо?

Она кивает и закрывает глаза. Я наклоняюсь, целую ее в лоб, беру с тумбочки телефон и шепчу:

– Я люблю тебя, Лейк.

– Еще раз, – шепчет она.

– Я люблю тебя!

* * *

Гостей становится все больше и больше, поэтому время посещения приходится строго регламентировать. Я вынужден ждать в холле, как и все остальные: в палату пускают по одному человеку. Первыми приехали Гевин и Эдди, потом Шерри привезла Кела, буквально вслед за ними вошли мои бабушка с дедушкой и Колдер.

– А мне к ней можно? – спрашивает Кел.

– Конечно можно. Она все время о тебе спрашивает. На отделение интенсивной терапии пускают только по очереди и на пятнадцать минут, сейчас у нее Эдди, так что ты следующий.

– Она говорит? С ней все в порядке? Она меня помнит?

– Да-да, все отлично! – успокаиваю его я.

– Пойдем, Внукокел, – обнимает Кела за плечи Дедопол, – позавтракаем, а потом пойдешь к сестре.

Бабушка и дедушка ведут Кела с Колдером в кафе, я прошу их захватить и мне что-нибудь из еды: наконец-то ко мне вернулся аппетит.

– Хочешь, мы заберем мальчиков к себе на пару дней? – предлагает Гевин.

– Да нет, спасибо! По крайней мере, не сейчас. Пусть останутся у бабушки еще на пару дней. Но не больше: не хочу, чтобы они долго пропускали уроки.

– Кирстен пойдет в школу в среду. Если твои привезут мальчиков во вторник, они могут пожить у нас, пока Лейкен не выпишут, – предлагает Шерри.

– Спасибо, ребята, – благодарю я их обоих.

В холл входит Эдди, на ходу вытирая глаза и всхлипывая. Гевин тут же вскакивает, берет ее под локоть и усаживает в кресло.

– Гевин, я же всего-навсего беременна! – закатывает глаза она. – Перестань обращаться со мной как с инвалидом!

– Прости, милая, просто я очень за тебя волнуюсь, – извиняется Гевин и целует ее в живот. – За вас обеих!

Эдди улыбается и чмокает его в щеку. Я рад, что мой друг наконец-то понял, что скоро станет папой. Знаю, впереди их ждет много сложностей, но, думаю, у них все получится. Может, нам с Лейк начать откладывать для них использованные звездочки? Вдруг пригодятся?

– Ну как там Лейк? – спрашиваю я.

– Отвратно, – пожимает плечами Эдди. – Но если учесть, что ей сделали операцию на мозге, то ничего удивительного. Я рассказала ей об аварии. Она расстроилась, узнав, что была за рулем, но я ее убедила, что она ни в чем не виновата. Хотя она все равно жалеет, что машину вел не ты, – тогда бы она могла свалить все на тебя.

– Да пусть валит на меня в любом случае, так ей и скажи, – смеюсь я. – Главное, чтобы она была довольна.

– Мы заедем еще раз после обеда. Ей нужно кое-что из косметики, так я привезу. В два часа нормально? Это время еще не занято?

– Нет. Спасибо, ребята, увидимся в два!

Перед уходом Эдди подходит ко мне, обнимает, и мы стоим так долго-долго.

Я смотрю на часы: следующим к ней пойдет Кел, потом Шерри, а потом, наверное, бабушка. Мне придется подождать до обеда.

– У тебя замечательные друзья, – вдруг произносит Шерри.

– А тебе не кажется, что они странные? – удивленно приподнимаю бровь я. – Многие так думают.

– Кажется, кажется. Вот поэтому я считаю их замечательными.

– Ты и сама весьма странная, Шерри, – с улыбкой говорю я, откидываясь на спинку стула.

– Спасибо, ты тоже, – смеется она в ответ.

На стуле сидеть неудобно, поэтому я снова ложусь на пол. Убираю руки за голову, тянусь и вздыхаю: на полу гораздо комфортнее. Но с Лейк все будет хорошо, так что теперь даже больничная мебель не кажется мне такой уж отвратительной.

– Уилл?

Я открываю глаза. Шерри сидит на стуле, скрестив ноги, и смущенно

теребит шов на джинсах.

– Что-то случилось? – с тревогой спрашиваю я.

– Ты держался молодцом, – негромко начинает она с улыбкой. – Знаю, тебе было непросто позвонить мне насчет Кирстен. Да еще присматривать все это время за мальчиками. И то, как ты вел себя по отношению к Лейкен... Ты слишком молод для такой ответственности, но у тебя отлично получается. Думаю, ты и сам это понимаешь. Твои родители гордились бы тобой.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. До этого момента я даже не подозревал, как мне нужно, чтобы кто-нибудь сказал эти слова. Иногда самые большие страхи и опасения можно развеять всего лишь парой добрых фраз, сказанных от души.

– Спасибо, – благодарю я Шерри.

Шерри встает со стула, ложится рядом со мной на пол и закрывает глаза. По выражению лица я понимаю, что она изо всех сил старается не расплакаться. Я отвожу глаза: женщинам иногда просто необходимо поплакать. Некоторое время мы лежим молча, а потом она глубоко вздыхает и говорит:

– Он погиб через год. Через год после того, как сделал мне предложение. В автокатастрофе.

Сначала я теряюсь, а потом до меня доходит, что она рассказывает мне о Джиме. Я перекатываюсь на бок, опираясь на локоть, и молча смотрю на нее, не зная, что сказать.

– Да все в порядке, – улыбается она, но я вижу, что она изо всех сил старается не жалеть себя. – Это было очень давно. Я люблю свою семью и не променяла бы их ни на что на свете. Но иногда мне тяжело вспоминать об этом... Например, в такие моменты, как сейчас... – добавляет она, садясь на полу по-турецки и снова начиная теребить край джинсов. – Я так испугалась за тебя, Уилл! Испугалась, что Лейкен не выберется! Смотрела на тебя и вспоминала, как все было тогда, с Джимом... Поэтому я не хотела оставаться здесь подолгу...

Я прекрасно ее понимаю... В ее голосе звучит мучительная боль... Понятная мне боль. И мне ужасно жаль, что ее жизнь сложилась именно так.

– Все нормально, – успокаиваю я Шерри. – Я и не рассчитывал, что ты будешь сидеть здесь со мной, – тебе надо было оставаться с Кирстен.

– Знаю, что не рассчитывал, – от меня все равно было бы мало толку. Но я беспокоилась за вас – за всех вас: за Кела и Колдера, за тебя, за Лейкен... А теперь мне нравятся и твои чертовы странные друзья.

Придется еще и за них беспокоиться, – смеется она.

– Знаешь, Шерри, вообще-то, это очень приятно, когда за тебя кто-то беспокоится. Спасибо тебе.

Глава 16

Воскресенье, 29 января

*Я кое-что узнал о своем сердце.
Оно может разбиться.
Его можно разорвать на кусочки.
Оно может зачерстветь и застыть.
Может остановиться. Совсем.
Может разлететься на тысячу осколков.
Может взорваться.
Может умереть.
Как снова заставить его биться?
Увидеть, как ты открываешь глаза.*

От бесконечной череды посетителей Лейк быстро устала и практически всю оставшуюся часть дня проспала. Даже когда во второй раз приехала Эдди. Но наверное, оно и к лучшему: Лейк вряд ли понравилось бы, что ее балуют, как ребенка. Медсестра принесла ей на обед суп, и она почти весь съела – впервые поела с четверга!

Она задала мне еще много вопросов о том вечере, когда случилась авария. Хотела узнать все подробности о том, как она меня простила, как мы помирились... Я рассказал ей все, что было после моего выступления. Почти не приврал... Ну, разве что немного приукрасил сцену нашего примирения – так, чтобы впечатление произвести.

* * *

Сегодня воскресенье, и больница больницей, но традиции есть традиции. Я захожу в палату и ставлю на стул пакеты с DVD-дисками, чипсами и прочей вредной едой. Лейк полулежит на кровати, сестра возится с капельницей, но, завидев меня, улыбается.

– Отлично! Вы как раз вовремя! Она не хочет, чтобы я протерла ее губкой, хочет нормально принять ванну. Я как раз собиралась помочь ей, но если хотите, можете искупать ее сами, – предлагает она, отстегивая капельницу от стойки и закрепляя катетер Лейк на запястье.

Мы с Лейк пристально смотрим друг на друга. Ну, не то чтобы я никогда не видел ее голой, просто не так долго... и не с включенным светом.

– Н-не знаю, – бормочу я, – что скажешь, дорогая?

– Тебе не впервой запикивать меня под душ, милый! Надеюсь, что на этот раз ты для начала поможешь мне раздеться, – радостно заявляет она и смеется над своей шуткой, но тут же морщится и хватается за голову.

– Ой, простите! – извиняется медсестра, почувствовав возникшую между нами неловкость. – Я думала, вы, ребята, женаты. Так написано в ее карточке.

– Да... почти что... еще не совсем, – заикаюсь я.

– Ничего страшного. Вы тогда идите в холл, а я вас позову, когда мы закончим, – успокаивает меня сестра.

– Нет-нет, – вмешивается Лейк, – он мне поможет. Ты мне поможешь! – поворачивается ко мне она.

Я киваю медсестре, та забирает поднос с лекарствами и выходит из палаты.

– Ходила сегодня? – спрашиваю я, беру Лейк под руку и помогаю ей встать с кровати.

– Ага, – кивает она. – Они заставляли меня ходить по коридору между посещениями. Сегодня получше, чем вчера, только голова кружится.

– Голову не мочите, – предупреждает вернувшаяся с полотенцами медсестра. – Там есть душ и ванна. Может быть, лучше воспользоваться ванной, тогда она сможет прилечь, – добавляет медсестра и уходит.

Лейк медленно встает и с моей помощью доходит до ванной. Я осторожно прикрываю за нами дверь..

– Ужас! Я сейчас сквозь землю провалюсь...

– Лейк, ты же сама попросила. Хочешь, сестру позову?

– Не надо. Просто я хочу по-маленькому...

– А-а-а... Сейчас...

Я беру ее под другой локоть, она делает шаг назад, хватается за металлический поручень, останавливается и командует:

– Отвернись!

– Детка, – послушно отворачиваясь, говорю я, – мне будет сложновато помочь тебе помыться, если ты не хочешь, чтобы я на тебя смотрел. А ведь ты даже еще не разделась.

– Дело не в этом. Не хочу, чтобы ты смотрел, как я писаю.

Я смеюсь и жду. Еще немного. И еще. Но ничего не происходит.

– Слушай, выйди, пожалуйста, на минутку, – просит она.

– Только не пытайся сама встать, хорошо? – качая головой, прошу я ее и выхожу, оставив дверь слегка приоткрытой, чтобы услышать, когда она позовет меня. – Ну так что, душ или ванна? – спрашиваю я, возвращаясь

через пару минут.

– Ванна. Не думаю, что смогу долго стоять под душем...

Убедившись, что Лейк держится за поручень, я отпускаю ее руку, настраиваю воду и кладу мочалку на край ванны. Снова взяв Лейк под руку, я подвожу ее к ванне, встаю позади, убираю волосы с плеч и развязываю тесемки ночной рубашки. При виде ее спины у меня перехватывает дыхание: один сплошной синяк!

Лейк медленно вытаскивает руки из рукавов. Я трогаю воду, чтобы проверить температуру, потом помогаю Лейк подняться по ступенькам и залезть в ванну. Сев, она тут же подтягивает коленки к груди, обнимает их руками и наклоняет голову.

– Спасибо, что не стал сразу приставать ко мне...

– Погоди благодарить, рано еще: мы только начали, – улыбаюсь я.

Смочив мочалку водой, я встаю на колени рядом с ванной. Ступеньки мешают, поэтому мне сложно дотягиваться до Лейк. Она берет у меня из рук мочалку и начинает мыть плечи.

– Удивительно! Оказывается, мыться – это так тяжело... Руки будто весят по пятьдесят килограммов каждая.

Я вскрываю упаковку и протягиваю ей мыло, но оно тут же выскальзывает у нее из рук. Лейк на ощупь находит его на дне ванной и намыливает мочалку.

– А ты знаешь, когда меня выпишут?

– Будем надеяться, в среду. Доктор сказал, что реабилитация может занять от нескольких дней до двух недель – в зависимости от темпов заживления, а у тебя, кажется, все происходит быстро.

– Мне так не кажется, – хмурится Лейк.

– Да ты вообще молодец! – убеждаю ее я.

Она улыбается, откладывает мочалку на край ванны и снова обхватывает руками коленки.

– Мне надо отдохнуть, – устало говорит она, прикрывая глаза. – Всего минутку, а потом займись второй рукой...

Я выключаю воду, встаю, снимаю обувь и футболку, оставляя на себе только брюки, и прошу:

– Подвинься-ка.

Лейк чуть сдвигается в сторону, я залезаю в ванну и сажусь позади нее, так что она оказывается у меня между ног и может откинуться и лечь мне на грудь, а потом беру мочалку и мою другую руку, на которую у Лейк не хватило сил.

– Ты ненормальный, – тихо говорит она.

– Ты тоже, – отвечаю я, целуя ее в макушку.

Я снова принимаюсь за дело. Мы оба молчим. Потом я прошу ее наклониться вперед, чтобы было удобнее помыть ей спину. Снова намыливаю мочалку и аккуратно прикасаюсь к коже. Синяков и царапин ужас сколько, и я стараюсь мыть ей спину как можно нежнее, чтобы, не дай бог, не причинить боль.

– Да, тебе изрядно досталось... – вздыхаю я. – Спина болит?

– Лучше спроси, что не болит...

Я по очереди целую каждый ее синяк, каждый миллиметр ее спины, надеясь, что это приглушит боль. Лейк снова ложится мне на грудь, и я покрываю поцелуями синяки на ее руках: сначала на правой, потом на левой. Перецеловав все синяки, я снова опускаю Лейк в воду. Она прикрывает глаза, и некоторое время мы лежим молча.

– Ну вот, как новенькая, – наконец говорю я, обнимаю ее и целую в щеку.

– Да-а-а, не так я представляла нашу первую совместную ванну...

– Да ты что?! – смеюсь я. – А я вот думал, что будет именно так, планировал ни в коем случае не снимать штаны.

Лейк делает глубокий вдох, долго выдыхает воздух, потом смотрит на меня через плечо и серьезно произносит:

– Уилл, я люблю тебя.

– Еще раз, пожалуйста.

– Я люблю тебя!

* * *

Сегодня, после пяти дней пребывания в больнице, Лейк наконец-то выписали. Очень удачно: вчера как раз был понедельник, поэтому я успел отдать все документы в страховые компании. Джип Лейк восстановлению не подлежит, а моя машина не так сильно пострадала, поэтому на время ремонта мне дали в аренду другую.

Доктор Бредшоу очень доволен тем, как идет выздоровление Лейк. Через две недели она должна прийти к нему на контрольный осмотр, а пока ей прописан постельный режим. Она в восторге, потому что теперь сможет все время спать в моей удобной постели. А я счастлив, потому что целых две недели она будет жить у меня.

Мне как раз удалось уладить дела Лейк в университете, поскольку в этом семестре она, конечно, не сможет посещать занятия. Она жутко расстроена, но понимает, что лишние стрессы ей сейчас совершенно не нужны: ее дело – поправляться. Я отпросился у своих преподавателей до

конца недели. Если Лейк будет сносно себя чувствовать, то с понедельника снова приступлю к занятиям. А пока у нас есть целая неделя на ничегонеделание, просмотр фильмов и поедание вредной для здоровья еды.

* * *

Кел и Колдер приносят свои тарелки в гостиную и ставят их на журнальный столик рядом с моей. Лейк лежит на диване, поэтому пока мы едим в гостиной, а не в столовой.

– Отстой-отпад? – предлагает Колдер и садится по-турецки напротив дивана. – Мой отстой: завтра снова в школу! Мой отпад: Лейкен наконец-то дома!

– Спасибо, милый, – улыбается Лейкен, – и правда отпад.

– Моя очередь, – вмешивается Кел. – Отстой: завтра снова в школу! Отпад: Лейкен наконец-то дома!

– Повторюшка! – показывает Лейкен язык брату.

– Теперь я! Отстой: моя девушка заставила меня взять в прокат шесть фильмов с Джонни Деппом. А мой отпад – вот он! – провозглашаю я и целую ее в лоб.

Сегодня даже Кел и Колдер не протестуют. Думаю, они уже привыкли, а может, просто рады, что она наконец-то дома.

– Ну, мой отстой очевиден: у меня в голове куча хирургических скобок! – восклицает Лейк, с улыбкой глядя на меня, а потом на Кела и Колдера.

– А отпад? – спрашивает Колдер с набитым ртом.

– А отпад... – ласково смотрит на него Лейк. – Мой отпад – это вы, ребята! Все трое!

Мы молчим, но тут Кел вдруг хватает картошку фри и кидает в сестру:

– Что за розовые сопли!

Лейк в ответ бросает картошкой в Кела, и тут в комнату входит Кирстен.

– Привет! Прошу прощения за опоздание, – произносит она на ходу и направляется в кухню.

А я и не знал, что она собирается зайти к нам на ужин... Придется ей есть булочки от гамбургеров... У нее сломана рука, но, похоже, она и одной неплохо справляется.

– Тебе помочь? – на всякий случай кричу я.

– Не-а, все в порядке, – отвечает она, входя в гостиную с тарелкой и садясь на пол.

Кирстен откусывает кусок куриного наггетса, а мы все в ужасе смотрим

на нее и наблюдаем за реакцией.

– Боже, какая вкуснотища! – восторгается она, запихивая в рот весь наггетс целиком.

– Кирстен... Это же... мясо... Ты же не ешь мясо... – запинаясь, произношу я.

– Ага, – кивает она, – в этом-то и прикол. Я просто дождаться не могла, пока вы вернетесь домой, чтобы зайти к вам на ужин, – рассказывает она, не прекращая поглощать наггетсы, а потом вскакивает и идет на кухню за добавкой. – А с кетчупом вкусно? – спрашивает она и, не дожидаясь ответа, выливает себе на тарелку приличную порцию.

– А почему ты вдруг передумала? – спрашивает Лейк.

– Знаете, перед тем как в нас въехал грузовик, я успела подумать, что вот сейчас умру, а мяса так и не попробовала. Больше мне жалеть было не о чем.

Все дружно смеются, а Кирстен умудряется утащить все наггетсы с моей тарелки.

– Уилл, ты не забыл про папин день в четверг? – спрашивает Колдер.

– Папин день? – вопросительно смотрит на меня Лейк.

– Не знаю, Колдер... Мне не хочется оставлять Лейк одну...

– Папин день? – повторяет Лейк. – Что еще за папин день?

– У нас в школе так называется день отца, – объясняет Кирстен. – Устраивают праздничный обед. Дети обедают вместе с папами в столовой. А мамин день – через месяц.

– А дети, у которых нет папы? Им что делать? Это несправедливо!

– А дети, у которых нет папы, сидят в столовой вместе с Уиллом, – отвечает Кел.

Лейк недовольно смотрит на меня: она не любит быть не в курсе дела.

– Я спросил Кела, можно ли мне и с ним тоже пообедать, – объясняю я.

– А меня возьмете? – спрашивает Кирстен. – У меня папа только в субботу вернется.

– Если я пойду, то конечно... Но я пока еще не знаю.

– Иди-иди, – улыбается Лейк. – Я в порядке. Хватит со мной нянчиться.

– Но ты же моя малышка. – Я целую ее в лоб, а мне в голову со всех сторон тут же летит картошки фри.

* * *

Я помогаю Лейк лечь в постель и укрываю одеялом:

– Хочешь чего-нибудь попить?

– Нет, спасибо.

Выключив свет, я подхожу к кровати с другой стороны, тихонько залезаю под одеяло, прижимаюсь к Лейк, кладу голову на ее подушку и ласково обнимаю. При следующем осмотре доктор обещал снять повязки. Лейк страшно волнуется из-за того, что в больнице ей остригли волосы, и хочет поскорее узнать, как коротко. Я пытаюсь ее успокоить, говорю, что наверняка отстригли немного, к тому же только на затылке, никто и не заметит.

Пока что она может лежать только на боку – сейчас лицом ко мне. Ее губы так близко, что я просто не могу не поцеловать ее, а потом заправляю выбившуюся прядь волос ей за ухо.

Прошлая неделя была сущим адом – и морально, и физически, но главным образом морально. Я чуть не потерял ее. Чуть не потерял! Иногда, оставаясь наедине с собой, я начинаю думать, что бы я делал, если бы все-таки потерял ее. Но я тут же гоню эти мысли прочь, напоминая себе, что с Лейк все в порядке. И со всеми остальными тоже.

Мне казалось, что это невозможно, но после всех выпавших нам испытаний я стал любить Лейк еще сильнее. Не могу даже представить себе жизнь без нее. Вспоминается видео, которое показала мне Шерри, и слова Джима: «Ты пришла в мою жизнь и разбудила мою душу». Вот что сделала со мной Лейк: разбудила мою душу!

Я снова целую ее. На этот раз поцелуй длится дольше... но я его все-таки прерываю: Лейк еще очень слаба.

– Какой отстой! – вздыхает она. – Ты хоть понимаешь, как тяжело спать с тобой в одной постели? Ты уверен, что врач говорил о целом месяце? Снова точка возврата? На месяц?!

– Ну если быть совсем точным, он говорил о четырех неделях, – отвечаю я, глядя ее по плечу. – Четыре недели – это все-таки на парутройку дней меньше, чем целый месяц.

– Вот видишь! Не надо было отказываться, когда я тебе предлагала. А теперь еще целых четыре недели. Это сколько всего недель получится?

– Шестьдесят пять, – быстро отвечаю я. – Не думай, я не считал. А четыре недели, начиная с сегодняшнего дня, заканчиваются двадцать восьмого февраля. И это я тоже не считал!

– Двадцать восьмого февраля? – смеется Лейк. – Но это же вторник! Ну кто согласится терять девственность во вторник? Давай договоримся на пятницу. Пятница – двадцать четвертое. Попробуем снова отправить Кела и Колдера к твоим в Детройт!

– Нет-нет, никаких двадцать четвертых! Доктор сказал: четыре недели – значит, четыре. Давай так: мы ждем до второго марта, а я договариваюсь с

бабушкой и дедушкой. Тогда это будет пятница, но четыре недели уже пройдут.

– Второе марта – четверг!

– Так год-то високосный!

– Черт! Ну ладно, второе так второе. Но на этот раз я хочу номер люкс. Большой.

– Не вопрос.

– Шоколадные конфеты. И цветы.

– Как скажешь, дорогая. – Я снова целую ее и переворачиваюсь на другой бок.

– И поднос с фруктами. Чтобы клубника – обязательно.

– Есть! – зеваю я, накрываясь с головой одеялом.

– И еще. Чтобы было два пушистых халата. Будем ходить в них все выходные.

– Все, что захочешь, Лейк! А сейчас давай спать, тебе нужно хорошо высыпаться.

Последние пять дней она только и делала, что спала, так что неудивительно, что сейчас у нее сна ни в одном глазу. А вот я за эти пять дней почти глаз не смыкал, поэтому они у меня слипаются. Как приятно вернуться домой и снова спать в своей постели! Тем более в одной постели с Лейк.

– Уилл? – шепчет она.

– Да?

– Мне надо в туалет...

* * *

– Ты уверена, что справишься сама? – в десятый раз за это утро спрашиваю я Лейк.

– Все будет нормально. Если что – позвоню, – заверяет меня она, показывая на лежащий рядом с кроватью телефон.

– Ну ладно... Шерри дома, звони ей, если что-то понадобится. Вернусь через час. Вряд ли этот их обед продлится дольше!

– Милый, да все будет хорошо. Иди.

– Знаю! – отвечаю я, целуя ее в лоб.

Я действительно уверен, что все будет хорошо. Она просто молодчина! Так старается поскорее поправиться, что уже многое может делать сама – даже то, что пока не стоило бы, поэтому я все-таки немного волнуюсь. Несгибаемая сила воли, за которую я ее так люблю, иногда чертовски меня раздражает!

* * *

Войдя в актовый зал, я оглядываюсь по сторонам в поисках мальчиков. Колдер машет мне рукой, и я направляюсь к их столику.

– А где Кел и Кирстен? – спрашиваю я, садясь рядом с ним.

– Миссис Брилл их не отпустила...

– С чего это вдруг? – Я оглядываюсь в поисках миссис Брилл.

– Сказала, что они просто ищут предлог, чтобы сбежать с уроков, поэтому пусть ждут обеда в обычное время, в десять сорок пять. Кел сказал ей, что ты будешь очень недоволен.

– Что ж, Кел совершенно прав. Подожди, я скоро вернусь.

Я выхожу из актового зала и сворачиваю налево, в столовую. Там стоит такой гвалт, что у меня уши в трубочку сворачиваются с непривычки. Я уж и забыл, какие дети шумные... и как у меня болит голова после аварии. Здесь так много народу, что я никак не могу найти своих, поэтому подхожу к даме, которая, судя по всему, следит за порядком:

– Не подскажете, где сидит Кел Коуэн?

– Кто? Говорите громче, плохо слышно!

– Кел Коуэн! – кричу я ей в самое ухо.

Она показывает на стол в дальнем углу столовой. Кел замечает меня издали и приветственно машет. Рядом с ним сидит Кирстен и вытирает футболку влажными салфетками. Как только я подхожу к столу, оба вскакивают.

– Что стряслось с твоей футболкой? – спрашиваю я у Кирстен.

– Да опять эти идиоты! – взглянув на Кела, отвечает она и показывает на столик напротив, где сидят трое мальчишек чуть постарше Кела и Кирстен и ржут во все горло.

– Что они тебе сделали?

– Лучше спроси, чего они не сделали! Шоколадное молоко... яблочное пюре... пудинг... желе...

– Ну да, чаще всего желе, – подтверждает Кел.

– Да ты не волнуйся, Уилл. Я уже привыкла – у меня всегда в рюкзаке запасная одежда на всякий случай.

– Не волнуйся? Какого черта?! Почему с этим до сих пор не разобрались? Ты сказала учительнице?

– Ну да, – кивает Кирстен. – Но они всегда умудряются сделать так, чтобы она ничего не увидела. Особенно после того случая, когда Кела и Колдера отстранили от занятий... Так что теперь они кидаются в меня только тогда, когда уверены, что никто не заметит. Но ты правда не

переживай, Уилл. Все в порядке. У меня есть Эбби, и Кел, и Колдер – другие друзья мне не нужны.

Я просто в бешенстве! Поверить не могу, что это происходит каждый день, а девочка молча терпит эти издевательства!

– Так, про кого из них мне говорил Колдер? Кто тот засранец? – спрашиваю я у Кела, и он показывает мне на парня, сидящего во главе стола. – Подождите-ка, ребята...

Я иду к столу, где сидит «засранец». С каждым шагом смех становится все тише, парни явно растеряны. Я беру свободный стул, сажусь рядом с «засранцем» и пристально смотрю ему в глаза.

– Привет!

– Чем могу помочь? – язвительно спрашивает он, поглядывая на своих дружков. Те веселятся.

– О, ты мне еще как можешь помочь! Как тебя зовут?

Он снова смеется и явно изо всех сил пытается не ударить в грязь лицом, продолжая играть роль наглого двенадцатилетнего хулигана. Этот парень чем-то очень напоминает мне Рису в этом возрасте. Однако скрыть страх у него все равно не получается.

– Марк, – наконец отвечает он.

– Приятно познакомиться, Марк! Меня зовут Уилл. – Я протягиваю ему руку, и он неохотно пожимает ее. – Теперь, поскольку мы официально представлены друг другу, думаю, лучше всего нам сразу поговорить начистоту. Как думаешь, Марк, ты на это способен? Хватит смелости на настоящий мужской разговор?

– А то! – нервно смеется он.

– Отлично! Видишь вон ту девочку? – спрашиваю я, показывая на Кирстен. Марк оборачивается, смотрит на нее и кивает. – Не буду ходить вокруг да около: эта девочка мне очень небезразлична. Очень! Когда с небезразличными мне людьми происходит что-то нехорошее, я обычно жутко расстраиваюсь... Думаю, можно сказать, что веду себя весьма несдержанно... – Я придвигаюсь поближе к Марку и, глядя ему в глаза, продолжаю: – Поскольку мы с тобой решили говорить откровенно, признаюсь, что раньше я был учителем. Знаешь, почему я ушел из школы, Марк?

– Нет, – качает он головой, внезапно посерьезнев.

– Я больше не преподаю, потому что один из моих засранцев-учеников решил сделать гадость одному небезразличному мне человеку и дело закончилось крайне печально... – зловеще произношу я, замечая, что все трое смотрят на меня, вытаращив глаза. – Если хочешь, Марк, можешь

воспринимать это как угрозу. Но, если честно, у меня нет никакого желания портить тебе жизнь: в конце концов, тебе ведь всего двенадцать лет. Обычно я стараюсь не надирать задницу парням младше четырнадцати, но тебе скажу вот что: не надо издеваться над людьми. Тем более над девочками. Да еще и над младшими. Это отвратительно. Но есть люди и похуже тебя – те, которые подражают тебе во всем. Жалкие слабаки эти ребята, если они выбрали главным такого, как ты. Жалкие слабаки. Что ж, Марк, мне пора. Рад был познакомиться. – Я с улыбкой встаю, ставлю стул на место и добавляю: – Мы с тобой еще обязательно увидимся.

Опершись на стол, я по очереди смотрю всем троим в глаза, а потом возвращаюсь к Кирстен и Келу.

– Пойдемте, ребята, Колдер нас ждет.

Мы возвращаемся в актовый зал и садимся за стол к Колдеру. Не проходит и двух минут, как в дверях появляется миссис Брилл и с недовольной гримасой направляется прямо к нам. Не позволяя ей сказать хоть слово, я с улыбкой протягиваю руку:

– Миссис Брилл, как мило с вашей стороны разрешить Кирстен и мальчишкам пообедать вместе со мной! Мы очень ценим ваше внимательное отношение к семьям, оказавшимся в нестандартной ситуации. Я люблю этих детей как родных, и то, что вы проявили такое уважение к нашим отношениям, хотя я им и не отец, многое говорит о вас как о человеке. Поэтому я хотел бы поблагодарить вас от всей души.

Миссис Брилл отпускает мою руку, делает шаг назад, смотрит сначала на Кирстен, потом на Кела, а затем снова на меня.

– Не стоит благодарности! Приятного аппетита! – смущенно произносит она, разворачивается и уходит.

– Ничего себе! Вот уж отпад так отпад! – восхищенно заявляет Кел.

Глава 17

Четверг, 16 февраля

Еще один день...

– Ну как, каковы потери? – спрашивает Лейк у доктора Бредшоу.

– Потери? Чьи? Ваши? – смеется он, осторожно снимая повязку с головы.

– Я о волосах. Сколько вам пришлось отхватить?

– Видите ли, нам пришлось в некотором смысле залезть к вам в голову... Мы, конечно, постарались по возможности прическу не портить, но встали перед дилеммой: волосы или жизнь.

– Что ж, – смеется Лейк, – тогда я вас прощаю!

* * *

Как только мы возвращаемся домой от врача, она тут же бежит в душ, чтобы помыть голову. Мне уже не страшно оставлять ее одну, поэтому я уезжаю за мальчиками. Подъехав к школе, я вспоминаю, что завтра у них конкурс юных дарований и те, кто записался, сегодня остаются на репетицию. Кирстен и Колдер решили участвовать, но ни словом не обмолвились, что именно будут делать. Я отксерокопировал Кирстен все свои стихи. Она сказала, что стихи ей пригодятся в научных целях, и я не стал с ней спорить. В Кирстен есть что-то такое... В общем, с такими, как она, лучше не спорить.

В конце концов мы все-таки добираемся домой. Лейк до сих пор в ванной. Знаю, ей надоело, что я с ней нянчусь, но на всякий случай все-таки решаю проверить, как там она: слишком уж много времени прошло. Она отвечает на мой стук, но просит меня уйти, и голос у нее грустный-прегрустный. Естественно, я никуда не уйду.

– Лейк, открывай! – прошу я, дергая за ручку, но дверь заперта изнутри.

– Уилл, подожди минутку, – всхлипывает она.

О господи! Она плачет!

– Лейк! Быстро открывай!

Вот теперь я уже волнуюсь по-настоящему. Она ведь жутко упрямая, и если обо что-то ударилась, то в жизни не скажет. Я барабаню в дверь и снова дергаю за ручку, но Лейк не отвечает.

– Лейк!!! – ору я.

Наконец ручка поворачивается, и дверь медленно открывается...

Лейк стоит, опустив глаза в пол, и рыдает.

– У меня все в порядке, – всхлипывает она, вытирая слезы туалетной бумагой. – И незачем так орать, Уилл.

– Почему тогда плачешь? – обнимаю ее я.

Она отталкивает меня, мотает головой, садится перед зеркалом и тихо произносит:

– Господи, это так глупо!

– У тебя где-то болит? Голова?

– Да нет, – всхлипывает она, снимая резинку с волос, – волосы...

Волосы! С ума сойти! Она так рыдает из-за каких-то волос!

– Волосы отрастут, Лейк, – с облегчением вздыхаю я. – Все будет хорошо.

Я подхожу к ней сзади, обнимаю и убираю волосы с плеч назад. На затылке есть наибольшая выбритая область. Ее действительно толком не прикрыть, потому что она прямо посередине.

– А мне кажется, тебе пойдут короткие волосы. Подожди, немного отрастут, и сделаешь стрижку!

– Да это же целую вечность ждать придется! Я в таком виде никуда не пойду. Теперь месяц из дома носа не высуну.

Она, конечно, не всерьез, но мне больно видеть ее такой расстроенной...

– А по-моему, красиво. Это спасло тебе жизнь. – Я провожу пальцами по шраму и открываю шкафчик под раковиной.

– Уилл! Ты что делаешь?! Даже не думай! Ты что, собрался побрить меня наголо?

– Еще чего! – усмехаюсь я, доставая черную коробку, в которой лежит моя машинка. Включив ее в сеть, я снимаю защиту, подношу машинку к затылку, делаю одно быстрое движение, а потом вычищаю из нее пряди волос и выкидываю их в мусорное ведро. – Ну вот, теперь мы отличная пара!

– Уилл! Ты что наделал? Зачем? – резко поворачивается ко мне Лейк.

– Да это же просто волосы, малыш, – улыбаюсь я.

Она снова вытирает глаза туалетной бумагой и смотрит на наше отражение в зеркале, а потом качает головой и смеется:

– Ты выглядишь по-дурацки!

– И ты тоже!

* * *

Если не считать визита к врачу накануне, сегодня Лейк впервые выходит из дома. Шерри согласилась присмотреть за мальчиками пару часов после конкурса, так что мы с Лейк пойдем на свидание.

– Ты никогда меня не спрашиваешь, все решаешь сам! – возмущается она.

Поэтому мне, естественно, пришлось встать на одно колено и торжественно пригласить ее на свидание. Однако посвящать Лейк в подробности я не стал, так что она понятия не имеет, какие у нас сегодня планы. Ни сном ни духом!

Эдди и Гевин уже ждут нас в актовом зале, Шерри и Дэвид тоже на месте. Я сажусь рядом с Шерри, а Лейк – с Эдди. Ей удалось завязать хвостик, поэтому шрама практически не видно. А вот мне завязывать нечего...

– Это какая-то новая мода, Уилл? Я отстала от жизни? – спрашивает Шерри, скептически поглядывая на мою «стрижку».

– Вот видишь! Я же говорила, что ты выглядишь по-дурацки! – смеется Лейк.

– Ты можешь хоть намекнуть, с чем будет выступать Кирстен? – шепотом спрашивает Шерри.

– Понятия не имею, честное слово! Думаю, будет читать стихи. Она вам не показывала?

– Нет, с очень таинственным видом обещала сделать нам сюрприз, – отвечает Дэвид.

– Колдер тоже... Не знаю, что он там задумал. Не уверен, что он то самое «дарование», которому стоит выступать на таких конкурсах...

Занавес открывается, к микрофону подходит директор Брилл, произносит вступительное слово и объявляет конкурс открытым. Все родители снимают своих детей на камеры, а я, идиот, забыл взять! Ну что я за отец?! Когда наступает очередь Кирстен, Лейк достает из сумочки камеру... Конечно, она никогда ничего не забывает. Молодец!

Кирстен выходит на сцену и поправляет микрофон здоровой рукой, на ее загипсованной руке висит сумочка.

– Сегодня я хочу показать вам, что такое слэм. Это такой поэтический жанр. С ним меня познакомил в этом году один мой друг. Спасибо тебе, Уилл! – Кирстен смотрит на меня, и я улыбаюсь ей в ответ. Набрал в легкие побольше воздуха, она громко объявляет: – Я прочитаю вам стихотворение под названием «Бабочка вас задери!»

Мы с Лейк в ужасе переглядываемся, и я понимаю, что она думает о том же, о чем и я: «О господи, только не это!»

Бабочка.
Какое красивое слово!
Какое хрупкое существо!
Хрупкое, как жестокие *слова*, срывающиеся
с ваших *губ*,
Хрупкое, как *еда*, вылетающая из ваших *рук*...
Вам от этого *легче*?
Чувствуете себя *лучше*?
Чувствуете себя настоящими *мужчинами*,
когда дразните *девчонку*?
Сегодня я *постою* за себя —
давно пора.
Не собираюсь больше терпеть,
бабочка вас задери!

Кирстен снимает с руки сумочку и достает оттуда пригоршню самодельных бабочек. Снимает микрофон со стойки и спускается со сцены в зал, продолжая говорить:

– Я бы хотела отплатить вам той же монетой. Эта бабочка для вас, миссис Брилл, – провозглашает Кирстен, подходя к директору.

Миссис Брилл широко улыбается и берет бабочку. Лейк хохочет, и мне приходится ткнуть ее локтем в бок, чтобы вела себя потише. Кирстен ходит по залу и раздает бабочек некоторым ученикам, включая тех трех, с кем у меня был разговор в столовой.

Бабочка для *тебя*, Марк.
Бабочка для *тебя*, Брендан.
Бабочка для *тебя*, Колби.

Закончив раздачу бабочек, она снова поднимается на сцену и ставит микрофон в стойку.

Хочу *вам* кое-что *сказать*.
Я обращаюсь не к *хулиганам*
и не к тем, кого они *достают*.
Я обращаюсь к тем, кто смотрит на это и *молчит*,
кто не *вступается* за тех, кто плачет,
кто просто делает вид, что ничего не заметил.
И правда, *вас* ведь это не касается,
вас никто не задирает,
да и вообще *вы* тут ни при чем,

вы не *бросаетесь* в других едой.
Но... вы держите *рот* на *замке*.
Вы не делаете ни *шагу*, чтобы *защитить*.
Вы не протягиваете *руку помощи*.
В глубине *души* вам откровенно
по фиг!
Поэтому я говорю вам:
учитесь *защищать* себя,
учитесь защищать своих *друзей!*
Я призываю вас
не сдаваться!
Не сдаваться и не *отступить!*
Тогда им нас не *достать!*

Как только Кирстен произносит «по фиг», миссис Брилл вскакивает и спешит к сцене. К счастью, Кирстен успевает закончить свою речь и уйти. Зрители в шоке. Точнее, большая часть зрителей в шоке. А наш ряд аплодирует стоя! Через пару минут мы садимся, и Шерри шепчет мне на ухо:

– Я не очень поняла, при чем тут бабочки, но вообще это было просто обалденно!

– Согласен! Это было, бабочка меня задери, просто великолепно!

На сцену вызывают Колдера. Он явно нервничает. Да и я за него волнуюсь. И Лейк тоже. Жаль, он не захотел рассказать мне, с чем будет выступать, может, я бы ему помог... Лейк направляет камеру на Колдера и приближает изображение. Я делаю глубокий вдох и молюсь, чтобы в его выступлении не было ругательств. Миссис Брилл и без того занесла нас в черный список. Колдер подходит к микрофону:

– Меня зовут Колдер. Я тоже прочитаю вам стихотворение в стиле слэма. Оно называется «Отстой-отпад».

Ну вот, начинается...

В моей жизни было много отстоя.

Очень много.

Четыре года назад, когда мне только-только
исполнилось семь,
умерли мои родители.

С каждым днем я помню их все хуже
и *хуже*.

Вот, например, моя мама...

Помню, что она любила *петь*.
Она *всегда* была такая веселая,
всегда танцевала.
Я плохо помню, как она выглядит,
разве что по фотографиям,
не помню, как она *пахнет*,
не помню, какой у нее *голос*...
Или вот мой *папа*...
Его я помню *лучше*, но только потому,
что я считал его самым удивительным человеком
на свете.
Он был такой *умный*.
Всегда мог ответить на *любой* вопрос.
А еще он был *сильный*
и умел играть на *гитаре*.
Раньше я обожал лежать в кровати по вечерам
и слушать
звуки музыки, доносившиеся из гостиной.
Поэтому я скучаю *больше всего*
по его *музыке*.
После их смерти я стал жить с бабушкой
и Дедополом.
Не поймите меня неправильно... я их очень *люблю*.
Но еще больше я люблю наш *дом*.
Наш дом, где все *напоминает* мне о родителях,
о моих маме с папой.
В год их смерти мой брат как раз поступил в колледж.
Он знал, как мне хочется домой.
Знал, как много это для меня *значит*.
Поэтому он сделал так, что я смог *вернуться*.
Мне было всего семь лет, поэтому я согласился.
Согласился, чтобы он пожертвовал *всем* ради того, чтобы я вернулся
домой.
Ради того, чтобы я не *грустил*.
Если бы можно было повернуть время вспять,
я бы *никогда* на это не согласился.
Он тоже заслуживает своего шанса в жизни.
Шанса быть *молодым*.
Но иногда, когда тебе всего семь лет,

мир совсем не похож
на **3D** игру.
Поэтому
я очень **многим** обязан своему брату.
Я не устану повторять «**Спасибо!**»,
«**Прости меня!**»,
«**Я тебя люблю!**».
Я **многим** обязан тебе, Уилл:
Благодаря тебе моя **отстойная** жизнь стала
не такой **отстойной**.
А в чем же мой **отпад**?
Мой **отпад** в том, что мы **есть** друг у друга!

Интересно, а запас слез ограничен? Если да, то я, кажется, выплакал норму на пару месяцев вперед! Встаю, пробираюсь мимо Шерри и Дэвида и выхожу в проход. Колдер спускается со сцены, я беру его на руки, крепко-крепко обнимаю и шепчу ему на ухо:

– Колдер, я тебя очень-очень люблю!

* * *

Вручения призов мы решили не дожидаться – детям не терпится провести вечер с Шерри и Дэвидом. И они торопятся поскорее уехать. Кирстен и Колдеру не важно, кто выиграет, – горжусь ими! Все-таки не зря я вбивал Кирстен в голову цитату из Алана Вульфа: «Балом правят не баллы, балом правит поэзия».

Дэвид и Шерри увозят мальчиков. Мы с Лейк идем к машине, и я помогаю ей сесть.

– А где мы будем ужинать? Я жутко проголодалась, – заявляет она.

Я молча закрываю пассажирскую дверь, сажусь за руль, достаю с заднего сиденья два пакета и вручаю один ей:

– Ужинать времени нет. Я сделал горячие бутерброды с сыром.

Она с улыбкой открывает пакет и достает оттуда сэндвич и лимонад. Я не ошибся: она прекрасно помнит наше первое свидание.

– А есть сэндвич обязательно? – морщит носик она. – Он сколько уже в машине-то валяется?

– Ну, максимум два часа, – со смехом отвечаю я. – Но это скорее ради поддержания традиции, уж прости! – признаюсь я, забираю у нее сэндвич и кидаю обратно в пакет. – Путь неблизкий, и мы можем скоротать время за игрой. Она называется «Ты бы предпочел...». Знаешь правила?

– Пришлось как-то сыграть с одним крутым парнем, – с улыбкой кивает Лейк. – Но это было давно и неправда... Может, ты начнешь, а я как раз вспомню?

– Ладно, но сначала мне нужно кое-что сделать, – соглашаюсь я, открываю бардачок и достаю оттуда повязку на глаза: – У меня для тебя сюрприз, поэтому надень ее, пожалуйста. Ты не должна видеть, куда мы едем.

– Ты собираешься завязать мне глаза? Серьезно? – Она со вздохом наклоняет голову.

– Вот так, – довольно говорю я, завязывая покрепче. – И, чур, не подглядывать.

Мы выезжаем с парковки, и я задаю ей первый вопрос:

– Итак, ты бы предпочла, чтобы я выглядел как Хью Джекман или Джордж Клуни?

– Как Джонни Депп! – быстро отвечает она. Слишком быстро.

– Какого черта, Лейк! – разочарованно восклицаю я. – Ты должна была сказать: «Лучше бы ты выглядел как Уилл!» Я должен нравиться тебе таким, какой есть.

– Но такого варианта не было!

– Джонни Деппа тоже никто не предлагал.

– Ладно, – смеется она, – моя очередь! Ты бы предпочел страдать от неконтролируемой отрыжки или лаять, как только кто-нибудь произносит слово «это»?

– Лаять в смысле, как собака?

– Ага.

– Нет уж, лучше отрыжка.

– Прекрасно! – морщится она. – Я бы еще, может, пожила с тобой лающим, но если у тебя все время будет отрыжка...

– Что ж, тогда буду лаять. Мой ход. Ты бы предпочла быть похищенной инопланетянами или поехать в турне с группой «Никельбек»?^[3]

– Лучше бы меня похитили «Братя Эйвитт».

– Такого варианта нет.

– Тогда пусть будут инопланетяне Ты бы предпочел быть богатым стариком, которому осталось жить всего год, или бедным печальным юношей, которому жить еще пятьдесят лет?

– Я бы предпочел быть Джонни Деппом.

– Да ты вообще играть не умеешь! – дразнится Лейк.

Я беру ее за руку, она со смехом откидывается на спинку сиденья. Она понятия не имеет, куда мы едем. Наверняка рассердится, когда увидит, но,

надеюсь, быстро сменит гнев на милость. Я еще немножко езжу кругами, и мы продолжаем играть. Если честно, с ней я мог бы играть в эту игру весь вечер, но мы все-таки прибываем наконец в пункт назначения. Я быстро вылезая из машины, открываю дверцу и помогаю Лейк выйти:

– Держи меня за руку, я тебя отведу.

– Уилл, я волнуюсь. Вечно у тебя какие-то тайны.

– Никаких тайн, просто мне нравится делать тебе сюрпризы! Еще чуть-чуть – и я сниму с тебя повязку.

Мы заходим в дом, и я едва сдерживаю улыбку, предвкушая реакцию Лейк, когда она откроет глаза!

– Сейчас я сниму повязку, но, пожалуйста, обещай мне не забывать, как сильно ты меня любишь. Хорошо?

– Обещать не могу, – отвечает она.

На свой страх и риск я снимаю повязку. Лейк открывает глаза и тут же приходит в ярость:

– Какого черта, Уилл?! Ты снова привез меня на свидание к себе домой?! Почему ты вечно так поступаешь?!

– Прости, – смеюсь я, бросая повязку на журнальный столик и обнимая Лейк. – Просто некоторые вещи лучше делать не на людях, а тет-а-тет, и это одна из них.

– Что еще за вещь? – встревоженно спрашивает она.

– Садись, я сейчас приду. – Я целую ее в лоб, а сам ухожу в спальню, достаю из шкафа заранее заготовленный сюрприз, кладу в карман и возвращаюсь в гостиную. Включив музыкальный центр, ставлю на повтор «Я тебя люблю» – ее любимую песню.

– Лучше сразу скажи, пока я не разрыдалась... Это как-то связано с моей мамой? Ты же говорил, что ваза со звездочками – это последнее послание!

– Последнее, клянусь, – заверяю я, сажусь на диван, беру ее за руку и торжественно начинаю: – Лейк, я должен тебе кое-что сказать и хочу, чтобы ты выслушала меня, не перебивая.

– Да я вообще никогда не перебиваю! – огрызается она.

– Вот видишь! Ты уже перебиваешь! Пожалуйста, потерпи.

– Постараюсь, – смеется она, сменив гнев на милость. – Говори!

Нет, что-то не так... Как-то уж очень официально мы сидим – непохоже на нас. Я усаживаю Лейк к себе на колени, и она ногами обнимает меня за талию, руками – за шею и внимательно смотрит мне в глаза. Только я собираюсь открыть рот, как она спрашивает:

– Уилл...

– Лейк, ты меня перебиваешь!

– Я тебя люблю, – с улыбкой продолжает она, глядя меня по щеке. – Спасибо, что ты так заботишься обо мне.

Ну вот, сбила меня с мысли! Но я не в обиде. Медленно глажу ее по рукам и обнимаю за плечи:

– Лейк, на моем месте ты бы поступила точно так же. Иначе и быть не может.

– Да, – улыбается она, а по щеке медленно ползет вниз слезинка, которую она даже не пытается смахнуть. Иначе и быть не может.

– Лейк, ты для меня важнее всего на свете, – начинаю я, беря ее за руки и целуя каждый пальчик. – Ты так много принесла в мою жизнь... Именно тогда, когда мне это было очень нужно. Ты себе даже не представляешь, в каком отчаянии я находился до нашего знакомства. Я хочу, чтобы ты понимала, как сильно изменила мою жизнь.

– Я понимаю, Уилл, я тоже была в отчаянии...

– Снова ты меня перебиваешь...

– Да мне все равно, – подмигивает она.

Я смеюсь, толкаю ее на диван и сажусь сверху:

– Ты хоть понимаешь, как иногда меня раздражаешь?!

– Вопрос вроде как риторический, да? Ты же только что попросил меня не перебивать – как же я отвечу?

– Боже, Лейк! Ты просто невыносима! Ты же не даешь мне и пары фраз сказать!

– Ну все, все, – шепчет она, цепляясь за мою футболку. – Слушаю. Обещаю молчать.

Мне отчаянно хочется ей верить, но, как только я собираюсь продолжить, она награждает меня таким страстным поцелуем, что я напрочь забываю все, что хотел сказать. В мире не существует ничего, кроме вкуса ее губ, кроме ее рук, глядящих меня по спине. Я прижимаюсь к ней всем телом и позволяю ей еще больше сбить меня с толку. Она сбивает, сбивает, сбивает... Нечеловеческим усилием я отрываюсь от нее, сажусь и отодвигаюсь подальше.

– Черт побери, Лейк! Ты дашь мне сказать или нет?! – восклицаю я, усаживаю ее ровно и встаю перед ней на колени.

Думаю, до этого момента она даже не подозревала, что ее ждет сегодня вечером. Она смотрит на меня с удивлением, на лице попеременно отражаются страх, надежда, предвкушение, тревога... Со мной происходит то же самое, но я все-таки беру ее за руку, делаю глубокий вдох и начинаю:

– Я сказал, что звездочки были последним подарком от твоей мамы.

Теоретически так оно и есть.

– погоди! Что значит «теоретически»?! – вырывается у Лейк, но она тут же понимает, что снова меня перебила, и ловит мой сердитый взгляд. – Прости! – восклицает она и зажимает ладонью рот.

– Да, теоретически! Я сказал, что звездочки были ее последним подарком нам обоим – так оно и есть. А еще она дала одну звездочку лично мне, чтобы я подарил ее тебе, когда настанет время. Когда ты почувствуешь готовность... Я искренне надеюсь, что ты наконец готова. – Я достаю из кармана звездочку, кладу ее в раскрытую ладонь Лейк и жду.

Она разворачивает ее и достает кольцо – обручальное кольцо ее мамы: Лейк громко ахает и прикрывает ладонью рот. Я беру ее за руку, собираюсь с духом и говорю:

– Я знаю, что мы еще очень молоды, Лейк. У нас вся жизнь впереди, и, наверное, нам рано думать о браке. Но иногда жизнь идет не совсем так, как положено. Особенно наша с тобой жизнь: в ней хронологический порядок нарушился уже очень давно.

Лейк молча протягивает мне безымянный палец. Руки дрожат у нас обоих, но мне все-таки удается надеть ей кольцо. Оно идеально подходит ей по размеру. Свободной рукой она вытирает мне слезы и целует в лоб. Ее губы оказываются в опасной близости от моих, и я не могу не поцеловать ее. Лейк обнимает меня за шею, медленно переползает с дивана ко мне на колени, я теряю равновесие, и мы падаем назад, не прерывая поцелуя. Это лучший поцелуй в моей жизни!

– Я люблю тебя, Уилл! – шепчет она, почти не отрываясь от моих губ. – Люблю тебя, люблю тебя, люблю тебя!

– Это еще не все, – ласково отстраняюсь от нее я, переворачиваюсь на спину и приподнимаюсь на локте: – Перестань, бабочка тебя задери, меня перебивать!

– Ну давай уже, делай мне предложение! – кричит Лейк, совсем по-детски молотя ногами воздух. – Я же сейчас умру от нетерпения!

– Вот-вот, Лейк... Дело в том, что я не собираюсь делать тебе предложение...

Не успеваю я закончить фразу, как на ее лице отражается настоящий ужас. Я быстро прижимаю палец к ее губам, делая знак помолчать.

– Я знаю, что ты любишь, когда тебя просят, а не когда тебе говорят, что делать. – Я наклоняюсь, смотрю ей прямо в глаза и понижаю голос до шепота: – Но я не прошу тебя выйти за меня замуж – я приказываю тебе выйти за меня замуж, Лейк, потому что жить без тебя не могу.

Лейк начинает плакать, потом смеяться, затем смех смешивается со

слезами, а она тем временем еще успевает целовать меня.

– Боже, как я ошибалась! Иногда девушки обожают, когда им приказывают, – шепчет она между поцелуями.

* * *

– Ты что, залетела? – спрашивает Эдди.

– Нет, Эдди. Залетела у нас ты, – отвечает Лейк.

Мы сидим в гостиной. Лейк не выдержала и сразу же позвонила Эдди, чтобы сообщить ей радостную новость, поэтому уже через час Эдди и Гевин стояли у нас на пороге.

– Не пойми меня неправильно: я за вас ужасно рада, просто как-то странно... Чего это вы вдруг? До второго марта остается всего две недели...

Мы с Лейк переглядываемся, она подмигивает мне и прижимается крепче. Я целую ее, потому что... Потому что по-другому – просто никак!

– А зачем мне традиционная свадьба, Эдди? – обращается к подруге Лейк. – У нас в жизни все и так, мягко говоря, нетрадиционно! Родителей у нас нет, звать, кроме вас с Гевинком, особо некого. Бабушка с дедушкой Уилла, может, вообще не захотят прийти... Она же меня терпеть не может!

– Ой, совсем забыл! – перебиваю ее я. – Вообще-то, ты очень даже нравишься моей бабушке. Еще как! Просто ее бесит, как я себя с тобой веду.

– Правда? Откуда ты знаешь?

– Она мне сама сказала.

– Да ты что?! Приятно слышать, – улыбается Лейк.

– Вот видишь! – торжествует Эдди. – Они придут! И Шерри с Дэвидом придут! Вот, уже девять человек!

– Девять человек! – закатывает глаза Лейк. – И ты хочешь, чтобы мы закатали настоящую свадьбу ради девяти человек?!

– Ладно, сдаюсь! – вздыхает Эдди, падая на колени к Гевину. – Ты права. Просто мне так охота когда-нибудь организовать настоящую свадьбу!

– Вот свою и организуешь! – утешает ее Лейк, поглядывая на Гевина. – Через сколько там минут ты собираешься сделать ей предложение, Гевин?

– Примерно через триста тысяч, – и бровью не поведя, отзывается он.

– Вот видишь, Эдди. К тому же я хочу, чтобы ты сделала мне прическу и макияж. А еще нам нужны свидетели. Вы с Гевинком сойдете, и еще Кел с Колдером.

Эдди улыбается. Убедившись, что ее точно пригласят, она явно вздохнула с облегчением.

Сначала я и сам скептически отнесся к предложению Лейк. Но потом она мне все объяснила, и когда я понял, сколько денег мы можем сэкономить на свадьбе, то быстро согласился. А насчет даты у нас разногласий, понятное дело, не было.

– А что будете делать с домами? Где будете жить? – спрашивает Гевин.

Это мы с Лейк начали обсуждать еще две недели назад, до того как я сделал ей предложение. После выписки она провела в моем доме десять дней, и мы поняли, что больше не сможем жить отдельно. Примерно с неделю назад мы придумали отличный план и решили, что сейчас самое время сообщить о нем нашим друзьям.

– Вот об этом мы как раз и хотели с вами поговорить, ребята. Мне выплачивать ипотеку за дом еще три года. Перед смертью Джулия оплатила арендную плату за дом до сентября – тогда истекает срок договора. Так что мы имеем свободный дом с оплаченной арендой на полгода вперед. Мы знаем, что вы ищете жилье перед рождением ребенка, так что предлагаем вам поселиться у Лейк как минимум до сентября, а там вы уже сами решите, продлевать вам договор или нет.

Они молчат и смотрят на нас с открытыми ртами. Гевин качает головой и собирается было возразить, но Эдди шлепает его по губам, поворачивается ко мне и радостно кричит:

– Мы согласны! Согласны, согласны, согласны!!! Ура!!! – верещит она, хлопая в ладоши, потом обнимает Лейк и меня. – Господи, ребята, вы настоящие друзья! Правда, Гевин?

Гевин смущенно улыбается – ему не хочется показывать, как он рад, но я-то знаю, что ситуация у них безвыходная. Постепенно радость Эдди перевешивает его смущение, и он обнимает Лейк, потом меня, потом Эдди, а потом еще раз меня. Когда страсти наконец успокаиваются, мы садимся на диван, и с лица Гевина вдруг моментально исчезает улыбка.

– Знаешь, кто теперь будет нашей соседкой? – мрачно спрашивает он у Эдди. – Кирстен!

Глава 18

Пятница, 2 марта

Что стоит любой боли,

*Любых слез,
Любых ошибок?
Сердца любящих мужчины и женщины —
Вот что стоит **всех** страданий **мира**.*

Последние две недели я делаю все возможное, чтобы Лейк отказалась от этой идеи. Она уверяет меня, что не хочет традиционную свадьбу, но я боюсь, что потом она пожалеет об этом, ведь большинство девушек годами планируют церемонию в малейших подробностях. Хотя о чем это я? Лейк не такая, как большинство девушек.

Делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться. И чего я так волнуюсь? Непонятно! Вообще-то, я рад, что у нас все так неформально. Толпа гостей наверняка свела бы меня с ума. Ладони безбожно потеют, и я вытираю их о джинсы. Лейк настояла на том, чтобы я надел джинсы, – сказала, что не желает видеть меня в смокинге. В каком она будет платье, я не знаю, но точно не в свадебном. По ее словам, покупать платье, которое наденешь всего раз в жизни, сущая глупость.

Никакого торжественного шествия не будет. Не удивлюсь, если они с Эдди сейчас в туалете муниципалитета доделывают Лейк макияж. У меня полное ощущение нереальности происходящего: я женюсь на любимой девушке в том же здании, где регистрируют автомобили! Но если честно, мне наплевать, где это произойдет, – я весь в предвкушении и жутко нервничаю!

Распахиваются двери. Никакого свадебного марша, никаких подружек невесты с букетами, никаких колец на бархатной подушечке. В зал входит Эдди и садится рядом с Келом. Вслед за ней появляется судья и протягивает мне заявление и ручку:

– Вы забыли проставить дату.

Положив заявление на коленку, я пишу: «Второе марта». Это наш день, наш с Лейк! Отдаю заявление судье, и тут двери снова открываются. Я оборачиваюсь, вижу на пороге сияющую Лейк, и меня тут же накрывает волна умиротворения. Одно только ее присутствие мгновенно успокаивает мне нервы.

Лейк потрясающе красива! На ней тоже голубые джинсы и... та самая жуткая рубашка! Она надела ту самую жуткую рубашку, которую я так люблю и ненавижу. Если бы она предложила мне самому выбрать, что ей надеть в день свадьбы, я бы не смог придумать ничего лучше.

Лейк подходит ко мне, я обнимаю ее, подхватываю на руки, кружу и снова ставлю на пол.

– Осталось два часа! – шепчет она мне на ухо.

Два часа не до свадьбы, а до начала медового месяца! Я целую ее, и весь окружающий мир пропадает... К сожалению, всего на секунду.

– Кхм-кхм, – раздается кашель недовольного регистратора. – Кажется, мы еще не дошли до той части, где жениху полагается поцеловать невесту.

Рассмеявшись, я беру Лейк за руку, и мы поворачиваемся к регистратору. Он начинает официальную церемонию, Лейк гладит меня по щеке и заглядывает в глаза, не обращая на него ровным счетом никакого внимания.

Я беру ее руки в свои и поднимаю их вверх. Регистратор что-то говорит... Предполагается, что мы должны его слушать, но я не могу отвести глаз от Лейк и думать о чем-то, кроме нее. Сейчас есть только я и она. Знаю, что еще рано, но все равно целую ее. Мы продолжаем целоваться, так и не расслышав ни слова из текста церемонии. Через минуту эта женщина станет моей женой! *Моей жизнью!*

– Согласна, – смеясь, говорит Лейк, не отрываясь от моих губ.

А я и не заметил, что мы уже дошли до этого момента! Она снова прикрывает глаза и прижимается ко мне. Знаю, для многих людей свадьба – важное событие, но я едва сдерживаюсь, чтобы не подхватить ее на руки и не вынести из зала сию же секунду! Через несколько секунд она вдруг заливается смехом и громко говорит:

– Он согласен!

Она ответила за меня! Я отодвигаюсь от нее, смотрю на регистратора и произношу:

– Это правда. Я согласен!

А потом поворачиваюсь к ней и возвращаюсь к своему занятию.

– Что ж, в таком случае поздравляю и объявляю вас мужем и женой! Можете продолжать целовать невесту, – завершает церемонию регистратор.

А что же еще мне прикажете делать?!

* * *

– Только после вас, миссис Купер! – галантно кланяюсь я, пропуская Лейк вперед, когда мы выходим из лифта.

– А мне нравится! И колечко симпатичное прилагается! – улыбается она.

– Рад, что вы так считаете. Впрочем, если вы вдруг передумали, так уже поздно.

Двери лифта закрываются, я достаю из кармана ключ и еще раз

проверяю, какой у нас номер.

– Нам туда, – показываю я направо, беру ее за руку и веду по коридору.

– Погоди-ка, муженек! – Лейк вдруг резко останавливается. – Ты же должен перенести меня через порог – так положено!

Я наклоняюсь, чтобы подхватить ее на руки – Лейк обнимает меня за шею и обвивает ногами бедра! Я едва успеваю ее подхватить! Губы оказываются на нужном уровне, и я целую ее. Она задорно улыбается, гладит меня по голове и вся отдается поцелую. Пытаюсь удержать ее одной рукой за ноги, другой – за талию, но чувствую, что она сползает вниз, поэтому быстренько прижимаю ее спиной к двери в номер. В чужой номер. Ничего, тоже сойдет. Лейк стонет, и я вспоминаю, что еще пару недель назад у нее вся спина была в синяках.

– Все в порядке? Тебе не больно?

– Ни капельки, – смеется она. – Это я от удовольствия.

Я просто тону в ее глазах и не в силах оторвать от нее взгляд, а тем временем продолжаю прижимать ее к двери, покрепче берусь за ее бедра и приподнимаю.

– Еще пять минут! – предупреждаю ее я, снова целую, но ее зрачки вдруг расширяются, и я чувствую, как наша опора стремительно уходит куда-то.

Дверь, к которой мы прислонились, резко открывается. Я пытаюсь поймать ее, но в результате мы оба падаем на пол в чужом номере. Лейк продолжает обнимать меня за шею, мы смеемся, но потом обнаруживаем, что в номере стоит мужчина с двумя детьми. Все трое смотрят на нас и явно не разделяют нашего веселья.

– Бежим! – шепчу я на ухо Лейк.

Мы выползаем в коридор, вскакиваем на ноги, я беру ее за руку, и мы бросаемся наутек. Добежав наконец до нашего номера, я вставляю ключ в замок, но Лейк протискивается между мной и дверью:

– Еще три минуты, – говорит она и, многозначительно глядя мне в глаза, нажимает на ручку и распахивает дверь. – А теперь перенеси-ка меня через порог, муженек!

Я подхватываю ее на руки и перекидываю через плечо, Лейк верещит от восторга, и я торжественно переступаю порог номера с женой на плече! Дверь громко хлопает за нашей спиной. Я осторожно опускаю Лейк на кровать.

– Ага! Пахнет шоколадом! И цветами! Отличная работа, муженек!

– Спасибо, женушка, – благодарю я, приподнимаю ее правую ногу и снимаю ботинок. – А еще я не забыл про фрукты. И про халаты, –

добавляю я, снимая левый ботинок.

Лейк подмигивает мне, перекачивается на бок, садится на кровати и, схватив меня за руку, тянет к себе.

– Иди сюда, муженек, – шепчет она.

– Слушай, – вдруг говорю я, застывая в нескольких сантиметрах от нее, – сняла бы ты все-таки эту жуткую рубашку.

– Она же тебе не нравится – ты и снимай.

Я беспрекословно повинуюсь. На этот раз я начинаю снизу: целую ее в живот, как раз над джинсами, и чувствую, как она вздрагивает – не то от наслаждения, не то от щекотки. Ага, будем знать! Я медленно расстегиваю нижнюю пуговицу рубашки, потом еще одну и, наконец, целую Лейк в пупок. Она постанывает, но теперь это меня не тревожит. Я продолжаю свое занятие, попутно целуя каждый сантиметр ее тела, пока жуткая рубашка не летит на пол. Наши губы находят друг друга, и я в последний раз спрашиваю:

– Ну что, женушка, уверена, что точки возврата не будет? Сто процентов?

– Сто процентов, бабочка меня задери! – отвечает она, обвивая меня ногами.

И точка возврата остается в прошлом!

Благодарности

Невозможно в одном абзаце перечислить всех людей, которых я хотела бы поблагодарить, поэтому мне просто придется написать еще штук десять романов, чтобы в послесловии хватило места для всех. Для начала поблагодарю всех прекрасных женщин в моей жизни: прототипов героинь этого романа, верных подруг, участниц референтных групп и группу 21. Люблю вас всех, благодаря вам в последнюю минуту я все-таки не упустила свой шанс! Вы навсегда изменили мою жизнь!

Примечания

1

Тамалес – рулетики из листьев маиса, начиненных мелкорубленным маисом, остатками дичи, мяса и рыбы или разными овощами, распространены в центральноамериканской кухне, особенно популярны в Мексике.

2

Джувьярдская школа – одно из крупнейших американских высших учебных заведений в области искусства и музыки. Расположена в Нью-Йорке, в Линкольн-центре.

3

«*Nickelback*» – канадская рок-группа, играющая в стиле альтернативный рок. Название группы образовано от англ. «Here's your nickel back» – «Вот ваша сдача» (дословно: «Вот ваши пять центов сдачи»).